

ИЗВЕСТИЯ

Уральского государственного

УНИВЕРСИТЕТА

ЕКАТЕРИНБУРГ

ИЗВЕСТИЯ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. В. Алексеев**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. РАН
(Новосибирск)
- Д. Беннер**, проф. (Берлин)
- Дж. Боулт**, проф. (Лос-Анджелес)
- С. В. Гольнец**, акад. РАН
(Екатеринбург)
- А. В. Головнев**, чл.-корр. РАН
(Екатеринбург)
- К. Н. Любутин**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- М. Перри**, проф. (Бирмингем,
Великобритания)
- А. В. Перцев**, докт. филос. наук
(Екатеринбург)
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
(Москва)
- Х. Рюсс**, проф. (Мюнстер)
- В. В. Тулупов**, докт. филол. наук
(Воронеж)
- А. В. Черноухов**, докт. ист. наук
(Екатеринбург)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- Председатель
Д. В. Бугров, ректор УрГУ
- Заместители председателя
- А. О. Иванов**,
проректор по научной работе
- С. А. Рогожин**,
проректор по учебной работе
- А. В. Подчиненов**,
директор издательско-
полиграфического
центра «Издательство УрГУ»
- Члены редакционного совета
- Л. М. Макушин**,
канд. ист. наук,
гл. редактор серии 1
«Проблемы образования,
науки и культуры»
- Л. С. Соболева**,
докт. филол. наук,
гл. редактор серии 2
«Гуманитарные науки»
- Н. В. Суслов**,
канд. филос. наук,
гл. редактор серии 3
«Общественные науки»

2011
№ 1 (86)

Серия 1
ПРОБЛЕМЫ
ОБРАЗОВАНИЯ,
НАУКИ И КУЛЬТУРЫ

СЕРИЯ ОСНОВАНА
В 1995 ГОДУ

ВЫХОДИТ
ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Л. М. Макушин

Ответственный секретарь

Л. А. Хухарева

Члены редколлегии

В. М. Амиров

(ответственный за выпуск)

Л. П. Быков

Т. А. Галеева

В. Д. Камынин

(ответственный за выпуск)

Б. Н. Лозовский

Ю. Л. Мандрика

В. И. Михайленко

А. Г. Нестеров

Л. Г. Попова

Л. Л. Рыбцова

А. П. Чудинов

Журнал «Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23103 от 10 октября 2005 г.
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) 3 июля 2007 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 1817–7158
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **педагогическим наукам, психологии, филологии, культурологии, истории и социологии** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 82410
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на сайте Уральского государственного университета: www.usu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА 1945 ГОДА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА	
<i>Гребенников П. В.</i> О попытках пересмотра хода и итогов Второй мировой войны 7	ции истории Великой Отечественной войны 81
<i>Арсланова (Михайленко) Е. Б.</i> Великая Победа 1945 года как основополагающий ритуал России (в контексте национальной идентичности) 13	<i>Лямзин А. В.</i> Великая Отечественная война в риторике лидеров стран СНГ 84
<i>Быкова С. И., Баранова Л. Я.</i> Война и память как этические и исторические категории (на основе исследования знаний студентов) 26	<i>Михайленко А. В.</i> «Параллельная стратегия» Муссолини в записях исторического дневника Верховного командования (11 июня – 31 августа 1940 г.) 90
<i>Вершинина Т. С.</i> Художественные и речевые средства в формировании установок на героическое поведение... 31	<i>Мотревич В. П.</i> Вклад сельского хозяйства республик Союза ССР и регионов РСФСР в победу в Великой Отечественной войне 98
<i>Журихина Е. В.</i> Британский проект Объединенных Социалистических Штатов Европы (1942–1943) как идея послевоенного преобразования европейского пространства 38	<i>Панькин И. Д.</i> Организация управления промышленностью Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны в современной историографии 103
<i>Запарий В. В.</i> Инновационные процессы в металлургии Урала в военные годы (1941–1945) 46	<i>Победаш Д. И.</i> «Дети света»: моральное оправдание Р. Нибуром сотрудничества США с СССР в борьбе с нацизмом 112
<i>Запарий Вас. В.</i> Эвакуация танковых заводов на Урал в годы Великой Отечественной войны 53	<i>Табаринцева-Романова К. М.</i> Парад в Москве сквозь призму итальянских СМИ 119
<i>Камынин В. Д.</i> Историческая память о Великой Отечественной войне как фактор формирования общественного сознания 59	<i>Турдубекова Т. Ш.</i> Советско-английские переговоры о проведении совместной акции в Иране (август – сентябрь 1941 г.) 122
<i>Кулагин А. С.</i> Роль СССР в международном признании новой Югославии на завершающем этапе войны (1944–1945) в контексте межсоюзнических отношений 65	<i>Усова А. Н.</i> Зарубежные исследователи об итогах Второй мировой войны ... 129
<i>Ларин Д. А.</i> Советская шифровальная служба в годы Великой Отечественной войны 69	<i>Чевтаев А. Г.</i> Сталин, Рузвельт, Черчилль: политическая стратегия Большой тройки от «Барбароссы» до «Терминала» 135
<i>Личман Б. В.</i> Методология фальсифика-	<i>Шапошников Г. Н.</i> Электросвязь и связисты Урала в 1941–1945 гг. 143
	<i>Шилоносова И. Д.</i> Война глазами ребенка в документальной повести Н. Сухининой «Марш славянки» 154

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

<i>Балуев С. М.</i> Эссе К. Н. Батюшкова «Прогулка в Академию художеств»: особенности критической мысли	159
<i>Барышникова Ю. С.</i> Латиноамериканская политика США в период президентства Дж. Ф. Кеннеди (1961–1963)	166
<i>Лазарева Е. В.</i> Генезис исторических знаний на Урале в начале XX в.	173
<i>Михайленко В. И.</i> Современные исследования тоталитаризма	181
<i>Мухаметов Р. С.</i> Культура как инструмент внешней политики России	193

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«Великая Победа 1945 года: взгляд из XXI века»: международная научно-практическая конференция (<i>В. И. Михайленко, В. Д. Камынин</i>) ...	199
Приветственное слово ректора УрФУ <i>В. А. Кокшарова</i> на открытии конференции	201

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

<i>Корнилов Г. Е., Фельдман М. А.</i> О монографии <i>А. А. Антуфьева</i> «Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны»	203
--	-----

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА 1945 ГОДА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

УДК 94(100)“1939/45” + 94(470)“1941/1945”

П. В. Гребенников

О ПОПЫТКАХ ПЕРЕСМОТРА ХОДА И ИТОГОВ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Анализируется полемика, ведущаяся в российской и зарубежной печати и научной литературе по поводу итогов Второй мировой войны. Высказывается мнение о необходимости ведения контрпропаганды в связи с участвовавшими случаями фальсификации характера и результатов Великой Отечественной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фальсификация, характер, итоги и результаты Второй мировой войны.

История попыток «исправить» результаты Второй мировой с целью уменьшить вклад Советского Союза в победу над гитлеровским фашизмом насчитывает немало лет. Так, уже в конце 1960-х гг. в западных средствах массовой информации стала разворачиваться кампания по пересмотру потсдамских соглашений. В частности, газеты стран Западной Европы заговорили о необходимости перекройки границ по Одеру — Нейсе.

Однако тогда эта кампания натолкнулась на жесткий отпор Москвы, а также и Ватикана, так как речь зашла о правомерности новых западных границ Польши. Эту атаку со стороны Запада удалось отбить, а потом последовал хельсинкский Заключительный акт о «вечном» (теперь уже условно говоря) закреплении послевоенных границ в Европе.

В новейшее время общественность вновь столкнулась с попытками пересмотра итогов Второй мировой войны.

Суть этого нового подхода выражена в стремлении доказать народам стран, участвовавших в антигитлеровской коалиции, да впрочем и народу нынешней

ГРЕБЕННИКОВ Павел Викторович — заместитель директора Российского института стратегических исследований, Москва (e-mail: mail@riss.ru).

© Гребенников П. В., 2011

Германии, что в той войне в борьбе за мировое господство схлестнулись в схватке два диктаторских режима, олицетворяемых Гитлером и Сталиным (недаром часть российских «исследователей» уже стала пользоваться термином «советско-нацистская война»), а им, этим режимам, противостояла некая «третья сила», которая якобы выступала за демократическое развитие национальных обществ. К этой «третьей силе» инициаторы новой тенденции по пересмотру итогов Второй мировой пытаются подвязать коллаборационистов и национальных предателей, проявивших себя в 1938–1945 гг. в Европе.

Факты Второй мировой войны убедительно говорят о том, что более 70 % дивизий гитлеровских войск были задействованы на Восточном фронте. Более 73 % физических потерь вермахт понес также на Восточном фронте. А теперь посмотрите учебники западных стран: в них пишут, что решающий вклад в разгром гитлеровской Германии внесли в 1941–1945 гг. США!

На рубеже третьего тысячелетия англичане опубликовали архивные документы, в которых содержались сведения о том, что весной 1945 г. У. Черчилль приказал своему военному штабу подготовить английские войска в Германии совместно с американцами и поляками, задействуя и пленные гитлеровские дивизии, к началу военных действий против Красной армии с тем, чтобы выбросить Советский Союз — Россию — из центра Европы.

Нас пытаются убедить в том, что Вторую мировую войну открыл пакт 1939 г. Молотова — Риббентропа, хотя все началось гораздо раньше, с 1938 г., с мюнхенского сговора между Гитлером, с одной стороны, и Парижем и Лондоном — с другой. При этом не Англия и Франция расправились после Мюнхена с Чехословакией. Это правда — те тогдашние западные демократии отдали чехов и словаков на заклятие. Но оккупировали Чехословакию после Мюнхенского соглашения три совсем другие страны — Германия, Польша и Венгрия. Нам же по-прежнему за все выставляют счет, причем порой в безапелляционной форме. Это продолжается годами. И, похоже, нам не убедить западный мир в обратном.

Вот на каком фоне проходит в Европе подготовка к 65-летней годовщине победы над гитлеровской Германией. Стремясь пересмотреть итоги Второй мировой войны, европейцы преследуют два главных желания: принизить в ней роль СССР — нынешней России и поставить ее в положение оправдывающейся.

К сожалению, наши западные оппоненты, а более всего наши бывшие советские коллеги из стран Балтии, Украины и из бывших стран — участниц организации Варшавского договора (Польша, Чехия), объективного подхода к исследованию исторической действительности не демонстрируют. Акцент в фальсификации исторической действительности сделан на, казалось бы, беспроблемную карту — безудержную критику Сталина. Мишень удобная. Если все время говорить и писать только об одной стороне деятельности Советского Союза в 1930-е и 1940-е гг., связанной со сталинизмом, то очень легко перекинуть мостик к внешней политике СССР как агрессивной державе и представить нашу страну как основного виновника развязывания Второй мировой войны. Но это-то и есть самая большая фальсификация истории, тем более что названное мной явление Россия уже сама осудила.

Вопрос, почему в европейских странах постоянно присутствует недоверие к России, не так уж прост, как может показаться на первый взгляд.

Посмотрите на карту Европы — страны ютятся на небольших клочках земли, толкаясь от Атлантики до границ Белоруссии и Украины и прижимаясь к огромной территории на двух континентах под названием Россия — к жесткой платформе, не поддающейся эффекту сжатия. Как должны чувствовать себя в общем-то небольшие европейские государства по отношению друг к другу и к нашей стране в такой ситуации? По отношению друг к другу — как в коммунальной квартире, но иного выхода не предвидится. А рядом с огромной Россией существовать страшновато. Ей не доверяют и потому европейские государства постоянно стремятся на любой основе объединиться, чтобы сообща ограничить ее силу.

Обращает на себя внимание то, что в 90-е гг., когда у России было много проблем, ей особо не навязывали альтернативных трактовок истории Второй мировой. Да, было, но не в такой степени, как сейчас. Сейчас же активность переписывателей истории середины XX в. растет прямо пропорционально укреплению нашей страны. Думаю, что в таком подходе с годами ничего кардинально не изменится.

Инициатива по препарированию исторической правды пришла из-за рубежа, но получила в России поддержку. Нашлись и у нас люди, поддержавшие неофитов Евросоюза, которые выступили на Парламентской ассамблее ЕС с предложением объявить одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны фашистский режим гитлеровской Германии и Советский Союз. В поддержку этой идеи в России появились публикации, подвергающие сомнению даже сам характер Великой Отечественной войны как справедливой войны за независимость нашей Родины.

К этой дискуссии подключились даже маститые отечественные писатели. Знаменитый в советское время Даниил Гранин пришел вдруг к выводу, что не следовало Красной армии в 1944 г. переходить государственную границу СССР. Надо было, считает он, там остановиться: «Немец был уже сломлен. Почему же мы не дали народам самим решать свою судьбу?» И объясняет: потому, что советские руководители военного времени страдали «имперским мышлением». «Кутузов, — пишет он, — хотел остановить Отечественную войну 1812 года на том, чтобы изгнать Наполеона за пределы отечества. Возможно, это и было дальновидностью великого полководца».

На Кутузова Гранин сослался неправоммерно. На деле Михаил Илларионович 21 декабря 1812 г. в приказе по армии действительно поздравил своих солдат с изгнанием неприятеля за пределы России, но при этом отнюдь не призывал остановить войну, а наоборот — призвал доверенные ему императором войска «довершить поражение неприятеля на собственных полях его».

Неужели маститый писатель, участник Отечественной войны не помнит, что когда 1 августа 1944 г. эмигрантское правительство Польши отдало из Лондона приказ поднять в столице Польши восстание против германцев, чтобы не пустить Красную армию в Варшаву, то «сломленный немец», пользуясь терминологией писателя Д. Гранина, утопил варшавян в крови. 2 октября 1944 г.

командование Армии Крайовой, с подачи которой и началось Варшавское восстание, капитулировало перед немцами. В ходе восстания погибло более 200 тыс. поляков, а Варшава была разрушена.

Еще пример. 5 мая 1945 г., уже после взятия Берлина нашей армией, подняли восстание против фашистских оккупантов жители столицы Чехословакии. Но и это восстание немцы тоже утопили в крови. Ночью 6 мая отчаявшиеся повстанцы по пражскому радио обратились к союзным войскам с просьбой спасти их и Прагу от уничтожения. По приказу Сталина войска маршала И. Конева, совершив почти от Берлина марш-бросок, ворвались в столицу Чехословакии и спасли и жизни пражан, и город. Так что если бы Красная армия не вошла с боями в Европу и не добила фашистов в Берлине, то каким бы образом оккупированные европейские страны «сами решили свою судьбу»?

Гранин не сам придумал этот пассаж. «Маститые историки» помогли. С легкой руки ректора Московского историко-архивного института, преобразованного потом в Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), доктора исторических наук Юрия Афанасьева (бывшего заведующего отделом журнала «Коммунист», органа ЦК КПСС) в российской публицистике давно уже «гуляет» тезис, созвучный гранинскому. Красная армия, считает Афанасьев, подойдя в 1944 г. с боями к госгранице СССР, должна была «встать на этих рубежах, а не продолжать поход в Европу», так как после перехода нашей границы Великая Отечественная война перестала-де носить освободительный характер, а сразу превратилась в «захватническую».

В 1996 г. РГГУ под редакцией Ю. Афанасьева даже выпустил тиражом в 5 тыс. экземпляров 500-страничный том под названием «Другая война», во введении к которому Афанасьев высказал все эти мысли. Договорился он до того, что у нас «остается мало действительных поводов для празднования победы». Представляю, каково это читать ветеранам.

Тезисы оказались живучими. В конце 2009 г. Институт российской истории РАН издал фундаментальное исследование «К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, материалы». Руководитель авторского коллектива А. Н. Сахаров (кстати сказать, директор этого института) в написанной им главе утверждает, что Великая Отечественная война только до 1944 г. носила характер таковой, а потом перестала. Читай: потом она перешла в захватническую. На кого он при этом ссылается в позитивном плане? Не на Афанасьева даже, а на пресловутого Резуна-Суворова.

Заместитель главного редактора газеты «Время новостей» С. Новопрудский пишет, что «защита власти и защита Родины — принципиально разные вещи». Да, советский народ победил в той войне, «только власть тут совершенно ни при чем». Более того, «защита преступной власти — вовсе не патриотизм и не уважение к истории. Это ошибка, часто граничащая с преступлением», — утверждает Новопрудский.

Получается, что в Отечественной войне солдатам, сражавшимся с гитлеровским вермахтом, следовало ежечасно разделять, где они защищают находящихся за их спиной Родину, родных и близких, многим из которых Гитлер уготовил печи Освенцима, а где — советскую власть. С логикой здесь не все в порядке.

Но факт остается фактом — подобные идеологические вбросы разлагающе действуют на часть нашего общества, рикошетом возвращаются за рубеж и укрепляют там наших предвзятых недоброжелателей в сознании собственной правоты. А если при этом еще удастся убедить общественное мнение в том, что с немцами воевала не только советская армия, но и некая «третья сила» в лице власовцев, то и совсем хорошо.

Однако как мы можем согласиться с тем, что нам публично, в том числе в России, доказывают, что главными героями Великой Отечественной были не советский солдат и офицер, а отщепенцы в виде генерала Власова, изменившие присяге и своему народу? А нас ведь именно в этом пытаются убедить.

В ноябре 2009 г. Российский институт стратегических исследований провел по этой теме представительную международную конференцию, в ходе которой было обращено внимание на участвовавшие попытки тех или иных деятелей в нашей стране подключиться к моральному оправданию случаев предательства в ходе Великой Отечественной войны. Чего стоят, например, заявления тех или иных «экспертов», в которых генерал Власов объявляется чуть ли не национальным героем! Например, собрание проповедей в защиту Власова протоиерея Георгия Митрофанова, объединенное под одной обложкой. Хорошо известно, что в православии предательство — страшный грех. Однако предатели и предательство — лишь одна сторона дела. Есть и другая — современные обелители этого греха, люди, которые пытаются возвести его в добродетель. Эти совершают еще больший грех, так как, оправдывая предателя, они плодят его последователей.

Еще пример — книга президента Международного (американского) университета в Москве Г. Попова, который тоже объявляет А. Власова несостоявшимся национальным героем и предлагает поставить в Москве совместный памятник генералу Власову и академику Сахарову. Интерес к теме обеления Власова материально поддерживает ряд зарубежных фондов (фонды Форда, Сороса и др.).

Под оправдание Власова подводится база идеологического характера: Власов-де воевал не против России, а исключительно против сталинского политического режима, а фактически — против коммунизма и коммунистической идеологии. Объяснение для простаков. На самом деле речь идет о борьбе против России, российского государства. Чем бы сам Власов себя ни оправдывал, достигать своих целей он вознамерился на плечах оккупантов.

Между тем, если уж говорить о подлинной истории Второй мировой, а для нас, повторю, Великой Отечественной войны, то начинать надо с самого простого — констатации очевидного.

Есть события мирового значения, которые никто ни в Европе, ни в мире в целом оспорить не в состоянии. Назову только два, но самых значимых.

Первое: 22 июня 1941 г. гитлеровская Германия внезапно и вероломно, нарушая все двусторонние договоры и соглашения и международные правила поведения, напала на Советский Союз.

Второе: 2 мая 1945 г. войска Красной армии штурмом взяли рейхстаг — образно говоря, разрубили сердце самого человеконенавистнического в истории

человеческой цивилизации политического режима, а глава этого режима — Гитлер — в тот же день покончил жизнь самоубийством.

Вот две опорные точки, в рамках которых и следует выстраивать всю линию истории Второй мировой войны.

Интересно, что коллаборационисты (предатели) были во время войны не только у нас, но и во многих других странах Европы, причем сдача военнослужащих в плен порой носила там массовый и даже организованный характер — например, во Франции в 1940 г. Однако мало где сейчас предпринимаются попытки оправдать подобные явления. У нас же это делается все активнее. Почему?

Информационное противоборство между различными центрами силы в мире еще никто не отменял (определенные круги на Западе это, кстати, со всей очевидностью доказали своей предвзятой трактовкой югоосетинских событий августа 2008 г.). В случае же с пересмотром реалий Второй мировой войны борьба напрямую идет за умы молодых поколений российских граждан, за наше будущее. Так вот, участниками этой борьбы сознательно или невольно выступают и те, кто внутри нашей страны пытается «оригинальничать» в вопросах нашей недавней великой истории. Прежде всего давно пора расставить все точки над *i* в вопросе о реабилитации Власова. Совсем не безобидна идеологическая деятельность тех, кто стремится во что бы то ни стало реабилитировать деятельность этого изменника Родины и ему подобных, современных, предателей.

Нам не обижаться нужно на попытки фальсифицировать историю XX в. и историю России (СССР), а попытаться понять логику действий этих людей. Поняв их, мы сможем выработать свою линию поведения, адекватную исторической действительности, и проводить ее целенаправленно и последовательно.

Давайте займемся прежде всего собственным домом. Ничто не может умалять подвиги народа, который одержал победу в Великой Отечественной войне, сделал нашу страну могучей индустриальной державой, поднял на мировой уровень нашу промышленность, науку, культуру. Это непреходящие ценности, которые мы должны и будем помнить и отстаивать.

УДК 94(470)“1941/1945” + 316.752

Е. Б. Арсланова (Михайленко)

**ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА 1945 ГОДА
КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ РИТУАЛ РОССИИ
(В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ)**

Используемая в данной работе характеристика ритуала Великой Победы 1945 г. главным образом опирается на теорию конструктивизма. Ключевым термином становится термин «символический капитал». Анализируются ценностные ориентиры формирования символического капитала постсоветской России в периоды правления Б. Н. Ельцина, В. В. Путина и Д. А. Медведева.

Ключевые слова: победа 1945 г., Великая Отечественная война, ценностный пакет постсоветской России, символический капитал.

В 2010 г. Российская Федерация отметила 65-ю годовщину победы русского народа в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.).

Для россиян устоявшейся нормой является представление о двух войнах в рамках событий 1939–1945 гг.: Вторая мировая война рассматривается в хронологических рамках 1 сентября 1939 г. — 2 сентября 1945 г., Великая Отечественная война — в рамках 22 июня 1941 г. — 9 мая 1945 г. В 2010 г. впервые Президентом Д. Медведевым внесена в качестве праздника новая дата — окончание Второй мировой войны 2 сентября 1945 г.

День Победы является одним из важнейших культовых российских праздников. Это практически единственный культовый праздник, перешедший в постсоветскую Россию из советского наследия.

Однако отношение к этому празднику, к истории Великой Отечественной войны неоднозначно как среди политической элиты, так и среди обычных граждан РФ. Опрос населения в 1996–1998 гг. показал, что День Победы занимает второе место после традиционного для России праздника — Нового года [9]. По данным подобного опроса, проведенного в 2007 г. в Рунете, День Победы занимает лишь восьмую позицию: после Нового года, дня рождения, 8 Марта и др. [21]. Несмотря на очевидное понижение статуса Дня Победы в российском обществе, этот государственный праздник значительно опережает другие государственные праздники РФ — День независимости, День Конституции. Можно объяснить это тем, что День Победы остается понятным и знакомым праздником для большинства россиян, в отличие от «новых» государственных праздников. Опрос граждан РФ накануне празднования 65-летия Дня Победы показал, что 85 % населения готовятся к празднованию Дня Победы и считают его важнейшим праздником России [6].

АРСЛАНОВА (Михайленко) Екатерина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: arslanova@mail.ru).

Война и связанные с ней чувства гордости и победы, а также страдание и горечь потерь являются важным ценностным элементом мифологии, культуры и истории нации.

В данном исследовании рассматривается взаимосвязь между культом, ритуалом Великой Отечественной войны в российском обществе и поисками национальной идентичности России, а также роль политических элит в выстраивании национальной идентичности.

Распад Советского Союза и демократический транзит, смена властных экономических и политических элит в последние 20 лет, обострение региональных конфликтов вынесли на повестку дня выработку постсоветской концепции российской идентичности. В аналитических работах, посвященных идентичности современной России и российскому обществу, наиболее часто встречаемыми терминами являются «переходный», «транзитный». Формирование новой идентичности не могло не сказаться на трактовке и восприятии Великой Отечественной войны. Как менялось видение войны, что означает понятие «День Победы» для современных граждан России — вопросы, которые рассматриваются в данной статье.

Используемая в работе характеристика ритуала Великой Победы 1945 г. главным образом опирается на теорию конструктивизма, из которой следует то, что нации и национализм являются относительно недавней инновацией, связанной с развитием капиталистических отношений, и то, что государства и элиты активно создают национальную идентичность вокруг важнейших символических событий и идей. Национальная идентичность не является «величиной постоянной», она исторически изменчива, т. е. представляет собой бесконечно длящийся проект, осуществляемый при помощи различных форм медиа, светских институтов и ритуалов, которые оказываются «средствами формирования национальной идентичности в качестве ежедневного социального проекта» [14, 8].

В данном контексте важной является роль политических элит в выборе и использовании набора символических объектов, в том числе и для укрепления собственных позиций. К числу таких объектов относятся, прежде всего, язык, знания и верования, произведения искусства, обычаи и ритуалы и т. п.

В первую очередь стоит обратиться к некоторым терминологическим нюансам. Изучение роли культа победы невозможно без определения таких понятий, как «ценностная система», «ритуал», «официализация» и «символический капитал».

В работе П. Бурдье «Практический смысл» ритуал рассматривается с точки зрения его роли и места в системе социального взаимодействия [7, 20], его отличий от других ритуалов, его роли в мифологической и социальной системе. Такое понимание ритуала напрямую связано с термином «официализация», т. е. с процессом институционализации символических объектов посредством признания их группой или сообществом.

Политика, с точки зрения Бурдье, служит особо благоприятной сферой применения стратегий официализации: стремясь заполучить себе право представлять группу, соперничающие в борьбе за власть агенты могут использовать друг против друга только ритуальные стратегии или же стратегические ритуалы,

нацеленные на символическую универсализацию частных интересов или на символическое присвоение себе интересов официальных [7, 216].

Ключевым термином в рамках исследования становится введенный Бурдые термин «символический капитал». Благодаря символическому обмену создаются и сохраняются социальный статус, авторитет, власть, идентичность индивида. Символический капитал — это «капитал чести и престижа, который производит институт клиентелы» [Там же, 231].

Применительно к нашему исследованию символический капитал можно рассматривать как идеологическую легитимность существования той или иной политической элиты. Символический капитал — это «кредит, зависящий от чувства чести и способности обеспечить неуязвимость своей чести», который может быть мобилизован для определенных целей. Трансформация подходов к ритуалу Великой Победы свидетельствует о поиске «символического капитала» для упрочения власти политических элит постсоветской России [8, 93].

Формирование символического капитала происходит на основе набора определенных ценностных ориентиров нации, которые и составляют объекты для конституирования символической власти в обществе. Исследование ценностей и ценностной системы нации также подлежит рассмотрению. Ценности рассматриваются как некая социологическая категория из области морального, сакрального и универсального; ценностный фундамент позволяет нации легитимировать свое существование; политическая нация может возникнуть только в результате выкраивания центральной ценностной системы из всей совокупности ценностей [13, 156–157].

В рамках данного анализа принципиальным моментом является идентификация источников ценностей и их содержания. Понятие «ресурсный пакет» включает в себя те ценностные ориентиры, которые могут быть задействованы в построении ценностного фундамента. Ресурсный пакет может быть как внутренним, так и внешним. Таким образом, понятия «символический капитал» и «ресурсный пакет» являются, с нашей точки зрения, близкими и важными для рассмотрения формирования национальной идентичности России.

Политические баталии вокруг символического капитала становятся особенно активными в критические моменты, когда нарушаются привычные взаимосвязи. Критические ситуации не только ослабляют нормальные, инерционные связи, но и создают возможность для значительной реидентификации национальной истории и идентичности в целом [3, 527]. Таким образом, находящиеся у власти политические акторы получают редкий шанс вынести свою концепцию национального характера на публичное рассмотрение и осуществить свое право повести нацию и государство в новую эру.

Распад Советского Союза и появление нового государства — Российской Федерации явился критической точкой отсчета формирования новой российской идентичности. Пришедшая к власти новая политическая элита России получила в наследство определенный внутренний ценностный пакет и набор символического капитала, на основании которого начала строительство нового ценностного фундамента.

В чем особенность ценностного ресурсного пакета новой России в начале 1990-х гг.? Генезис идентичности России в досоветский период формировался на основании таких ключевых элементов «традиционной идентичности», как «природная среда», «православная церковь», «самодержавие». «Национальное» мыслилось как этническая и конфессиональная общность подданных великой державы, империи [13, 37].

Советскую национальную идентичность в российской и зарубежной историографии оценивают противоречиво. Наиболее распространенным является утверждение о том, что национальная политика большевиков продолжает имперскую политику семьи Романовых [см.: 13, 14, 15]. Другая точка зрения характеризует Советский Союз как империю «положительного действия», а советскую национальную политику — как интернационалистский национализм. В рамках данной концепции проводится различие между политикой национальной идентичности «дома Романовых» и большевиков. Большевики, по сути, создавали национальные элиты там, где их не существовало, они распространяли и поддерживали в массах различные формы национальной культуры и идентичности [15, 127].

Таким образом, к моменту распада СССР перед выбором новой политической элиты оказались как минимум два ценностных ориентира: советский, с господствующими культом государства, осуществляющего мобилизацию масс на постоянную борьбу, и культивированием героизма, самоотверженности; и внесоветский, основанием для которого мог служить внутренний ресурсный пакет досоветского прошлого и/или внешний ресурсный пакет, представленный «западными ценностями», господством демократии и закона.

Выбор ценностных ориентиров формирует центральную ценностную систему, ядро нации, включающую государственную символику, коллективные ритуалы, оценку истории, восприятие будущего и т. п. Анализ культа понятия «победа» показывает выбор политической элиты в пользу советского ценностного пакета. Внешний (западный) ресурсный пакет оказался незадействованным.

Культе Великой Отечественной войны, несомненно, является одним из составляющих символического капитала России. Анализ трансформации отношения к Великой Отечественной войне, появление новых интерпретаций истории и роли победы 1945 г. важны как с точки зрения формирования символического капитала современных политических элит, так и с точки зрения ожиданий населения современной России, своего рода «индекса доверия» к современной власти.

В первую очередь в рамках проведения исследования следует обратить внимание на некоторые термины, связанные с культом победы 1945 г.: война, победа, Великая Отечественная война.

Почему войны так важны для формирования нации-государства? У. Хедетoft в своем исследовании, посвященном ментальности войны и построению национальной идентичности, выделяет три ключевых элемента, которые влияют на формирование представлений об особой роли войны [4]. Прежде всего это связано с тем, что война является главным стимулирующим моментом единения государства и общества. Еще одно понятие, усиливающее роль войны, —

это понятие суверенитета. В ходе войн между государствами происходит завоевание, отстаивание, укрепление либо утрата суверенитета нации [4, 282].

Важнейшую часть национального самосознания, образа составляют мифы и символы, относящиеся к войне. Архетипы национальных лидеров, «отцов отечества», практически всегда являются фигурами военными, жертвенными и кровавыми — в романтическом смысле: борцами, освободителями и т. д. Фигура неизвестного солдата является эмблемой героизма. Таким образом, герой военных действий — социокультурный конструкт, более полезный мертвый (парадоксально!), чем живой [Там же, 283].

Отличие понятий «отечественная война» и «война» заключается в первую очередь в характере войны (справедливая) и в целях ее проведения (освободительная).

Название «Великая Отечественная война» стало использоваться после радиообращения Сталина 3 июля 1941 г. Термин «Отечественная война» был закреплен введением военного ордена Отечественной войны, учрежденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1942 г.

Наименование части Второй мировой войны «Великая Отечественная война», с нашей точки зрения, обусловлено несколькими причинами. Во-первых, возможно, при выборе названия И. Сталин руководствовался аналогией с Отечественной войной 1812 г., когда Россия противостояла Западу в лице Наполеона Бонапарта. Во-вторых, выделение данной войны по хронологическому и территориальному признакам было вызвано идеологическими причинами. Согласно советской версии, война велась с фашизмом как порождением международного империализма. Социалистическая система противостояла фашистской. Эта версия нивелировала идентификацию сторон конфликта [21]. Против СССР на стороне Германии воевали многие государства Европы, в том числе и те народы, которые вошли в социалистический лагерь. Понятие «Великая Отечественная война» перекрывало общий контекст Второй мировой войны для населения СССР и позволяло создавать культ «справедливой» войны. И наконец, отделение Великой Отечественной войны от «мнимой» войны 1939–1941 гг. позволило создать историческую недосказанность для граждан страны о роли СССР в этот период (за рамками курса отечественной истории оказался пакт Молотова — Риббентропа).

Именно Великая Отечественная война сформировала героическую ментальность войны. Эта война для большинства россиян явилась временем тяжелых испытаний, но и временем грандиозных национальных свершений и тесного единения. Война несет смерть и разрушение, но она одновременно демонстрирует несокрушимое единство народа и его негибкую силу. Великая Отечественная война служила и служит главным источником патриотизма [25, 217]. Культ Сталина как «отца отечества» и того, кто привел страну к победе, закрепился как в истории, так и народной памяти СССР.

Понимание термина «победа» является ключевым и наиболее ценностно окрашенным концептом в рамках рассуждения о Великой Отечественной войне. Именно победа как результат окончания войны придает необходимую идеологическую окраску советской истории, начавшейся в 1917 г. и завершившейся

распадом СССР. Победа в этом смысле включена в традиционные конструкции державного (имперского) сознания, обеспечивающие приоритет всех «государственных интересов и массовую готовность пассивно терпеть лихолетье, актуализируя ресурсы опыта крайнего существования [10, 15]. Сформировалось два общих плана войны: государственно-патриотический энтузиазм (мобилизация) и желание «покоя», стабильности.

Культе победы сформировал советскую ментальность войны, которая базируется на таких ценностных установках, как самоотверженность и жертвенность во имя страны; сформировал культ героя-воина, воина-интернационалиста, который отстаивает интересы не только Родины, но и мирового социализма.

В число первостепенных праздников День Победы вошел только в середине 60-х (1965 г.), когда 9 мая было провозглашено нерабочим днем. До этого 1 Мая было куда более важным и массовым праздником. Произошло это в период правления Л. И. Брежнева, когда началась реставрация имперских амбиций государства, были реанимированы сталинские взгляды на причины войны и ее последствия (вновь заговорили о внезапности нападения нацистской Германии), утверждался героический культ ветеранов. В этом не было ничего удивительного: закончился период «хрущевского романтизма» с насаждением культа «коммунистического будущего». Новая власть более реалистично оценивала советское настоящее и его шансы на успех в «соревновании» с капиталистическим миром. Произошла смена власти, следовательно, понадобились новые значимые символы, узаконивающие ее. Выбор пал на символ победы в войне.

Победа 1945 г. оказалась значимым символом для постсоветского строительства национальной идентичности. Это историческое событие вызывало наибольшую гордость у жителей современной России и занимало первое место среди самых значительных событий XX в. [Там же, 14]. Сегодня это фактически единственная позитивная опорная точка национального самосознания в постсоветском обществе.

Распад Советского Союза и появление новых независимых государств поставили новые задачи перед правящими элитами по формированию национальной идентичности. Одной из характерных черт для многих стран постсоветского пространства является то, что строительство в них новой идентичности происходит на антироссийской основе, развиваются идеи об оккупационном характере существования в рамках СССР. В странах Балтии, Украине анализ итогов Второй мировой войны тесным образом переплетается с попыткой выдвижения на передний план так называемых «народных движений» против «антинародной коммунистической партии» [14].

После распада СССР Россия погрузилась в интенсивные поиски постсоветской идентичности и «пригодного» прошлого, которое могло бы войти в новый символический капитал. В этот критический период в России рассматривался широкий спектр возможных идентичностей и комбинаций этнического, имперского и гражданского национализма. Первый базировался на идее, что Россия — исключительное политическое объединение, определяющееся единым языком, религией и культурным наследием (славянофильская тенденция). Вторая, или имперская, концепция рассматривала Россию как великое

евразийское государство, центр огромной экономической империи. Третья, или гражданская, идея определяла российскую идентичность исходя из демократических институтов, власти закона, ориентирами которых была западная демократия. Как показывает анализ политической борьбы на примере смены концепций Великой Отечественной войны, этническая и имперская идеи доминируют в российском национальном нарративе.

Можно выделить три периода в процессе эволюции и пересмотра ценностного подхода к Великой Отечественной войне в современной России. Деление на периоды происходит по принципу сроков правления президентов России — Б. Н. Ельцина (1991–2000), В. В. Путина (2000–2008), Д. А. Медведева (с 2008 — до настоящего времени). Конечно, данное деление является условным, поскольку уже в период правления Ельцина в середине 1990-х гг. началась смена парадигмы национального строительства, но в рамках рассмотрения изменений оценок войн это деление, с нашей точки зрения, представляется приемлемым.

Пересмотр ценности и значимости Великой Победы начался в 1991 г. в связи с двумя группами причин и установок. Первая группа включала объективную необходимость формирования нового восприятия России, как внутри страны, так и за ее пределами. Начавшиеся экономические перемены, попытки ориентироваться на демократическую систему ценностей проявились в первую очередь в изменении такого символического капитала, как гимн и флаг. По мнению К. А. Серуло, национальные символы — национальный гимн и флаг — формируют устойчивое и ясное понимание национальной идентичности [2]. В своем исследовании К. А. Серуло утверждает, что тип флага и синтаксическая структура гимна проявляют экономический уровень государства и намерения правящей элиты. Правительство Б. Н. Ельцина, изменив советский патетический гимн на музыку российского досоветского классика Михаила Глинки, а также заменив красный флаг на триколор, подало сигнал об отказе от советского наследия и попытке найти символический капитал в досоветском ценностном пакете.

Вторая группа установок и причин пересмотра или новой трактовки войны связана с открытием архивов и информации о деятельности советского правительства как в военный, так и в мирный период, а также открытым заявлением ряда бывших союзных республик об их вынужденном участии в Великой Отечественной войне. Началась острая дискуссия, как в России, так и за ее пределами, по ключевым вопросам, связанным с войной: цена победы, а именно сколько в действительности погибло граждан СССР (цифра варьировалась от 20 до 39 млн); роль Сталина в годы войны; внутренняя политика СССР в предвоенный и военный периоды (репрессии военнослужащих, штрафные батальоны) и, наконец, внешняя политика СССР, в первую очередь в 1939–1941 гг.

День Победы 1945 г. остался национальным праздником и после распада Советского Союза. Однако точного концепта, как должны интерпретироваться Великая Отечественная война и победа, первоначально у правящей элиты после прихода Ельцина к власти не было. Ключевым элементом стало официальное признание этого праздника как праздника победы россиян в Великой Отечественной войне. В выступлениях по поводу празднования Дня Победы стали

звучать фразы о том, что это победа не советского, а российского народа. Начался процесс изменения монументальных памятников, посвященных войне. В Москве с монумента Победы на Поклонной горе была убрана вся символика, связанная с советской эрой (например, красная звезда, символизирующая победу советского народа в войне), и установлена фигура святого Георгия, повергающего дракона [3, 531]. В середине 1990-х гг. на Поклонной горе начинается строительство церкви. Православная церковь как символ сплочения духа народа в годы Великой Отечественной войны становится еще одним ценностным ориентиром в формировании концепта войны. В 1995 г. в связи с 50-летием Победы состоялось открытие мемориального комплекса на Поклонной горе и памятника маршалу Г. К. Жукову на Манежной площади. Таким образом, в качестве альтернативы Сталину как герою войны стал выдвигаться Г. К. Жуков. Памятники Жукову были установлены во всех крупных городах России.

Что же касается острых вопросов истории войны, то в период Ельцина их старались просто не поднимать. В идеологическом и социокультурном плане это означало все более явную тенденцию к неотрадиционализму, к культивированию ностальгии по прошлому, его идеализации, росту антизападных настроений [10, 25–26].

Полномасштабное использование советского ценностного ресурса началось в годы президентства В. В. Путина. В первую очередь это было связано с возвращением музыки советского гимна. Несмотря на то что слова гимна были написаны заново, синтаксис гимна — т. е. музыкальная тональность, темп, то, что воздействует на чувства, — был восстановлен.

Великая Победа стала главным ценностным ориентиром в формировании неовеликодержавной или неотрадиционалистской идентичности. Парады, посвященные Дню Победы, стали проходить все в более и более торжественной атмосфере. 9 мая 2000 г. перед очередным парадом Победы Президент России Владимир Путин открыл на здании Государственного Кремлевского дворца мемориальную доску с именами государственных деятелей и военачальников, награжденных орденом Победы. В 2005 г. в связи с 60-летием Победы парад состоял из двух частей: исторической и современной. Кульминацией парада стал проезд ветеранов на легендарных «полуторках».

Начался постепенный процесс реабилитации роли Сталина в годы Великой Отечественной войны. Это проявилось в первую очередь в возвращении мемориальной доски на Красную площадь, а также в идеализировании самой личности Сталина. Речь Путина в 2000 г. была очень близка по духу и патетике речи, произнесенной Сталиным в 1945 г., особенно последняя ее часть, где звучат слова в честь армии и народа-победителя [20, 22]. В 2004 г. партия «Яблоко» выносит протест в связи с подготовкой празднования дня рождения Сталина, подчеркивая роль российского народа в победе, а не персонально Сталина [26].

Политическая борьба вокруг символического капитала Великой Отечественной войны продолжалась на протяжении всего президентства Путина. В 2007 г. Государственная дума внесла законопроект «О Знамени Победы», целью которого было убрать со знамени советские символы — серп и молот. Несмотря на то что Дума проголосовала в пользу этого закона, президент отклонил его [19].

Особенно остро шли дебаты вокруг интерпретации истории войны. Такие вопросы, как пакт Молотова — Риббентропа, не входили в спектр осуждаемых и обсуждаемых тем, осознанно занижалась роль союзников во Второй мировой войне.

В 2000–2008 гг. возвращаются вся символика победы и культ войны как героического прошлого народа в советском варианте. Почему современная российская политическая элита вернулась к символическому капиталу войны в советском варианте? Это связано с тем, что символический капитал, которым могла воспользоваться политическая элита, был не велик. Для ухода от близкого и знакомого советского символического капитала необходимо было попытаться осмыслить и оценить не только советский, но и досоветский исторический период, чего не было сделано в полной мере. Выбор таких сложных ценностных ориентиров, как самоназвание нации (русские или россияне), государственная символика, ритуалы и праздники, а также объективная переоценка советского периода истории остались незавершенными. А советское прошлое на фоне сложного переходного периода 1990-х гг., по мнению жителей России, рассматривалось как стабильное существование. Свой вклад внесли и сохранившиеся ностальгические переживания.

Возрождение великодержавного национализма в данном варианте не означает полный возврат к советской ментальности и строю. По мнению ряда исследователей, это «форма психологической защиты и компенсации». Символы прошлого выступают неким психологическим фактором стабильности [10].

Кроме того, высокие цены на нефть и быстрое пополнение за их счет государственного бюджета создали иллюзию превращения России в великую энергетическую державу. Это привело к росту искушения со стороны правящей российской элиты использовать символику победы в целях насаждения великодержавных ценностей. В 2005–2007 гг. отмечается консенсус в отношении символического капитала между политической элитой и массами.

Обострение экономического кризиса в 2008 г. совпало с приходом Д. А. Медведева на пост Президента РФ. Кризисные времена стали важным моментом для пересмотра национальной идентичности и символического капитала. В виде какого концепта предстает Великая Отечественная война и победа 1945 г. в изменяющихся условиях?

Можно с определенной уверенностью сказать, что концепт «победы» все еще находится в стадии формирования. До сих пор нет ясного понимания взаимосвязи двух войн — Второй мировой и Великой Отечественной, взаимосвязи не хронологической и территориальной, а концептуальной. Нет официального определения роли и участия Советского Союза в военных событиях 1939–1941 гг., а также участия СССР в формировании ялтинско-потсдамской системы послевоенного мироустройства.

Если рассматривать концепт Великой Отечественной войны с точки зрения трех ключевых элементов, которые его конституируют: единение государства и народа; ментальность войны и герой войны, то ни по одной из этих позиций четко определенного понимания нет, как на государственном, так и массовом уровнях.

Начиная с 1991 г. в речах, посвященных победе 1945 г., стала отдельно подчеркиваться роль российского народа. Отказ от анализа советского прошлого, невнятные оценки советского руководства и дальнейшая попытка реанимировать военный культ Сталина привели к дуализму оценки роли государства и народа в войне. Опрос, проведенный Левада-центром в мае 2010 г., показал, что большинство респондентов считают, что в Великой Отечественной войне победил народ — 62 %; государство в лице коммунистической партии и Сталина получили 13 % и лишь 23 % опрошенных обозначили победу как заслугу всех [12]. «Народ» прочно отделился от «государства» в восприятии войны. Отказ от анализа роли государства в войне привел к подобному противопоставлению государства и нации в 1941–1945 гг.

Ментальность войны оказалась несформулированной в постсоветский период. Необходимость формирования новой ментальности войны была вызвана объективными причинами: СССР был иным государством территориально, национально и идеологически, чем современная Россия. Распад СССР вызвал появление в новых независимых государствах новой, радикально противоположной советской, ментальности войны. Наложение советской ментальности войны на новую почву в России оказалось привычным и удобным, но не решило тех противоречий в оценках войны, которые появились в 1990-е гг. Две крайние точки зрения на войну продолжают господствовать в прессе, в медиа, в дебатах и публикациях — героическая ментальность с неприятием каких-либо переоценок, частично поддерживаемая политической элитой, и пассивная, обреченная ментальность войны, где вопрос победы решался силовыми действиями заградотрядов [14]. Окончательно сформировавшегося восприятия войны у россиян на сегодняшний день нет. В обществе отсутствует понимание того, что представляет собой война 1941–1945 гг., к тому же процент тех, кто помнит войну, сокращается, также сокращается и процент тех, кто знает о войне от своих родственников (2005 г. — 72 %, 2010 г. — 65 %) [9, 12]. Более того, молодежи до 24 лет вообще неинтересно все, что связано с войной [24]. Таким образом, героическая ментальность может постепенно сойти на нет, а осознание молодым поколением значения войны и победы так и не произойдет.

Культом героя войны оказался еще одним вопросом, не разрешенным политической элитой. Споры о роли И. В. Сталина до сих пор раскалывают общественное мнение. Несмотря на попытки политической элиты в 2000-х гг. мифологизировать личность Сталина, отношение к нему остается неоднозначным: 30 % опрошенных в мае 2010 г. возлагали на Сталина вину за многочисленные потери войны, что на 8 % выше, чем в 2005 г. Заслуги Сталина в победе признают только 8 % респондентов. Таким образом, культ Сталина оказался одной из слабых позиций в конституировании культа победы.

Не без осторожности можно говорить о новом этапе идентификации войны и победы в 2009–2010 гг. Признание вины Советского Союза в расстреле польских военнослужащих в Катыни — серьезный шаг к пересмотру некоторых аспектов войны. Парад 2010 г. с привлечением иностранных делегаций и демонстрацией воинов и техники не только России, но и союзников можно

считать определенным шагом к изменению идентичности войны. Объявление в России 2 сентября официальным праздником победы также свидетельствует о переменах. Идею по написанию совместного российско-германского учебника по истории войны можно рассматривать как концептуальный прорыв. Германия, где участие в войне, военная ментальность никоим образом не связаны с героизмом, национальным величием, сегодня представляет собой сильное государство в Европе, сумевшее выстроить свою идентичность с учетом ошибок. Германия демонстрирует пример мирного и толерантного добрососедства в Европе. Опыт Германии может помочь в познании истории и извлечении уроков для решения современных проблем.

15 мая 2010 г. Указом Президента РФ была создана Комиссия при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Среди ее основных задач определена «выработка стратегии противодействия попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России» [23].

Характер дискуссий историков, приуроченных к 65-летию Великой Победы, показал, что официальная линия государства направлена на поддержку оценки истории XX в. с умеренно державных позиций. К примеру, типичной является оценка Сталина с двойственных позиций: «с точки зрения государственности — великий герой, с точки зрения прав человека — душегуб и злодей» [5]. Есть основания предполагать, что в результате провозглашенной борьбы с фальсификацией истории многие негероические факты истории войны надолго останутся белыми пятнами.

Формирование ментальности войны — важный элемент самосознания нации, в ментальности войны заложены такие ценностные характеристики, как ценность мира и мирного существования; единение нации и государства; готовность отстаивать свой национальный суверенитет. Советская ментальность войны объективно не могла быть применена к новым условиям: народ и государство в 1945 г. и в 2010 г. отличаются качественно и количественно, территориально и идеологически. Восприятие победы с точки зрения советского человека не может автоматически совпасть с отношением гражданина России. Российская Федерация и Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика — тоже разные государственные объединения. Поэтому понимание войны в советском контексте никак не может повлиять на формирование инстинкта российской нации защищать свой суверенитет. Культ И. В. Сталина был не самым однозначным архетипом советской действительности, и тем более он не мог стать действующим в условиях российской реалии.

Ценность победы 1945 г., по нашему мнению, заключается в том, что она должна была стать последней победой, символизирующей принцип невозврата ужасов войны. Россиянам, конечно же, важна героическая тематика, однако результат победы — жизнь без войны — является более значимым. Опрос 2001 г. показал, что 57 % населения готовы поставить памятники участникам войны с обеих сторон [18], в опросах 2010 г. население все больше беспокоится о том, как осуществляется помощь ветеранам [9, 11, 12]. Дискуссии о победе и Великой Отечественной войне будут продолжаться, однако для населения России

важны ценности «нормальной», «невоенной» жизни. Концепт «победа 1945 года» на неофициальном уровне можно определить так: «Лишь бы не было войны!»

Пример войны, с одной стороны, выявляет незавершенность процесса формирования национальной идентичности россиян — кто мы есть, каковы наша историческая память, наши ожидания будущего; с другой — слабость символического капитала политической элиты современной России, так как индекс доверия к власти неукоснительно падает. Как считает С. Каспэ, российская политика снедаема чудовищной жаждой ценностей, которая представляет собой вполне серьезную и все более явно осознаваемую правящими кругами опасность. Отсутствие сильного символического капитала лишает правящую элиту ее функционального назначения и легитимности. Отсюда и непрекращающиеся попытки поиска новых источников ценностного капитала, в первую очередь в советском прошлом [13, 160–161].

Советский символический капитал оказался действенным в краткосрочной перспективе, в долгосрочном варианте он не сможет консолидировать нацию, особенно в условиях кризиса или потрясений. Более того, советская ценностная система не может стать основой для выстраивания отношений современной России как с ближними соседями — бывшими союзными республиками, так и с европейскими государствами.

1. *Cerulo K. A.* Identity construction: New Issues, New Directions // *Annual Review of Sociology*. 1997. Vol. 23. P. 385–409.
2. *Cerulo K. A.* Symbols and the World System: National Anthems and Flags // *Sociological Forum*. 1993. Vol. 8, № 2, Jun. P. 243–271.
3. *Forest B., Johnson J.* Unraveling the Thread of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow // *Annals of the Association of American Geographers*. 2002. Vol. 92, № 3, Sep. P. 524–547.
4. *Hedetoft U.* National Identity and Mentality of War in Three EC Countries // *Journal of Peace Research*. 1993. Vol. 30, № 3, Aug. P. 281–300.
5. *Барсенков А. С., Вдовин А. И.* История России. 1917–2009. М., 2010.
6. Большинство россиян будут праздновать День Победы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utro.ru/news/2010/05/07/892390.shtml>
7. *Бурдые П.* Практический смысл / пер. с фр.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб., 2001.
8. *Бурдые П.* Социология социального пространства. М. ; СПб., 2007. С. 87–96.
9. Великая Отечественная война в оценках населения. Аналит. центр Юрия Левады (Левада-центр). 18 июня 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/press/2010061804.html>
10. *Гудков Л.* Структура и характер национальной идентичности в России [Электронный ресурс]. URL: http://www.polit.ru/research/2004/04/05/national_identity.html
11. *Ефанова О. А., Лаврухина Е. А.* Доминанты исторической памяти россиян: знания, оценки и отношение к Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. URL: <http://sredonew.ru/content/view/482/30/>
12. Какие чувства вызывает у россиян День Победы? Аналит. центр Юрия Левады. 19–23 марта 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru>
13. *Каспэ С.* Постсоветские нации в саду расходящихся тропок // *Россия в глобальной политике*. 2009. Т. 6, № 6, нояб.—дек. С. 154–163.

14. *Лапенко М. В.* Вторая мировая война и формирование национальной идентичности в посткоммунистических странах [Электронный ресурс]. URL: http://cis-center.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=657:2010-04-19
15. *Ливен Д.* Россия как Империя и Периферия // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 6, нояб.—дек. С. 35–43.
16. *Лукина А. В.* Социокультурные технологии формирования национальной идентичности (историко-методологический аспект) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2004.
17. *Миллер А.* История империй и политика памяти // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 4, июль—август. С. 118–134.
18. Отношение к той войне (справка опроса ВЦИОМ, 2001 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.temadnya.ru/spravka/09may2001/497.html>
19. Президент Владимир Путин в преддверии 9 Мая отклонил законодательную инициативу «единороссов», отправив на доработку Федеральный закон «О Знамени Победы». 20 апреля 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newsru.com/russia/20apr2007/flag3.html>
20. *Путин В. В.* Выступление на военном параде и параде участников Великой Отечественной войны, посвященных 55-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. 9 мая 2000 г., Москва [Электронный ресурс]. URL: <http://2002.kremlin.ru/events/31.html>
21. Размышления о моменте: (О войне, о победе, о годовщине) [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusrand.ru/mission/moment/moment_481.html
22. Речь И. В. Сталина о победе над Германией [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kob.su/articles/9-maia-1945-ghoda-riech-stalina>
23. Фальсификация истории как инструмент политики // Рос. газ. 2010. 21 мая.
24. Самые популярные праздники в Рунете: Новый год, день рождения, 8 Марта и 23 февраля. 4 апр. 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cybersecurity.ru/net/45609.html>
25. Уходит «живая память» о войне. Москва, 21 июня 2010 г. / Всерос. центр изучения обществ. мнения (ВЦИОМ) [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/13594.html>
26. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004.
27. *Явлинский Г. А.* Заявление в связи с празднованием дня рождения Сталина партией власти Москва, 21 дек. 2004 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yavlinsky.ru/news/index.phtml?id=2349>

УДК 94(470)“1941/1945” + 378.1(470.5)

**С. И. Быкова
Л. Я. Баранова****ВОЙНА И ПАМЯТЬ КАК ЭТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
КАТЕГОРИИ (НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ)**

Анализируются знания студентов УрГУ об истории, причинах и последствиях Второй мировой войны, роли СССР в развязывании глобального конфликта и цене Великой Победы. Делается вывод, что недостаточные знания об историческом прошлом обусловлены утратой связи между поколениями и несовершенством современных школьных и вузовских учебников.

К л ю ч е в ы е с л о в а: цена победы, Катынь, концлагерь, знания о прошлом, семейная история.

Диалог с прошлым — важнейший фактор развития любой цивилизации, народа и человека. Однако иногда появляется ощущение, что общество желает забыть о прошлом, каким бы славным или трагическим оно ни было. К сожалению, у историков, как правило, возникает очень много проблем с аудиторией, к которой они обращаются, — большинству современных студентов, если принять во внимание их высказывания на семинарских занятиях, ответы на вопросы тестов и контрольных работ, многие события прошлого неизвестны. Особенно тревожит тот факт, что значительная часть студентов не интересуется историей своей семьи и даже самыми значительными, эпохальными историческими событиями: в частности, «неизвестной» страницей прошлого являются для них Вторая мировая война и Великая Отечественная война. Так, на вопросы, какие события произошли в мировой и отечественной истории 23 августа 1939 г., 1 сентября 1939 г. и 22 июня 1941 г., многие первокурсники (и студенты старших курсов) затрудняются ответить. Самым поразительным является то, что 10 % из отвечавших не знают, какое событие произошло 22 июня 1941 г., либо утверждают, что началась Вторая мировая война.

Иногда в ответах можно прочесть: «1 сентября 1939 г. впервые официально отмечали День знаний» (!). Даже если принять данный вариант ответа как шутку, он говорит о проблемах исторического сознания. Кроме того, содержание ответов свидетельствует об исключенности студентов из актуальной современности, ведь в 2009 г. трагическому юбилею начала Второй мировой войны были посвящены дискуссии в Европейском парламенте и Федеральном собрании РФ, принята резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы, а в ночь с 31 августа на 1 сентября проведена встреча лидеров европейских стран.

БЫКОВА Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России и стран СНГ Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: sibykova@mail.ru).

БАРАНОВА Лидия Яковлевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России и стран СНГ Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

© Быкова С. И., Баранова Л. Я., 2011

70 лет назад, когда в газетах появились сообщения о подписании 23 августа 1939 г. договора о ненападении между Третьим рейхом и Советским Союзом, многие дипломаты с уверенностью говорили о том, что война начнется через 7–10 дней. По сведениям Л. Я. Барановой, один из жителей Свердловской области ответил на подписание договора сочинением частушки, очень точно отразившей суть происходивших событий (судьба его оказалась трагичной — он был репрессирован):

Гитлер музыку играет,
Сталин пляшет трепака —
Всю Европу разорили
Два великих дурака.

Однако в 2009 г. лишь треть студентов отвечают на вопрос, какое событие произошло в августе 1939 г. Даже те, кто указывают факт подписания пакта Молотова — Риббентропа, очень редко вспоминают о секретных соглашениях, определивших в 1939 г. судьбу мира.

Данная ситуация предопределена состоянием исторического образования. Как правило, в школьных и вузовских учебниках этому событию, которое историки (в частности, Норман Дэвис) называют разрешением Гитлеру на войну, уделяется незначительное внимание. Авторы учебных пособий делают акцент на враждебном отношении Европы к Советскому Союзу: «Не найдя поддержки европейских государств по вопросу создания системы коллективной безопасности, СССР был вынужден пойти на союз с главным агрессором — фашистской Германией». Иногда в учебных пособиях повторяются тезисы советских политиков и историков, утверждавших, что благодаря договору «появилась возможность направить фашистскую агрессию на Запад; укрепить обороноспособность страны к июню 1941 г.; восстановить территорию государства в границах бывшей Российской империи». Некоторые студенты в своих ответах воспроизводят эту риторику, утверждая, что в европейских странах существовал страх перед СССР как великой державой. Другие, напротив, отмечают, что советское государство, отстававшее по уровню развития военного производства, было вынуждено пойти на соглашение с Гитлером.

К сожалению, в российских учебниках очень редко можно найти упоминание о трагедии Катыни и объективное описание роли Советского Союза в польской кампании и «блицкриге» вермахта в Европе. Как для авторов большинства учебных пособий, так и для студентов, остаются «забытыми» советские радиостанции, помогавшие своими сигналами самолетам люфтваффе совершать ночные бомбардировки польских городов; военная база «Норд» (в нескольких километрах от Мурманска), в которой немецкие корабли и подводные лодки, ведущие боевые операции против Англии, могли укрыться, осуществить заправку и ремонт; советские ледоколы, помогавшие немецким рейдерам...

Вне внимания остается экономическое сотрудничество между СССР и Третьим рейхом, начавшееся с торгово-кредитного договора от 19 августа 1939 г. Студенты об этом ничего не знают, а авторы некоторых пособий лишь указывают, что это соглашение предусматривало предоставление советскому

правительству необходимого и выгодного 200-миллионного кредита на 5 лет под 5 % (по другим данным — 4,5 %) годовых. При этом они избегают рассмотрения двух важных вопросов: во-первых, было ли выполнено Германией данное обязательство; во-вторых, какие услуги должен был оказать Третьему рейху Советский Союз. В некоторых учебниках лишь после краткого описания «блиц-крига» вермахта в Европе содержатся утверждения: «На службу рейху была поставлена экономика всех оккупированных стран».

Однако авторы учебников «забывают», что советское правительство, стремясь избежать конфликта с Третьим рейхом, даже в 1941 г. продолжает поставки в Германию: в марте—апреле их объем был настолько велик, что у немецкой стороны возникли серьезные проблемы с транспортировкой грузов. В это же время были подписаны дополнительные соглашения о расширении поставок в Германию из СССР нефтепродуктов, цветных металлов, зерна и хлопка. Опубликованные данные поражают воображение: за 17 месяцев сотрудничества Германия получила 865 тыс. т нефти, 500 т вольфрама, 500 т молибдена, 15 тыс. т асбеста, 184 тыс. т фосфата, 2 736 кг платины, 3 тыс. т никеля, 14 тыс. т меди, 140 тыс. т марганцевой руды, более 1 млн т лесоматериалов, 26 тыс. т хромовой руды, 100 тыс. т хлопка-сырца, 11 тыс. т льна и 1462 тыс. т зерна... Дополнительной услугой советского правительства А. Гитлеру являлась транспортировка через Транссиб закупленного для Германии стратегического сырья (графита из Мадагаскара, каучука и вольфрама из Индокитая). При обсуждении данного аспекта сотрудничества Третьего рейха и СССР студенты с удивлением восклицают: «Как мог Гитлер после этого на нас напасть?!»

Отсутствие знаний о причинах войны и первом ее этапе не позволяет студентам рассматривать альтернативные варианты — возможность сохранения мира в 1939 г. и, соответственно, в 1941 г. Кроме того, появляется дополнительный слой «вуали», камуфлирующий ответственность европейских стран, советской власти и лично И. Сталина за происшедшее и избранный вариант истории.

Особенно удивляет и тревожит отсутствие знаний о цене победы. В частности, отвечая на вопрос о численности человеческих жертв за годы войны, студенты указывают различные данные — от 100 тыс. до 60 млн. Некоторые ограничиваются лаконичными ответами: «много, очень много», «миллионы». Лишь четвертая часть студентов называет реальные цифры — более 20 млн (иногда указывают 27 млн).

Абсолютное большинство отвечавших демонстрируют полную неосведомленность о трагедии советских солдат и офицеров, оказавшихся в окружении и попавших в плен. Пытаясь определить численность жертв военных катастроф Красной армии, студенты называют от 10 тыс. до 15 млн человек. Правильные ответы встречаются чрезвычайно редко. Один из отвечавших заявил: «Пленных было мало, так как Сталин приказал расстреливать всех, кто сдавался».

У многих студентов с военнопленными ассоциируются только названия концлагерей. Исключительно редкими являются дополнения, что это были «фабрики смерти», которые создавались нацистами (фашистами) для массового убийства «неарийцев», «неполноценных народов», что миллионы людей были

уничтожены в газовых камерах. Лишь в двух ответах (из 285) прозвучало слово «геноцид». В ответах на вопрос «Какие исторические ассоциации вызывают у вас следующие названия: Саласпилс, Равенсбрюк, Освенцим, Дахау, Бухенвальд?» студенты предлагали такие варианты: «это крепости», «это города», «это известные курорты в Германии», «немецкие города, в которых прошли бои» или «города, в которых Красная армия провела победоносные сражения». Автор одного из ответов высказал предположение, что «это немецкие военачальники». Свидетельством отсутствия у студентов знаний о самом антигуманном преступлении нацистов против мирного населения Европы и советских народов являются ошибки в написании не только названий, но и самого слова «концлагерь»: «конслагерь», «контслагерь».

К сожалению, данное наблюдение подтверждает реакция студентов на один из фрагментов доклада С. И. Быковой «Человек в условиях глобального военного конфликта (1939–1945)», с которым она выступала на конференции факультета международных отношений и экономического факультета: некоторые студенты сказали, что сведения о Бухенвальде, о «фрау Абажур», о судьбе Дмитрия Карбышева оказались для них самыми интересными из услышанного на пленарном заседании. Весьма примечательно признание одного из студентов: «Я только теперь понял, что такое нацистский концлагерь».

Причиной данной ситуации является отсутствие материалов о геноциде в большинстве школьных и вузовских учебников. Отсутствие адекватного числа учебных занятий по отечественной истории в университете не позволяет преподавателям корректировать недостатки школьного образования — необходимость рассмотрения всех периодов российской истории, как правило, ограничивает возможности преподавателей в изучении значимых событий. Сравнивая содержание российских и немецких учебников, следует обратить внимание на то, что в немецких учебниках о жертвах нацистского геноцида говорится уже на первой странице в теме «Национал-социализм».

К сожалению, такое отношение в России к жертвам войны свидетельствует о сформировавшемся в советское время и сохраняющемся сейчас равнодушии к человеку, который есть величайшая ценность, не сопоставимая со значимостью идеологии.

Великая Отечественная война остается «неизвестной» для современных студентов и во многих других аспектах. В частности, большинство из них не представляют, какие территории советского государства были захвачены войсками вермахта. Наиболее часто повторяющийся ответ «не знаю», некоторые отмечают: «Немцы немало прошли по нашей земле». Отсутствие знаний о географических параметрах Великой Отечественной войны не позволяет ответить и на другие вопросы. Обычно лишь двое-четверо студентов из группы перечисляют десять-одиннадцать названий городов-героев, остальные вспоминают лишь пять-шесть (чаще всего — два: Москва и Сталинград, Ленинград и Москва). Во многих ответах одновременно указываются как два города-героя и Волгоград, и Сталинград. Иногда среди городов-героев называют Свердловск. Некоторые студенты оставляют место для ответа на этот вопрос, как и на некоторые из обозначенных выше, незаполненным...

Почти такая же ситуация с Героями Советского Союза, получившими это звание за подвиги в годы Великой Отечественной войны. Примерно 10 % студентов не написали ни одной фамилии, отметив лишь, что таких «было огромное количество, их именами названы улицы». Абсолютное большинство ответивших первым, как правило, называли Г. К. Жукова (очень часто это единственная фамилия), затем А. Матросова, З. Космодемьянскую, К. Рокоссовского, иногда (очень редко) В. Зайцева, И. Кожедуба, И. Панфилова, А. Покрышкина, Н. Гастелло, А. Маресьева. В исключительных случаях вспоминали имена уральцев (в том числе Н. Кузнецова). Несколько человек назвали В. Ленина, И. Сталина, М. Тухачевского, Ю. Гагарина.

Окончание военных действий в Европе и 9 мая 1945 г. ассоциируются у большинства студентов со взятием Берлина и штурмом рейхстага. Только один студент (из 285), отвечая на вопрос «Какая битва завершилась 9 мая 1945 г.?», написал о Праге. Среди «экзотических» ответов называлось взятие советскими войсками Смоленска, освобождение Москвы...

Весьма туманные представления у студентов не только о военных событиях 1939–1945 гг., но и о дипломатической истории. Многие из них затрудняются ответить, какие страны были союзниками СССР в годы Великой Отечественной войны. По этой причине закономерным ответом на вопрос о ленд-лизе являются слова «не знаю».

Тревожный симптом — использование студентами названия «Россия» при описании событий 1939–1945 гг.: в данном случае утрата лексемы «Советский Союз» способствует исключению из памяти важнейшего факта участия всех народов СССР в борьбе против нацистской Германии, что недопустимо с точки зрения исторической правды.

Однако нельзя считать единственной причиной исторической амнезии состояние школьного и вузовского образования, отсутствие интереса у новых поколений к прошлому. К сожалению, в современном российском обществе утрачены связи между поколениями, отсутствует традиция семейной памяти. Начиная работать с новыми студентами, мы обычно обращаемся к ним с вопросом, у кого в семье ведется семейная история, есть генеалогическое древо. Как правило, в аудитории, насчитывающей от 50 до 80 человек, таких оказывается один-три студента. Получается, что прошлое (и Великая Отечественная война в том числе) для большинства современных студентов лишь символ, важнейшими характеристиками которого являются парад и салют.

УДК 17.021.1 + 316.61 + 81'373

Т. С. Вершинина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА В ФОРМИРОВАНИИ УСТАНОВОК НА ГЕРОИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Анализируются способы воздействия средствами художественного кинематографа, песенного искусства, политического плаката и т. п. на массовое и индивидуальное сознание в годы Великой Отечественной войны с целью формирования героического поведения граждан на фронте, в тылу и на оккупированных территориях.

К л ю ч е в ы е с л о в а: личность, Я-концепция, Я-образ, героическое поведение, массовое сознание, образ героя, образ действительности.

Любое государство, оказавшись втянутым в военные действия, стремится одержать победу. Государство-агрессор ставит перед собой цель — захватить государство, на которое оно напало. Государство, ставшее жертвой нападения, естественно, стремится отвоевать свою независимость, сохранить политический строй, отстаивать идеалы.

Советский Союз должен был отстаивать «завоевания Октября под ленинским знаменем». Главной задачей было внушить гражданам веру в победу, необходимость сохранения единственного в мире справедливого государства рабочих и крестьян. На первый план вышла идея спасения независимости Отечества, Родины, страны. И, как нам доказала история, это удалось. Даже у части сомневающихся, у людей, пострадавших от коммунистической идеологии, было одно стремление — освободить Родину. Для этого требовалось такое воздействие на самосознание граждан, которое постоянно, систематически заставляло бы их осознавать как главное качество их личности способность бороться, сопротивляться, побеждать и победить. Поэтому мы говорим о формировании у граждан нашей страны в годы войны Я-образа победителя, у всех — от мала до велика.

Я-образом, Я-концепцией называется часть личности, которая осознается, образ собственно Я. Я-концепцию можно оценить как сознательное когнитивное восприятие и оценку индивидом самого себя — мысли и мнения индивида о себе. Эти представления о себе в той или иной степени являются осознанными и имеют относительную устойчивость. По мнению Эриксона, Я-концепция — это «идентичность эго» индивида, или согласованное самовосприятие индивидом своей личности.

Несмотря на относительную устойчивость, Я-концепция представляет собой динамическое, а не статическое образование. На ее формирование влияет целый ряд факторов, наиболее важными из которых следует считать контакты

ВЕРШИНИНА Татьяна Станиславовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: wtatiana@mail.ru).

со «значимыми другими», что и определяет представления о самом себе. В качестве предмета самовосприятия и самооценки индивида могут выступать его тело, способности, социальные отношения и другие личностные проявления. Именно на основе Я-концепции строится взаимодействие индивида с другими людьми и с самим собой, складываются его социальные взаимоотношения, создаются социальные роли, закладываются поведенческие проявления.

Советскому государству для достижения своей великой цели — победы в Великой Отечественной войне — необходимы были куда более мощные средства, нежели те, с помощью которых была достигнута победа в Октябрьской революции, установлено советское правительство и удерживалась долгие годы вера в справедливость и непоколебимость политических идеалов молодого государства. У советских граждан, воинов, а также лиц, оказавшихся на временно оккупированных территориях, необходимо было сформировать не только ненависть к врагу и веру в победу «самого справедливого строя на Земле». Важно было сформировать у всех граждан СССР, воевавших на фронтах, осуществлявших партизанские действия на захваченных территориях, трудившихся в тылу, такую гражданскую позицию, которая независимо от качества их жизни в условиях военного времени обеспечивала бы их веру в победу, их веру в достижимость поставленной цели — победы над врагом. Таким образом, советское правительство встало перед необходимостью формирования такого уровня самосознания граждан своей страны, который обеспечил бы планомерное победоносное движение к свержению фашизма.

Говоря о воздействии на самосознание граждан Советского Союза, отметим, что термин «Я-концепция» часто используется как синоним понятия «самосознание», которое является, однако, более нейтральным и, следовательно, в меньшей степени содержит оценочный аспект. Я-концепция, по сути, устанавливает и то, что представляет из себя индивид, и то, что он думает о себе, «как смотрит на свое деятельное начало и возможности развития в будущем» [2].

Воздействие на Я-концепцию в условиях войны носило более агрессивный характер по сравнению с мирным временем, хотя и в довоенные годы его нельзя назвать незначительным. Воздействие велось на все три компоненты Я-концепции: когнитивную составляющую (представления индивида о самом себе, набор характеристик, которыми, как ему кажется, он обладает), оценочную (как индивид оценивает эти характеристики, как к ним относится) и поведенческую (как человек в действительности поступает).

Как правило, любой человек полагает, что он наделен рядом характеристик. Эти характеристики могут иметь разную для него значимость, что ведет к выстраиванию их иерархии, которая может меняться в зависимости от контекста или с течением времени. Естественно, что сочетание и значимость характеристик в разные моменты жизни обуславливают ожидания индивида относительно себя [1].

Данная компонента Я-концепции, представленная в сознании индивида в виде социальных ролей и статусов, должна быть определенным образом оценена индивидом, и у него должно быть определенное отношение к ней. Важную роль здесь играет соотнесение представлений о себе с «идеальным

Я», с социальными ожиданиями и оценка эффективности своей деятельности с позиции своей идентичности [1]. И, разумеется, как бы мы себя ни оценивали или как бы ни хотели думать о себе, мы вынуждены считаться с тем, как мы себя ведем и что нам удается.

Все три компонента Я-концепции граждан Советского Союза оказались под прицелом не только идеологической машины, вовлеченной в борьбу, но и главной идеи — сохранения свободы страны. В течение всей взрослой жизни человека Я-концепция, стремясь сохранить преемственность, подвергается изменениям. В периоды важных жизненных событий человек вынужден пересматривать отношение к себе.

Борьба за свободу Отчизны стала главным содержанием жизни людей, требуя напряжения духовных и физических сил. Все советское искусство было подчинено одной цели — победа любой ценой. Поэтому следовало сформировать у всех граждан такую Я-концепцию, которая давала бы им уверенность в своих силах, способность направить все усилия на одержание победы над врагом. Вся страна жила нуждами фронта и тыла, ковавшего победу. Конечно, важное значение для формирования отношения к событиям и осознания своей роли, себя в этих событиях имели обращения «вождя народов». Безусловно, особую роль играли сводки Совинформбюро: информация с полей сражения передавалась с огромным эмоциональным накалом благодаря профессиональным качествам диктора — особому голосу, умению правильно сделать паузу, интонацией подчеркнуть трагичность поражения и радость победы, актуализировать тот или иной фрагмент сводки и т. д. Искусство обладало такими возможностями, которые позволяли за короткий промежуток времени (стихотворение, песня, фильм, кинохроника и т. п.) или при краткосрочном столкновении с образом действительности (плакат) воздействовать на человека точно с пролонгированным эффектом: вызвать жалость к детям или ненависть к врагам, поверить в верность жен и подруг в тылу, зажечь огонь героического безрассудства у сильного, повысить самооценку у слабого. Для достижения главной цели привлекались всевозможные виды искусства — кинематограф, песенное творчество, поэзия, плакат. Власти, боясь правды, старались ее замолчать, приукрасить (о сдаче врагу некоторых крупных городов, например Киева, Совинформбюро не сообщало), что было оправданно с точки зрения задач политического мифа, распространявшегося в тот период (священная война будет победоносно завершена, советская армия непобедима).

Но воюющему народу правда нужна была как воздух, как нравственная опора, как духовный источник сопротивления. Стихи времен войны отражают суровую правду жизни в тылу, на фронте, в плену, правду человеческих чувств и переживаний. Они зовут к мщению всеми видами поэтического оружия. Целое поколение молодых поэтов, названное позже фронтовым, сложилось в годы войны, среди них С. Наровчатов, Е. Винокуров, К. Вашенкин, М. Львов, Ю. Друнина, Б. Окуджава, Муса Джалиль и многие другие. Стихотворение К. Симонова «Жди меня, и я вернусь...» призывало надеяться и ждать вопреки всему. Оно вселяло во фронтовика веру, что дома его ждут. Именно эта вера и должна была подпитывать его мужество и стойкость. В годы Великой

Отечественной войны О. Берггольц, оставшись в осажденном родном городе, все 900 дней блокады работала на Ленинградском радио. Обессиленная от голода, но не терявшая силы духа, она ежедневно обращалась к ленинградцам доверительными и мужественными стихами, поддерживая в них волю к жизни и веру в освобождение, воспевая подвиг жителей Ленинграда и тех, кто помогал им на Дороге жизни. Ее лучшие поэтические произведения, посвященные героизму защитников города, созданы в годы войны, например, «Ленинградская поэма»:

О да — иначе не могли
ни те бойцы, ни те шоферы,
когда грузовики вели
по озеру в голодный город.
Холодный ровный свет луны,
снега сияют иступленно,
и со стеклянной вышины
врагу отчетливо видны
внизу идущие колонны.

<...>

Казалось, что конец земли...
Но сквозь остывшую планету
на Ленинград машины шли:
он жив еще. Он рядом где-то.
На Ленинград, на Ленинград!
Там на два дня осталось хлеба,
там матери под темным небом
толпой у булочной стоят,
и дрогнут, и молчат, и ждут, ...

<...>

Ремонт на пять минут, пустяк.
Поломка эта — не угроза,
да рук не разогнуть никак:
их на руле свело морозом.
Чуть разогнешь — опять сведет.
Стоять? А хлеб? Других дожждаться?
А хлеб — две тонны? Он спасет
шестнадцать тысяч ленинградцев. —
И вот — в бензине руки он
смочил, поджег их от мотора,
и быстро двинулся ремонт
в пылающих руках шофера.
Вперед! Как ноют волдыри,
примерзли к варежкам ладони.
Но он доставит хлеб, пригонит
к хлебопекарне до зари.
Шестнадцать тысяч матерей
пайки получают на заре —
сто двадцать пять блокадных грамм
с огнем и кровью пополам.

...О, мы познали в декабре —
не зря «священным даром» назван
обычный хлеб, и тяжкий грех —
хотя бы крошку бросить наземь:
таким людским страданьем он,
такой большой любовью братской
для нас отныне освящен,
наш хлеб насущный, ленинградский.

В мирное время песня помогала «строить и жить», в военное время она так же, как тысячи граждан Советского Союза, была призвана на фронт. Самая известная песня того времени, история создания которой обросла мифами, а ее роль в формировании установок на героическую защиту Отечества стала правдивой легендой, — песня «Священная война» (В. Лебедев-Кумач, А. Александров). В данной статье нет смысла приводить весь текст песни, но процитированные ниже строки не нуждаются в комментариях, настолько прямо выражены поэтическим слогом идеологические концепции страны, втянутой в военные действия, и поведенческие модели и мотивационные установки Я-концепции воина-защитника, предстающие в качестве ценностных ориентиров:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война!

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы.
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

<...>

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Пойдем ломить всей силою,
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой!

В летописи Отечественной войны есть немало эпизодов, связанных с героическим поведением воинов, когда вместе с ними в бой вступала эта песня-гимн. Например, весной 1942 г. небольшая группа защитников Севастополя заняла оборону в пещере, выдолбленной в скале. И хотя силы защитников

таяли: гитлеровцы штурмовали пещеру, забрасывая ее гранатами, — из глубины подземелья послышалась песня: «Вставай, страна огромная, / Вставай на смертный бой / С фашистской силой темною, / С проклятою ордой!...» Советские воины не сдались, взорвав пещеру, они погибли со словами песни-гимна.

Важную роль в поддержании мифа народа-победителя, способного на героическую защиту Отечества, отстаивающего идеалы советской страны, играл кинематограф. Из проката были изъяты произведения, не имевшие прямого отношения к теме защиты Родины. Художественные фильмы были посвящены таким темам, как патриотизм, героизм («Малахов курган»), ненависть к фашизму («Человек № 217», «Радуга»), мужество женщин и детей («Жди меня»), партизанская борьба («Зоя»). Хотя, если говорить строго, нельзя выделить отдельно взятую тему в том или ином фильме. Как правило, жанровое разнообразие — драмы, мелодрамы, музыкальные комедии — позволяло с помощью различных художественных возможностей кинематографа (музыкальное и поэтическое сопровождение; сатирическое, злостное высмеивание врагов и добродушная ирония в отношении героев фильмов; звездные имена; честные, отважные, красивые, сильные, смелые герои и трусливые, жалкие, жестокие, уродливые враги) решать главную воспитательную задачу военного времени.

Отметим, что важная роль в формировании Я-образа, или Я-концепции, победителя была отведена плакату. Глядя на пропагандистский плакат, можно легко проследить основные направления пропагандистской политики государства. С началом войны оно было вынуждено обратиться к отечественной истории: вспомнили древних витязей и героев войны 1812 года, даже князя Дмитрия Донской и Александр Невский, фельдмаршалы Суворов и Кутузов, хотя

и грешили своим непролетарским происхождением, тоже «встали на борьбу с захватчиками».

Анализируя советский плакат, нельзя не заметить, что иногда советские пропагандисты обращаются к инстинкту убийцы: так, на некоторых плакатах советские воины буквально идут по трупам. Сравнение немецких и советских плакатов показывает, что тематика и изобразительное решение плакатов в СССР и фашистской Германии весьма схожи, что неудивительно. Оба воевавших государства, являясь тоталитарными, обладали схожей идеологией и использовали схожие методы ее воплощения. Даже заботливость фюрера о возрождении немецкого народа и становлении нового государства весьма показательна в этом смысле.

Многообразная тематика военных плакатов в доходчивой форме призывала к борьбе с врагом.

Эти листки клеймили трусов, прославляли героев фронта и тыла, внушали отвращение к фашизму, демонстрируя его истинное лицо. Зачастую плакаты сопровождались запоминающимися стихотворными строчками. Эти плакаты передают жизнь страны в военные годы. В них воспеты бесстрашие и героизм советских воинов, фронтовое братство, отчетливо видна трагедия войны и унижения, пережитые гражданами, оказавшимися на оккупированных территориях и попавшими в плен. Плакат был призван так же, как и кино (и другие виды искусства), но, возможно, в более гипертрофированной форме сформировать «правильное» отношение к действительности.

Таким образом, на примере плаката и кинематографа видно, что перед советским искусством стояли важные задачи, которые, как показала история, были успешно решены. Граждане СССР, несмотря на неудачи первых месяцев войны, горечь утрат, унижения, смогли найти в себе силы для борьбы с врагом, чему в значительной степени способствовало изменение личностных установок, связанное с воздействием на все составляющие Я-концепции советских людей. Это обусловило переосмысление собственных характеристик, выстраивание их иерархии в условиях форс-мажорных обстоятельств войны, требующих мобилизации внутренних психических и физических резервов организма, формирование поведенческих моделей, соответствующих идеальным образам искусства и соотносимых с тем, как к этому отнесутся значимые другие.

1. Большой психологический словарь / сост. Б. Мещеряков, В. Зинченко. М., 2004.

2. Голованевская В. Особенности Я-концепции как фактор формирования аддиктивного поведения. М., 2000.

УДК 94(4)“1939/45” + 329(410)

Е. В. Журихина

БРИТАНСКИЙ ПРОЕКТ ОБЪЕДИНЕННЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ШТАТОВ ЕВРОПЫ (1942–1943) КАК ИДЕЯ ПОСЛЕВОЕННОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Анализируется концепция Объединенных Социалистических Штатов Европы, сформулированная в период Второй мировой войны представителями британских левых радикалов Ф. Ридли и Б. Эдвардсом, лидерами Независимой рабочей партии Великобритании. Показано, что идеи европейской интеграции в период Второй мировой войны получали самостоятельную интерпретацию со стороны различных европейских политических течений, и британские левые рассматривали перспективы европейской интеграции в рамках марксистской парадигмы.

Ключевые слова: европейская интеграция, Вторая мировая война, Объединенные Штаты Европы, левые радикалы Великобритании, Независимая рабочая партия Великобритании.

Вопрос о переустройстве общества на справедливых началах — один из самых важных в политической и социальной истории XIX–XX вв. Марксизм, будучи влиятельнейшим идейно-политическим движением рубежа веков, представил свой проект достижения нового общественного порядка путем уничтожения рабочей партией основ капиталистического строя. Однако реалии западной цивилизации оказались сложнее выкладок Маркса, а трактовки базовых положений марксизма привели к формированию нескольких течений, которые по-разному видели задачи социалистического движения.

Так и не наступившая мировая революция, эксперимент по созданию социалистического государства в отдельно взятой стране, подъем национал-социалистического движения требовали нового осмысления. Социалистическим партиям необходимо было также дать оценку глобальным изменениям в международных отношениях, которые произошли в результате начала Второй мировой войны. Проект создания Объединенных Социалистических Штатов Европы, выдвинутый Независимой рабочей партией Великобритании в 1944 г., представляет собой ценный источник, который дает информацию о том, каким виделось британским социалистам послевоенное будущее Европы и мира.

Независимая рабочая партия, основанная в 1893 г., — одна из старейших рабочих партий Великобритании. Эта партия долгое время являлась ассоциированным членом Лейбористской партии. Ее целью было создание «Социалистического содружества» — бесклассового общества, а также свержение капитализма в Британии.

В целом программные установки Независимой рабочей партии были более радикальны, чем у Лейбористской партии. Это обстоятельство послужило

ЖУРИХИНА Елена Владимировна — ассистент кафедры иностранных языков регионов Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: elena1277@yandex.ru).

© Журихина Е. В., 2011

причиной разрыва ассоциативных отношений в 1931 г., что привело к падению популярности Независимой рабочей партии и к еще большему «полевению» ее программы [2]. В 1930-х гг. в партию входило несколько троцкистских групп, а также объединений, симпатизирующих Коммунистической партии Великобритании. С началом Второй мировой войны активисты партии развернули кампанию по созданию социалистического порядка в Британии (программа «A Socialist Britain Now») [3]. Для этого предполагалось добиться введения в Англии социального равенства, коллективной собственности, предоставления независимости колониальным народам. Среди пунктов программы достижения социализма также значились помощь и поддержка советской России и осуществление мирного социалистического наступления.

Очевидно, что проект Объединенных Социалистических Штатов Европы — своеобразное продолжение плана по достижению социалистического порядка, но уже в рамках Европы, а не Британии. Авторами проекта являются видные деятели партии Ф. Ридлей и Р. Эдвардс. Перу первого принадлежат политические и исторические разделы, а Р. Эдвардс выступил автором частей, посвященных экономическим вопросам и практической роли Независимой рабочей партии в борьбе за реализацию проекта. Ф. Ридлей — специалист по английской революционной истории, агитатор, автор ряда книг, посвященных политическим событиям того времени. Р. Эдвардс с 1943 по 1948 г. являлся председателем Независимой рабочей партии, принимал активное участие в революционном движении в Испании.

Проект состоит из двух частей. В первой исследуются исторические проблемы: истоки идеи объединенной Европы, а также текущая политическая ситуация. Вторая представляет собой анализ экономической ситуации в Европе. В этой главе доказывается возможность создания Объединенных Социалистических Штатов Европы и указываются конкретные действия, необходимые для реализации проекта.

Как и в любом проекте, его большая часть посвящена теоретическому обоснованию необходимости создания Социалистических Штатов Европы, а не описанию процесса их создания. Однако теоретическая часть дает интересные сведения о представлениях этой партии о международной обстановке и послевоенном устройстве мира.

Отправной точкой в размышлениях авторов служат события Второй мировой войны, которая рассматривается ими как явление «большее, чем война или война капиталистическая» и оценивается «как кризис во всех человеческих отношениях» [4, 5]. Как Тридцатилетняя война отразила кризис феодальных отношений, так и Вторая мировая война, отмечает Ф. Ридлей, отражает глубочайший кризис капитализма. Развитие экономики более не сдерживается узкими рамками капиталистического общества. Подчеркивается, что именно из-за этого дисбаланса европейское общество вступило в период великих войн. Империалистическая война 1914–1918 гг. выдвинула на первый план проблему тупикового противостояния между старым и новым порядком. Авторы высказывают опасения, что капиталистическое общество может совершить коллективное самоубийство в череду масштабных войн [Там же, 23].

Обосновывая необходимость создания Объединенных Социалистических Штатов Европы, авторы подвергают жесткой критике все иные модели послевоенного урегулирования — Лигу Наций и Организацию Объединенных Наций. По их мнению, эти планы, предложенные империалистическим лагерем, обречены на провал, так как являются продуктом «утопического идеализма и империалистической демагогии» [4, 6]. Критически осмысливаются паневропейское движение и проект создания Европейского федеративного союза, который был выдвинут группой французских политиков и публицистов под руководством А. Бриана, А. Леже и М. Герро. Они расценивались как «закамуфлированные попытки способствовать французской империалистической гегемонии на европейском континенте» [Там же, 25]. Все эти проекты, согласно Ридлею и Эдвардсу, основываются на полуправде, поскольку невозможно добиться прочного объединения на основе сохранения капиталистических отношений и национального государства.

Таким образом, цель проекта Независимой рабочей партии заключалась, прежде всего, в обосновании необходимости ниспровержения старого порядка и установлении нового общества.

Главным аргументом в пользу этого положения, по мнению авторов, служат события межвоенного периода. Первая мировая война привела к социалистической революции, которая «была утоплена в крови и не смогла изменить существующий строй. Если после Второй мировой войны революции не произойдет и законы капитализма закрепятся, это неизбежно приведет к еще более страшной третьей мировой войне» [Там же, 26]. В связи с этим авторы считают, «что завершение начатой в России революции в мировом или в европейском масштабе является величайшей задачей нашего поколения» [Там же, 8].

Создание Объединенных Социалистических Штатов Европы должно было стать важнейшей вехой на пути к мировому социализму. Социализм в Европе, по Ф. Ридлею, должен стать эпохой нового Ренессанса. Учреждение Социалистических Штатов Европы будет средним, переходным этапом между революцией в России и окончанием мировой революции. Утверждение мирового социализма, смена капитализма и перестройка общества не должны быть быстрыми, должны проходить поэтапно, именно поэтому и требуется переходный этап.

Важное место в проекте занимает обоснование необходимости данного переходного этапа именно в Европе. Приводятся несколько аргументов. Первый аргумент утверждает, что Европа является лидером мировой цивилизации, обновленный новыми социальными технологиями континент обеспечит себе небывалое лидерство на всей планете. Вторым аргументом основан на необходимости достижения мира в Европе. Сегодняшняя Европа, заключает Ф. Ридлей, представляет собой политическую систему, построенную на национальном суверенитете, которая отвечает потребностям исчезающей капиталистической эпохи [Там же, 14]. Государства-нации обладают абсолютными правами и противостоят друг другу в защите этих прав, отсюда и постоянные столкновения, поэтому существующие проекты объединения Европы и Организации Объединенных Наций, основанные на политических реалиях XIX в., не смогут предотвратить

новые конфликты. Интернационализм должен сменить идеологию национализма так же, как социализм должен сменить капитализм.

Следующий довод в пользу учреждения Объединенных Социалистических Штатов Европы основывается на популярности и распространенности идеи европейского единства, которая уходит корнями в историю [4, 17]. Автор отмечает, что необходимость объединения Европы всегда связывалась с искоренением войн и достижением «вечного мира». Однако все эти призывы не имели практического воплощения. Единственный, кто попытался объединить европейские страны, — Наполеон Бонапарт. С наступлением эпохи империализма основы мира, помимо национализма, стали подрывать конкуренция стран за мировые рынки и борьба за доминирование в мире. После Первой мировой войны испуганные революционными событиями капиталистические лидеры решили выдвинуть в качестве альтернативы объединения Европы идею международного сотрудничества между империалистическими и националистическими государствами под эгидой Лиги Наций. Но это сотрудничество закончилось новой мировой войной. Ф. Ридлей считает, что история показала нежизнеспособность объединений, основанных на принципе сохранения государств-наций. Все это свидетельствует, по мысли автора, о том, что объединение Европы возможно только на основании прогрессивного социалистического порядка при ведущей роли молодого рабочего класса.

Важнейшим аргументом в пользу создания Объединенных Социалистических Штатов Европы является утверждение, что в Европе сформировались предпосылки для перехода к социализму. Такой вывод был сделан на основе анализа политической ситуации в Европе. В главе «“Новый порядок” Гитлера и европейский вопрос» Ф. Ридлей делает довольно неожиданные выводы и проводит смелые исторические параллели. Он утверждает, что как действия германских варваров, разрушивших Римскую империю, так и завоевания Гитлера носят объективно положительный характер, поскольку и те и другие сокрушили старый, отживший порядок в Европе [Там же, 28]. Но подчеркивается, что эта оценка относится к результатам политики Гитлера, а не к ее методам и целям.

Характеризуя нацистские завоевания как «реакционную империалистическую авантюру», автор отмечает, что впервые европейский континент захвачен одной доминирующей державой. Гитлер «смел с лица земли множество мелких и средних стран» и кардинально перекроил «священные и неизменные границы» европейских государств [Там же, 29]. Однако Ф. Ридлей замечает, что Гитлеру, сокрушившему «старый порядок», так и не удалось построить «новый порядок» и достичь подлинного экономического и морального единства Европы. Отсюда делается вывод, что нацистский режим показал, как нельзя объединять Европу. Гитлеровская Германия предприняла попытку объединения Европы на основе капитализма путем силы, что «дает европейцам единство без свободы» [Там же, 31].

Далее в проекте анализируется политика Объединенных Наций и их отношение к проблеме объединения Европы. Подчеркивается, что Англия и Соединенные Штаты ведут борьбу не за демократию, как это преподносится официальной пропагандой, а за превосходство в мире. Отсюда делается вывод, что

для англо-американского союза любое объединение Европы представляет серьезную угрозу. На основании этого авторы утверждают, что целью Объединенных Наций будет проведение политики, направленной на постоянное разделение Европы. Играя на противоречиях государств-наций, Великобритания и США обеспечат себе верховенство на континенте [4, 37]. Курс «англо-американского империализма» на поддержку правительств в эмиграции истолковывается авторами проекта как проявление политики, направленной на восстановление старого порядка в Европе. Континент после окончания войны должен будет превратиться в «35 якобы независимых и суверенных государств», которые фактически будут марионеточными режимами, зависящими от финансового капитала с Уолл-стрит [Там же, 40].

Делается вывод, что реальные цели Организации Объединенных Наций по поводу судьбы послевоенной Европы являются такими же реакционными, как и у Гитлера. Единственное различие состоит в том, что подход англо-американского империализма дает Европе «свободу без единства». Соответственно определяются и цели социалистической борьбы за Объединенные Социалистические Штаты Европы — сражаться не только против Германии, но и против Объединенных Наций, которые включают диктаторский режим Сталина в России и демократии Запада.

Отношениям между Европой и советской Россией в проекте посвящается особая глава. В ней отмечается, что с установлением диктаторского режима И. Сталина «русская революция умерла». Далее авторами делается вывод, что СССР будет возражать против создания Объединенных Социалистических Штатов Европы [Там же, 48]. Ф. Ридлей предрекал, что в случае победы Объединенных Наций СССР, наряду с США, станет ведущей мировой державой, это будет подталкивать Сталина к политике поддержания баланса сил и приведет к тому, что советская Россия попытается предотвратить «опасное объединение Европы». Несмотря на то что социализм в СССР критикуется за «узкое, националистическое прочтение концепции мировой революции», по мнению авторов проекта, после европейской революции Россия откажется от сталинского режима.

Таким образом, показав на примерах «реакционность» подходов ведущих политических сил к проблеме послевоенного устройства Европы, Ф. Ридлей переходит к проблеме построения Объединенных Социалистических Штатов Европы. По его мнению, только при социалистических порядках можно достичь прогрессивного развития Европы. Единство на континенте может возникнуть только в результате европейской социальной революции, которая будет выражаться в переходе власти к поработанным массам. То есть объединение Европы должно пойти не сверху, а снизу [Там же, 43].

Необходимость европейской революции обосновывалась следующим образом. Финальной стадией социальной революции должна стать мировая революция, однако для того, чтобы она была успешной, все страны должны достигнуть определенного уровня развития общества. Ссылаясь на опыт революций в России, Китае и Венгрии, Ф. Ридлей отмечает, что эти ростки революции взошли на «плохой почве», т. е. они удались там, где «отношения еще по сути

феодалные, а не капиталистические» [4, 50]. Это противоречие, по мнению автора, сможет разрешить только европейская революция, для которой существуют все социальные, экономические и политические предпосылки.

До создания Объединенных Социалистических Штатов Европы активисты Независимой рабочей партии планировали сокрушить нацистское государство. Отмечалось, что объединение Европы возможно только на основании сотрудничества революционных масс и партизанского движения. Причем подчеркивалось, что революционное освобождение не имеет ничего общего с целями англо-американского империализма, поскольку «капитализм — такой же зачинщик войны, как и фашизм». После победы над нацистской Германией предполагалась осуществить европейскую революцию. Функции координации действий революционных сил, согласно проекту, возлагались на Интернационал, который должен был направлять восставшие европейские армии на борьбу. Таким образом, важнейшим шагом к объединению Европы должно было стать воссоздание Интернационала. Роль двигателя европейской революции отводилась, прежде всего, британским рабочим, возглавляемым Независимой рабочей партией. Авторы проекта подчеркивали особую роль Великобритании как «моста между новым и старым миром». Они неоднократно отмечали, что британский рабочий класс должен выбрать одно из двух — «либо стать колонией Америки, либо членом европейской федерации» [Там же, 60]. Для укрепления потенциала рабочего класса авторы проекта призывали бороться против усиления влияния реформистов и умеренных течений на рабочее движение, которые работают на реализацию замысла англо-американских империалистов.

В проекте Независимой рабочей партии подчеркивалось, что европейский социалистический союз не заменяет мировой революции — это лишь шаг на пути к ней. Благодаря Социалистическим Штатам европейские нации смогут безопасно развиваться и достичь «всеобщего процветания и прогресса». По мнению Ф. Ридлея, создание Объединенных Социалистических Штатов Европы — это путь к окончанию гражданских войн и переходный этап к мировому социализму.

Вторая часть проекта Независимой рабочей партии посвящена анализу социально-экономических предпосылок процесса создания Объединенных Социалистических Штатов Европы. В целом в духе марксистско-ленинской концепции Р. Эдвардс излагает положения о кризисе капитализма, возникшем в результате перехода капитализма к империалистической стадии развития. В проекте доказывается необходимость установления прогрессивного социалистического порядка. Авторы подчеркивают, что именно в эпоху господства финансового капитала промышленное производство Европы снижалось, тогда как развитие таких держав, как США, Япония, Канада и Австралия, шло стремительными темпами [Там же, 74].

Далее Р. Эдвардс приводит интересный анализ такого фактора, как положение рабочего класса. По его мнению, главное оружие США — это финансовый капитал. Указывая на то, что стремительный экономический рост Америки вызван многочисленными военными заказами, он предрекает возникновение в США массовой безработицы и социальную нестабильность после окон-

чания войны. Отсюда делается вывод, что послевоенная ситуация может стать очень серьезной проблемой для американского финансового капитала. Именно поэтому Р. Эдвардс считает, что будущее Европы во многом зависит от сознательности американского рабочего класса и его способности оказывать политическое и экономическое влияние на правящий класс. Однако, по мнению автора, американские рабочие не имеют развитых социалистических организаций, поэтому задача британского рабочего класса состоит в том, чтобы «не допустить расширения влияния реформистов среди американских трудящихся».

В проекте создания Объединенных Социалистических Штатов Европы содержится интересный анализ европейской экономики в годы войны, на основе которого Р. Эдвардс делает вывод, что процессы, произошедшие в этот период, во многом способствуют успеху революции в рамках Европы. Он утверждает, что нацисты путем создания гигантских картелей совершили полную перестройку европейской экономики. Германия построила громадную экономическую империю и преодолела узкие рамки национальных рынков. Исходя из этого, автор заключает, что в экономике Европы произошли необратимые процессы, требующие сохранения как экономического, так и политического единства. Р. Эдвардс считает, что даже освобождение от фашистов не сможет восстановить старый порядок, так как возвращение назад будет означать полный крах экономики. В проекте подчеркивалось, что сохранение единства экономики позволит противодействовать планам Америки по превращению Европы в обширную колонию. Таким образом доказывалась необходимость создания Социалистических Штатов Европы.

Говоря о последствиях войны в социальной сфере, автор проекта отмечает, что в результате массовой мобилизации трудящихся, создания новых рабочих мест, уничтожения мелкой торговли и фермерства, а также части среднего класса был создан новый сегмент рабочего класса, который может поддержать создание Объединенных Социалистических Штатов Европы [4, 92].

Если обобщить рассуждения и выкладки лидеров Независимой рабочей партии по поводу создания европейского союза на социалистических основах, то можно отметить, что этот проект базируется на глубоком анализе экономической, социальной и политической ситуации в мире на заключительном этапе войны. С удивительной проницательностью авторы описали послевоенную политику Великобритании и США. Красной нитью проводится идея о необходимости объединения Европы для противодействия «реакционным замыслам американского империализма». Другой важной предпосылкой создания Социалистических Штатов Европы называется экономическая взаимозависимость. А установление социалистических порядков в Европе, в свою очередь, нанесет смертельный удар по мировому империализму.

Успех европейской революции, согласно авторам проекта, во многом зависит от координации действий и обеспечения рабочим классом гарантий против возможного возвращения к старым или новым формам эксплуатации. Эти гарантии должны были предусматривать договоренности:

— о социализации всех крупных промышленных предприятий, транспорта и средств коммуникации в Европе;

- передаче этих предприятий в управление рабочим;
- реорганизации индустрии на основе потребностей людей;
- проведении национализации земель;
- создании больших коллективных хозяйств путем объединения небольших ферм;
- социализации и централизации банковской и кредитной системы;
- установлении контроля за внешней торговлей;
- провозглашении освобождения колоний.

Согласно проекту, если эта программа будет принята и воплощена организованными рабочими Британии, Франции, Германии, Испании, Бельгии, Голландии, Скандинавских и Балканских стран, тогда и появятся Объединенные Социалистические Штаты Европы [4, 103].

Цель Социалистических Штатов — сохранить экономическое единство Европы, осуществлять координацию промышленного и сельскохозяйственного производства. Европейское политическое единство не будет ограничивать национальные традиции и обычаи, язык и культуру, и все суверенные государства будут поддерживать самоуправление в структуре Европейского союза, подчиняясь всеобщему интересу.

В проекте подчеркивалось, что объединение Европы под силу только рабочему классу. Отмечалось, что тактика образования народных фронтов не позволит добиться успеха в европейской революции. Независимая рабочая партия призвала к формированию объединенного фронта рабочего класса, сплоченного на основе согласованной социалистической программы. В связи с этим подчеркивалась особая роль левых социалистов и самой Независимой рабочей партии в объединении рабочего класса.

Единственной силой, способной победить в борьбе за социалистическую Европу, считают авторы проекта, является рабочий класс, направляемый партией социалистических революционеров. Рабочим классом нужно руководить, поэтому политическая партия должна быть лидером, объяснять «природу и слабость капитализма», необходимость социальных перемен, показывать людям выгоду от перехода к социалистическому строю [Там же, 109]. Тем самым авторы подводят к мысли, что именно Независимая рабочая партия может стать силой, мобилизующей рабочих в борьбе за социализм и объединение Европы. Партия сначала должна способствовать созданию социалистической Британии, а затем объединить все силы для революции в Европе [Там же, 111].

Проект Объединенных Социалистических Штатов Европы на протяжении 1944–1948 гг. являлся одним из приоритетных направлений деятельности Независимой рабочей партии Великобритании. В 1946 г. по инициативе партии был образован международный комитет по развертыванию кампании за создание Объединенных Социалистических Штатов Европы. В 1947 г. Независимая рабочая партия выпустила агитационную брошюру под громким заголовком «Объединенные Социалистические Штаты Европы: Объединяйтесь или погибнете!» [1]. Успеха эти усилия, по-видимому, не имели, во многом они были вызваны стремлением партии привлечь к себе внимание избирателей. Однако

левая ориентация в послевоенной политической обстановке, которая ознаменовалась победой лейбористов, не была столь привлекательна.

Чем же интересен данный проект сегодня, когда объединенная Европа не идеальный образ, а реальность? Как и любое теоретическое построение, данный проект не имеет четкого очертания будущих Социалистических Штатов Европы. Значительная часть рассуждений посвящена доказательствам необходимости такого объединения, а не детальному описанию самого процесса. В проекте прослеживается стремление обосновать исключительную роль Британии и Независимой рабочей партии в процессе европейской революции, результатом которой должна была стать социалистическая интеграция европейского континента. Важным в работе Ф. Ридли и Б. Эдвардса является также то, что ими была предпринята попытка обоснования, хотя и в рамках марксистской парадигмы, необходимости объединения Европы для стабильного развития и процветания всех народов.

---

1. Описание фондов Независимой рабочей партии из Британской библиотеки политических и социальных наук [Электронный ресурс]. URL: <http://library-2.lse.ac.uk/archives/handlists/ILP/ILP.html>

2. Independent Labor Party. History [Electronic resource]. URL: http://library-2.lse.ac.uk/archives/handlists/ILP/m.html#ILP_8

3. *Loris M.* The I.L.P. — Words and Reality [Electronic resource] // Fourth International. 1942. June. URL: <http://www.marxists.org/history/etol/writers/heijen/works/ILP.htm>

4. *Ridley F. A., Edwards B.* The United Socialist States of Europe. L., [s. a.].

УДК 669(470.5) + 94(470.5)“1941/1945”

В. В. Запарий

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В МЕТАЛЛУРГИИ УРАЛА В ВОЕННЫЕ ГОДЫ (1941–1945)

Анализируется деятельность руководства Урала по решению проблемы кадров, размещению эвакуированных предприятий, изменению профиля работы предприятий металлургической промышленности в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: металлургия Урала, эвакуация, инновации, перестройка деятельности предприятий.

После оккупации фашистскими войсками Украины и прекращения работы металлургических заводов в центре страны основная тяжесть по снабжению промышленности металлом легла на Урал. Возросла роль региона как главного

ЗАПАРИЙ Владимир Васильевич — доктор исторических наук, завкафедрой истории науки и техники Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (e-mail: wzap@mail.ru).

© Запарий В. В., 2011

поставщика необходимых для выпуска боевой техники марок стали и проката. Именно промышленность, созданная здесь в довоенный период, сыграла главную роль в снабжении Красной армии военной техникой, оружием и боеприпасами. Характеризуя обстановку, «Правда» писала: «Урал принял на свои могучие плечи главную тяжесть снабжения Вооруженных сил нашей страны» [6].

Тысячи эвакуированных квалифицированных рабочих, инженеров и техников пополнили ряды металлургов и горняков на предприятиях Магнитогорска, Свердловска, Нижнего Тагила, Первоуральска, Серова, Челябинска, Белорецка и других городов. Новое пополнение немедленно включалось в работу. Многие из прибывших на Урал вскоре начали работать в качестве руководителей. Так, главный инженер украинского завода им. Петровского Ф. Д. Воронов возглавил 2-й доменный цех Магнитогорского металлургического комбината (ММК), М. Х. Лукашенко стал главным инженером, а затем и директором Серовского металлургического завода.

Поставленная перед металлургами задача — быстрее ввести в действие эвакуированное оборудование была решена благодаря самоотверженному труду рабочих, инженеров и техников. Работы по строительству и монтажу велись круглосуточно, при недостатке продовольствия, жилья, в условиях небывало суровой зимы первого года войны. Решению этой задачи способствовал высокий уровень организаторской работы. Уже во время демонтажа на южных заводах по распоряжению Наркомчермета были созданы бригады проектировщиков, которые вели разработку проектов размещения этого оборудования в цехах действующих заводов. Демонтированные агрегаты находились еще в пути, а проектировщики уже разрабатывали проекты новых заводов и цехов, которые предстояло создать с использованием этих агрегатов.

Война потребовала коренным образом изменить профиль металлургии Урала — изменить структуру производства металла, увеличить удельный вес легированной стали в общей выплавке и сменить сортамент проката. В результате временной утраты качественной металлургии Юга повысилась роль Урала как главного поставщика специальных марок стали для боевой техники. Уральские заводы до войны не производили бронелист, поковок для авиационной и танковой промышленности, а снарядную заготовку катали в очень небольших количествах. Даже флагман отечественной металлургии — ММК по проекту был приспособлен только для получения рядового металла.

Чтобы наладить выпуск большого числа высококачественных спецсталей, необходимо было обеспечить черную металлургию Урала легирующими присадками: ферромарганцем, ферросилицием, феррохромом, а также ферросплавами, содержащими никель, вольфрам, молибден, ванадий. Эти дефицитные и дорогостоящие металлы позволяли получать стали с заданными свойствами, рассчитанные на использование в условиях высоких температур, больших динамических нагрузок, огромных скоростей. Лишившись запорожских ферросплавов, металлургия Урала испытывала большие трудности. Поставки этих ценных материалов осуществлял единственный в стране Челябинский ферросплавный завод. До ввода в строй Кузнецкого и Актюбинского заводов он оставался единственным в стране предприятием этого профиля. Коллектив

собственными силами реконструировал завод, модернизировал более половины электропечей, увеличив их мощность на 68 % и повысив производительность в среднем на 42 %. Была начата выплавка феррохрома, освоена новая технология производства ферросилиция и др. Эти и ряд других прогрессивных технологических мероприятий позволили заводу сэкономить десятки миллионов киловатт-часов электроэнергии и при небольшом увеличении персонала и основных фондов уже в 1943 г. почти удвоить выпуск дефицитной продукции [1, 120–121].

Качественные стали до войны выплавлялись в электропечах и небольших мартенах с кислым подом, так называемым дуплекс-процессом. На металлургических заводах края имелись такие агрегаты, но суммарная их мощность была невелика. В начале войны мощности электросталеплавильного передела в регионе увеличились за счет установки эвакуированного оборудования. Однако для удовлетворения резко возросших потребностей оборонной промышленности в легированных сталях этого было явно недостаточно. Перевод ряда печей на дуплекс-процесс не дал желаемого результата, так как он был малопродуктивным. Единственным выходом из создавшейся ситуации стало освоение выплавки стали в основных мартеновских печах, в том числе на ММК, что казалось невозможным: до войны броневая сталь в крае не производилась. Чтобы удовлетворить потребности фронта в специальных сортах стали, ученым и металлургам, и прежде всего коллективу ММК, пришлось в короткий срок освоить технологию выплавки броневой стали в больших мартеновских печах. Для этого надо было не только коренным образом изменить технологию, но и перестроить мышление металлургов.

Для многих из них был аксиомой запрет на опыты с различными комбинациями металлов на металлургических агрегатах, так как всегда существовал риск их повреждения. Директор Магнитки Г. И. Носов вспоминал, что никогда даже в мыслях у них не было, что ММК придется плавить такую сталь. Нигде в мире никто не пытался это делать. Труднейшую задачу надо было решать быстро, так же быстро, как молниеносно разворачивались события на фронте [7, 121].

Главная заслуга в решении этой проблемы принадлежала магнитогорцам. Специальное «бронбюро», в состав которого наряду с учеными-металлургами из ЦНИИ-48 (Центральный научно-исследовательский броневой институт) вошли и работники комбината, разработало принципиально новую технологию выплавки броневой стали в мощных мартенах с основным подом. 23 июля 1941 г. на ММК впервые в мировой практике была осуществлена выплавка броневой стали по новой технологии. В результате с сентября 1941 г. по январь 1942 г. выпуск стали вырос почти в 100 раз. Это произвело переворот в мировой металлургии. О значении данного события говорит тот факт, что в США получение легированных сталей в мартеновских печах с основным подом в 1942 г. рассматривалось как вопрос отдаленной перспективы. Вслед за магнитогорцами выплавка легированных и броневых сталей по аналогичной технологии с помощью сотрудников ЦНИИ-48 была налажена на Нижнетагильском металлургическом заводе (НТМЗ) и Красноярском металлургическом комбинате (КМК).

Однако броневую сталь мало выплавить, ее надо еще прокатать. Сделать это на ММК было не на чем: броневое стана здесь не имелось. Эвакуированный из Мариуполя крупнейший в СССР стан еще находился в пути. Тогда главный механик Н. А. Рыженко предложил катать броневой лист на уралмашевском обжимном стане-блюминге. Риск был большой, но идею удалось успешно претворить в жизнь, и ММК начал поставлять танковую броню раньше намеченного срока. С введением в действие вывезенного с Ленинградского Кировского завода броневое прокатного стана месячный выпуск брони на уральских предприятиях к январю 1942 г. стал равен ее полугодовому производству на всех заводах СССР до войны. Все это позволило полностью удовлетворить потребности танковой промышленности. Уральская броня по своим качествам намного превосходила немецкую.

Кроме броневой стали, металлурги Урала освоили снарядную, дисковую, автоматную, шлемовую, нержавеющей, шарикоподшипниковую и множество других качественных сталей военного назначения. В течение второго полугодия 1941 г. все заводы были переведены на сортамент военного времени. Это осуществлялось по определенной системе разделения и кооперирования труда. Предметная специализация позволяла организовать и освоить выпуск продукции в массовом количестве даже на относительно небольшом предприятии. Во время войны специализацию края осуществляли по принципу концентрации однородного сортамента на определенных заводах, цехах, агрегатах.

Восстановление эвакуированных предприятий и новое строительство происходили в обстановке величайшего трудового напряжения и патриотического подъема, в суровых условиях уральской зимы, при нехватке людей, транспорта, строительных материалов, погрузочных механизмов, особенно кранов. Переживая большие трудности на производстве и в быту, не считаясь со временем и отдыхом, люди, порой при 40-градусном морозе, выполняли необходимую работу. Они переносили на себе строительные материалы, оборудование, рыли в мерзлой земле котлованы, показывая при этом образцы инициативы и самоотверженности.

История мировой алюминиевой промышленности не знала такого разнообразного и масштабного строительства, при таких коротких и напряженных пусковых сроках. Первая очередь Уральского алюминиевого завода (УАЗ) строилась более пяти лет. Вторая, равная по мощности первой, была готова к июлю 1942 г. Уже в IV квартале 1941 г. УАЗ дал стране столько «крылатого» металла, сколько производили его в мирное время все алюминиевые заводы страны, вместе взятые [2, 155].

Такие результаты были бы невозможны без целенаправленной концентрации всех сил: ученых, проектантов, строителей и эксплуатационников. Сотрудники эвакуированного из Ленинграда института «Гипроалюминий» вели проектирование в рабочих чертежах, курировали исполнение и вносили необходимые поправки на рабочих местах. Сотрудники Всесоюзного алюминиево-магниевого института (ВАМИ) совместно с заводчанами работали над совершенствованием технологии в процессе эксплуатации оборудования.

С сентября 1941 г. под руководством президента АН СССР В. Л. Комарова успешно работала специальная комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды войны. Группа ученых этой комиссии — так называемая «бригада академика А. А. Скочинского» — занималась проблемами увеличения добычи руды для глиноземного производства Уральского алюминиевого завода. С. И. Ремпель из Уральского филиала АН СССР работал над усовершенствованием технологии электролиза. Академик А. А. Байков непосредственно на площадке завода помогал осваивать производство кремния. Член-корреспондент АН СССР П. Ф. Антипин направлял работу сотрудников центральной заводской лаборатории, рационализаторов и изобретателей завода. В трудные периоды освоения производства обязанности главного инженера УАЗа были возложены на одного из руководителей Главалюминия — А. А. Гайлита¹.

Переход на массовый выпуск вооружений содействовал техническому прогрессу в индустриализации края. Централизация и специализация производства, крупносерийное и массовое изготовление продукции позволили заводам применять самые передовые, а иногда и неизвестные в мировой практике технологические методы, механизировать трудоемкие операции. Значительные масштабы приобрела модернизация механизмов и агрегатов. Производительность металлургических агрегатов за время войны настолько возросла, что стала объектом специального изучения некоторых американских научно-исследовательских институтов.

Во время войны были сокращены сроки подготовки квалифицированных молодых рабочих. На первых порах сыграла определенную роль система ФЗО, которая к началу войны помогла большому количеству молодежи, не подлежавшей по возрасту военному призыву, овладеть массовыми специальностями. Однако основной формой подготовки новых кадров стало индивидуальное и бригадное обучение непосредственно на производстве. Тысячи рабочих проявили подлинный патриотизм, стремясь в кратчайшие сроки овладеть профессией и перевыполнить установленные нормы выработки, чтобы своим трудом внести вклад в разгром врага.

В годы войны в отраслях тяжелой индустрии, и особенно оборонной промышленности, был сохранен костяк кадровых рабочих и служащих. В армию было призвано сравнительно небольшое число квалифицированных рабочих. Успешно была решена проблема обеспечения промышленности рабочей силой. Значительный недостаток ее в важнейших отраслях промышленности края наблюдался в течение лишь первого года войны. Потребности уральской промышленности были в основном удовлетворены уже к середине 1942 г. Благодаря организованной системе подготовки и распределения рабочей силы военное хозяйство СССР не испытывало серьезных затруднений от ее недостатка. Только на ММК за время войны 18 тыс. новых рабочих повысили свою квалификацию. Всего за годы войны на комбинате техническое обучение прошли 61,6 тыс.

---

¹ Архив Уральского алюминиевого завода. Ф. 1, оп. 1, д. 20, л. 41; ЦДОСО (Центр документации общественных организаций Свердловской области). Ф. 1164, оп. 1, д. 61, л. 20; д. 50, л. 2.

человек, в том числе индивидуально-бригадным методом — 6,7 тыс., курсовым — 11,4 тыс., через стахановские школы — 18,5 тыс., целевые курсы — 24,3 тыс., курсы мастеров — 0,5 тыс. Всего на предприятиях Главуралмета за годы войны сетью технического образования были охвачены 123 тыс. человек [5, 122–123].

Техническое обучение как метод повышения квалификации кадров проводилось в непосредственной связи с решением производственных задач. Большое внимание уделялось пропаганде и распространению передовых методов труда и вовлечению рабочих в социалистическое соревнование. В годы войны уральские металлурги, как и трудящиеся всей страны, показали высокие образцы самоотверженного труда. На ММК 49 % общего числа рабочих были стахановцами и ударниками, по Главуралмету эта цифра составила 54 % [Там же, 63].

Большую роль в формировании индустриальных кадров Урала сыграли десятки тысяч эвакуированных рабочих и ИТР, которые принесли с собой высокую производственную культуру, богатый технический и организационный опыт. На ряде предприятий эвакуированные рабочие и служащие образовали ядро, вокруг которого складывались коллективы, успешно осваивавшие новые для региона производства. Проблему обеспечения индустриального сектора рабочей силой помогала решать система трудовых повинностей, мобилизации, использование труда заключенных, спецпереселенцев и военнопленных. Плановая мобилизация в промышленности и строительстве, которая стала проводиться с февраля 1942 г. среди трудоспособного городского населения, достигшего 14-летнего возраста, затем была распространена и на сельское население.

В годы Великой Отечественной войны для промышленности Урала была характерна высокая производительность труда. Если в среднем по стране за 1940–1945 гг. она выросла на 14 %, то на Урале — на 111 % [3, 231]. На ММК в течение всей войны рабочие постоянно перевыполняли нормы. В 1941 г. средний процент выполнения норм составлял 129,8 %, в 1942 г. — 129,9 %, в 1943 г. — 132,3 %, в 1944 г. — 134,7 %. По заводам Главуралмета среднее выполнение норм составило в 1941 г. 121 %, в 1942 г. — 123 %, в 1943 г. — 123 %, в 1944 г. — 124 %, и в 1945 г. — 128 % [5, 63–64].

Одним из важных факторов подъема производства, роста производительности труда и обеспечения фронта всем необходимым для коренного перелома военных действий в пользу Красной армии стало социалистическое соревнование. Коллективы предприятий цветной промышленности края, мобилизуя трудящихся строек, рудников, обогатительных фабрик, металлургических заводов на перевыполнение плановых заданий, широко распространяли такие формы социалистического соревнования, как коллективное овладение передовыми методами труда, техническое шефство инженеров над бригадами, сменами рабочих и технологов, движение комсомольско-молодежных фронтовых бригад, «тысячников», организовали движение за право называться «гвардейцами тыла», «гвардейцами-шестидесятниками», соревнования по профессиям между бригадами, цехами, заводами.

К концу войны улучшилось применение автоматике для регулирования теплового режима доменных, мартеновских и нагревательных печей. На ММК

терморегуляторы температурного дутья доменных печей работали без перебоев. На автоматике действовали печи № 1 и № 2 НТМЗ. Однако в мартеновских цехах она использовалась недостаточно, особенно на НТМЗ, где цех был захламлен, загазован, печи плохо уплотнены, своды регенераторов не изолированы, месяцами не действовали вентиляторы принудительного дутья. Здесь отсутствовали условия не только для применения автоматики, но и для нормальной работы мартенов. Автоматизация давала возможность равномерно эксплуатировать металлургические печи, избегать неизбежных при работе «на глазок» периодических поджогов и перегрева регенераторов, экономить топливо, увеличивать производительность и срок службы печей. Применение автоматизации поднимало техническую культуру металлургов.

Широкий размах рационализаторского движения, соцсоревнования на заводе способствовал увеличению выпуска алюминия. Производство продукции алюминия по сравнению с 1940 г. в 1941 г. возросло на 234 %, в 1942 г. — на 388,9 %, в 1943 г. — на 435,4 %, в 1944 г. — на 544,6 %, в 1945 г. — на 554,1 %² [3, 200]. Важную роль в обеспечении этих успехов сыграла творческая мысль рационализаторов и изобретателей, широкое внедрение в производство их новаторских предложений.

Рационализаторы и изобретатели треста «Уралалюминстрой» за годы войны внесли 1080 рацпредложений. Наиболее успешно шли работы над изготовлением заменителей дефицитных материалов. Работники лаборатории Н. А. Решетников, С. А. Панов, С. А. Каплин достигли больших успехов в проведении научно-исследовательских работ по экономии цемента при изготовлении бетонов, растворов, изысканию и внедрению новых строительных материалов. Была разработана технология изготовления шлакобетонных камней из золы и шлака, которые с 1943 г. применялись на строительстве УАЗа и Каменск-Уральской ТЭЦ. Только в 1943 г. было уложено 1 млн 220 тыс. таких камней, экономия цемента составила более 3 млн т [4, 40].

Широкого размаха достигло движение рационализаторов и изобретателей и на других предприятиях металлургии Урала. Выдающиеся достижения новаторов получали государственное признание. По мнению специалистов, настоящий переворот в металлургии цветных металлов — плавке руды с содержанием меди и никеля — совершили главный инженер Медногорского завода Глушков, инженеры Бурба, Малкин и Аптекарь. Их идея о разделительной плавке в ватержакетной печи с полным успехом подтвердилась на практике.

По мере развития рационализаторского движения на уральских предприятиях складывалась система организации рационализаторства и изобретательства. При облисполкомах создавались научно-технические комитеты. С 1942 г. они стали организовывать проведение бесплатных консультаций ведущими специалистами, учеными по всем вопросам технологии производства для изобретателей и рационализаторов. На заводах, стройках, рудниках отрасли создавались бюро и отделы по изобретательству и рационализаторству, проходили

---

² Архив Уральского алюминиевого завода. Ф. 1, оп. 10, д. 43, л. 24.

конкурсы изобретателей, фронтовые недели и месячники «Лучший по профессии», которые активизировали творческую мысль рабочих, ИТР, служащих.

На многих предприятиях отрасли работники управленческого аппарата, мастера, инженеры, окончив смену, становились слесарями, токарями, строителями, монтажниками. Средства, заработанные во внерабочее время, передавались в Фонд обороны. Важное значение приобрели массовые воскресники.

Самоотверженный труд тружеников металлургической промышленности Урала, рационализаторов и изобретателей в годы войны позволил более полно использовать производственные мощности предприятий отрасли и обеспечить потребности Красной армии в металлах, боеприпасах, вооружении.

---

1. Антуфьев А. А. Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

2. История Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. : в 6 т. М., 1961. Т. 2.

3. История народного хозяйства Урала. Свердловск, 1988. Ч. 1 (1917–1945).

4. Моисеев Г. С. Цветная металлургия Урала (1917–1945). Екатеринбург, 2003.

5. Осинцев А. С. Черная металлургия Урала. Свердловск, 1960.

6. Правда. 1943. 1 марта.

7. Слово о Магнитке. М., 1979.

УДК 338.47(470.5):358.11

Вас. В. Запарий

ЭВАКУАЦИЯ ТАНКОВЫХ ЗАВОДОВ НА УРАЛ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу одного из малоисследованных эпизодов истории Великой Отечественной войны — эвакуации танковых заводов на Урал.

Ключевые слова: перестройка экономики Урала, эвакуация, танковые предприятия.

Важнейшей частью перестройки хозяйства страны на военные рельсы явилось размещение и пуск эвакуированных предприятий на территории тыловых районов страны. Эвакуация проводилась с расчетом на непрерывное обеспечение Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА) танками. Поэтому разрешение на эвакуацию танкостроители получали в последний момент по непосредственному указанию правительства, этим и объясняется то, что многие танковые предприятия были эвакуированы далеко не полностью, так как разрешение на

ЗАПАРИЙ Василий Владимирович — ассистент кафедры истории науки и техники Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (wzap@mail.ru).

© Запарий В. В., 2011

эвакуацию приходило поздно. Несмотря на это эвакуация танкостроительных предприятий была приоритетной, даже по сравнению с другими предприятиями тяжелой промышленности. В результате потери танковой промышленности оказались минимальными, а объемы поставок бронетехники в армию оставались относительно стабильными.

Еще в середине 1940 г. шли поиски предприятия-дублера для массового производства Т-34 в военный период и первоначально был выбран Сталинградский тракторный завод (СТЗ). Однако генштаб РККА и нарком среднего машиностроения В. А. Малышев настояли на том, чтобы им стал Уральский вагоностроительный завод (УВЗ). Как показало дальнейшее развитие событий, это было дальновидное решение, так как во второй половине 1942 г. СТЗ тоже пришлось эвакуировать [4, 41–42].

Уралвагонзавод обладал значительным запасом мощностей и производственных площадей, которые могли быть использованы в танковом производстве, располагал мощным металлургическим, литейным, кузнечным, штамповочным производством, создание которого в другом месте потребовало бы огромных материальных и временных затрат. По подсчетам специалистов завода им. Коминтерна, проектные возможности УВЗ с лихвой покрывали возможное производство 9 тыс. танков в год. Правда, на заводе не было механообрабатывающих и термических цехов, сильного инструментального хозяйства, но их можно было построить в течение нескольких месяцев [Там же, 41–42].

Эвакуационные мероприятия в отношении харьковских танковых заводов начались в сентябре 1941 г. Они коснулись основных предприятий: завода № 183 и завода № 75 («Дизель-мотор»). Директора заводов № 183 (Ю. Е. Максарев) и № 75 (Д. Е. Кочетков) получили от наркома В. А. Малышева соответствующие указания по скорейшему развертыванию танкового и дизельного производства на Урале. «Дизель-мотор» должен был отправить в Челябинск комплект штампов для производства В-2, испытательные стенды, две группы ИТР литейного и сборочно-испытательного производства. Харьковскому паровозостроительному заводу (ХПЗ) предписывалось отправить на Уралвагонзавод группу рабочих и ИТР цеха 700 (корпусное производство), стенд для сварки корпусов и другие приспособления. По прибытии в Нижний Тагил предписывалось немедленно приступить к производству корпусов, используя оборудование УВЗ, и привлечь к процессу сварщиков завода. В Нижний Тагил также направлялась группа литейщиков по отливке бронедеталей для организации подобного производства на УВЗ.

Если переброску основных харьковских предприятий, занятых производством Т-34, удалось успешно завершить до занятия города немцами, то эвакуация кооперирующего с ними Мариупольского металлургического завода им. Ильича прошла менее удачно. В начале сентября 1941 г. для отправки в Нижний Тагил были отгружены сварочные аппараты и сварочные щиты, часть приспособлений, готовые корпуса и башни к ним. Однако 8 октября, в самый разгар эвакуационных мероприятий, город был захвачен частями вермахта. Почти вся производственная оснастка, оборудование и рабочие достались немцам в качестве трофеев [Там же, 43].

Эвакуация Кировского и Ижорского заводов началась в первых числах октября 1941 г. По указанию Сталина в начале октября составляется план отправки на Урал оборудования танковых и кооперирующих с ними предприятий [2, 147]. Согласно решению Совета народных комиссаров (СНК) СССР № 734 от 4 октября и приказу Народного комиссариата танковой промышленности (НКТП) № 50сс от 6 октября 1941 г., танковое производство Кировского завода вместе с кадрами эвакуировалось на Челябинский тракторный завод (ЧТЗ), а производство танковых пушек — на Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ). Бронекорпусное производство Ижорского завода переводилось на Уралмаш и завод № 78¹.

Необходимо отметить, что эвакуация танкового производства из Ленинграда велась в очень сложных условиях в связи с активностью противника. В ходе боевых действий немцам удалось перерезать железнодорожную ветку, по которой шел основной грузопоток. Исходя из ситуации на фронте, пришлось задерживать эвакуацию Кировского и Ижорского заводов, однако, учитывая важность этого мероприятия для скорейшего развертывания танкостроения на Урале, было принято решение эвакуировать руководство заводов и необходимых специалистов самолетами. В конце ноября 1941 г. на ЧТЗ уже находился основной состав ведущих специалистов танкового производства, хотя эшелоны из Ленинграда продолжали приходить в Челябинск до января 1942 г. [4, 42].

В работах некоторых исследователей встречается утверждение, что УВЗ после начала массовой эвакуации оказался в более тяжелом положении, чем ЧТЗ. Если Челябинский тракторный завод, по их мнению, начал готовиться к приему Кировского завода и завода «Дизель-мотор» с июля 1941 г., то УВЗ в первые месяцы войны вообще не планировал принимать у себя завод им. Коминтерна [1, 165]. В современных исследованиях этот тезис подвергся некоторому уточнению.

Летом 1941 г. в Челябинск была направлена относительно небольшая часть специалистов и оборудования предприятий Харькова и Ленинграда для расширения уже существующего на ЧТЗ танкового производства. Этот факт трактуется исследователями как подготовка тракторного завода к приему танкового производства, хотя в данном случае речь шла только о помощи танковому производству. В то время (лето 1941 г.) УВЗ был передан Наркомату артиллерийской промышленности СССР для производства артиллерийских систем и действительно не готовился к приему харьковского танкового завода².

Таким образом, уральские предприятия в первые месяцы войны не планировали принимать производственные мощности танковых и кооперирующих с ними заводов в том масштабе, в котором им пришлось сделать это осенью 1941 г. Коллективы ЧТЗ и УВЗ не могли предположить, что вскоре им придется стать ведущими танковыми предприятиями страны.

Всего на восток страны в течение июля — ноября 1941 г. было перевезено около 1,5 млн вагонов эвакуированных грузов. К концу года на новых местах

¹ ГАСО. Ф. Р-262, оп. 1, д. 17, л. 255.

² Там же. Д. 20, л. 88.

развернулись и начали действовать, постоянно наращивая производство, восемь танкостроительных, шесть корпусных и три дизельных завода. Такое огромное количество грузов, перевозимых в основном железнодорожным транспортом, вызвало серьезные затруднения и перебои в железнодорожном сообщении. В течение периода эвакуации на путях по различным причинам скапливалось большое количество неразгруженных вагонов. Хотя проблемой разгрузки вагонов занимались партийные и хозяйственные органы всех инстанций, а принимаемые меры значительно стимулировали процесс разгрузки, однако полностью снять проблему вплоть до конца эвакуационных мероприятий так и не удалось.

Постепенно к концу 1941 г. постоянный приток оборудования и рабочих на Урал начинает ослабевать. На основе объединения эвакуированных заводов и УВЗ в ноябре 1941 г. образуется новое предприятие — Уральский танковый завод им. Коминтерна № 183 (УТЗ). Помимо непосредственно нижнетагильского завода, новое предприятие объединило в себе основные производственные мощности ХПЗ им. Коминтерна (завод № 183); часть мариупольского завода, которую успели вывезти до захвата города немцами; части Московского станкостроительного завода им. Орджоникидзе, заводов «Станколит», «Красный пролетарий», «Стальконструкция». Во второй половине 1942 г. в Нижний Тагил эвакуируется СТЗ.

Кроме того, в Нижний Тагил были эвакуированы различные научно-исследовательские институты и проектные организации: Институт электросварки АН Украины, Высшее политехническое училище им. Баумана, Государственная союзная научно-исследовательская лаборатория режущих инструментов и электросварки им. Игнатъева и др. Такое количество научных организаций в значительной степени укрепило исследовательские возможности УТЗ.

Московский завод № 37, объединенный с Подольским заводом им. Орджоникидзе (производство корпусов легких танков) и московским автомобильным заводом «КИМ», был размещен на площадке свердловского завода «Металлист» им. Воеводина и автогаража областного отдела связи. На объединенном предприятии, получившем название «завод № 37», планировалось продолжить производство легких танков Т-60. Основной этап эвакуации объединенного завода проходил с 16 октября по 15 декабря 1941 г. Однако завод еще долго получал задержанные в пути грузы.

С июля 1941 г. по январь 1942 г. на Уралмашзавод прибыло 3409 квалифицированных рабочих и 466 ИТР, станки и оборудование с Ижорского, Кировского заводов, а также с брянского завода «Красный Профинтерн» и киевского завода «Большевик»³. За счет оборудования ленинградских заводов было расширено корпусное производство и развернуто изготовление танковых пушек. УЗТМ продолжил обработку полуфабрикатов для Уралтурбозавода.

Челябинский тракторный завод принял основную часть Ленинградского Кировского завода (ЛКЗ) и харьковского завода № 75 «Дизель-мотор». Всего за первый год войны на ЧКЗ прибывает 13 550 человек. На основе слияния

³ ГАСО. Ф. Р-262, оп. 1, д. 74, л. 19.

этих трех крупнейших машиностроительных заводов, а также еще пяти эвакуированных предприятий был образован знаменитый «Танкоград», который в течение войны занимался производством дизельных моторов, тяжелых и средних танков [3, 151].

Осенью 1941 г. на основании решения Государственного комитета обороны (ГКО) от 13 ноября на базе завода № 78 НКВ СССР, в состав которого вошел эвакуированный в Челябинск Ижорский завод, создается броневой завод № 200 по производству корпусов и башен тяжелого танка КВ и выплавке мартеновской стали.

Поскольку в тот период советское правительство отводило тяжелым танкам особую роль в текущей войне, для обеспечения более эффективного производства этого вида продукции 6 октября 1941 г. приказом НКТП № 51сс был образован Уральский комбинат по производству тяжелых танков (УКТТ). Его руководителем стал директор Кировского завода И. М. Зальцман. Комбинат включал в себя Челябинский тракторный завод, переименованный в «Кировский завод НКТП в городе Челябинске», УЗТМ, переименованный в «Ижорский завод в городе Свердловске» и Уралтурбозавод⁴.

В целом к концу 1941 г. все основные предприятия танковой промышленности были перебазированы на восток, хотя отдельные грузы продолжали прибывать вплоть до конца зимы 1942 г. Основная часть этих заводов была сконцентрирована в Свердловской и Челябинской областях. Это позволило Уралу стать главным центром по производству тяжелых и средних танков (после эвакуации летом 1942 г. в Нижний Тагил части мощностей СТЗ).

Таким образом, процесс эвакуации и перемещения мощностей танковых и кооперирующих с ними заводов на Урал можно условно разделить на два этапа. Первый (июль — август 1941 г.) — расширение танкового производства на Урале за счет переброски части специалистов и оборудования действующих предприятий с запада страны и размещения их на местных машиностроительных предприятиях. И второй (сентябрь — декабрь 1941 г.) — эвакуация всех танковых предприятий запада страны на восток (в том числе и на Урал) и слияние их с местными предприятиями.

Для первого этапа характерно, прежде всего, расширение возможностей уральских предприятий за счет переброски части мощностей и специалистов ведущих танковых заводов и кооперирующих с ними металлургических предприятий (ЛКЗ, ХПЗ, Мариупольский и Ижорский заводы и др.). Главная задача этого периода — создание качественного броневого проката и значительное расширение танкового производства на Урале.

На втором этапе, после появления реальной угрозы основным танкостроительным центрам страны в связи с наступлением частей вермахта, принимается решение о переброске главных предприятий отрасли на восток и размещении их на площадях ведущих машиностроительных заводов. Это приводит к превращению Урала в основной центр производства танков в стране: сюда

⁴ ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. Р-262, оп. 1, д. 17, л. 240.

были эвакуированы главные мощности танковых и кооперирующих заводов, ранее располагавшиеся в западных регионах.

Необходимо отметить, что жесткий централизованный партийно-государственный контроль за ходом эвакуации позволил избежать распыления ресурсов, вывозившихся из западных районов, а также относительно рационально разместить их на новых местах. Однако необходимо учитывать тот факт, что размещение мощностей и ресурсов промышленных предприятий на востоке являлось мерой не планомерной, а вынужденной, и эвакуация предприятий проводилась в постоянно меняющихся условиях. При этом некоторые грузы сильно задерживались в пути либо терялись. Пропускная способность многих железнодорожных веток не позволяла быстро перебросить огромные потоки грузов, что вызвало перебои в работе крупнейших железнодорожных узлов уральского региона. Несмотря на эти проблемы, беспрецедентная в экономической истории эвакуация промышленного потенциала страны на восток позволила создать предпосылки для достижения в последующем экономического паритета с Германией, а затем превзойти ее по многим показателям военного производства, в частности в танкостроении.

---

1. *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

2. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : в 6 т. М., 1962. Т. 2.

3. Партийная организация Челябинской области в период Великой Отечественной войны. Челябинск, 1967.

4. Уралвагонзавод. Екатеринбург, 2001.

УДК 159.953 + 316.627 + 94(470)“1941/1945”

В. Д. Камынин

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Рассматривается эволюция отражения в общественном сознании россиян исторической памяти о Великой Отечественной войне в советский и современный периоды. Анализируются факторы, оказывающие влияние на формирование исторической памяти о войне.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая память, общественное сознание, переосмысление и мифологизация истории.

Известно, что человек одновременно живет в прошлом, настоящем и будущем. Осмысление человеком всех этих трех состояний своего существования оказывает значительное влияние на формирование общественного сознания.

Историческая память наряду с историческим сознанием обеспечивает переработку и трансляцию социокультурной и событийно-национальной информации из прошлого через настоящее — в будущее. Историческая память выступает совокупным прошлым опытом, который обеспечивает единство культурно-исторического процесса и его преемственность. Каждое поколение приобщается к социальной памяти в ее конкретно-образной форме и в форме сознательного и «коллективного бессознательного», сконцентрированных в памятниках материальной и духовной культуры, в документах и материалах различных эпох, хранящихся в архивах, музеях, библиотеках и т. п.

Л. Н. Коган определял память как фиксацию прошлого, сочетающуюся с его оценкой [7, 143]. Следует согласиться с мнением некоторых исследователей, совершенно справедливо отмечающих, что историческое сознание ассоциируется обычно с позитивным. Оно фиксирует в социальной памяти народа не все события, а только те действия государства, различных политических сил, исторических лиц, которые отвечают справедливости, устойчивости этнонациональных образований, культурно-исторической традиции [8, 101].

В Советском Союзе память о войне была сильно мифологизирована. В мифологизации сознания советских людей не было ничего необычного. Мировая историческая наука сознательно или бессознательно занимается мифологизацией прошлого. Израильский ученый Г. Городецкий пишет: «Все нации вскормлены мифами, но политические системы, порожденные революциями, буквально упиваются ими». Историк специально остановился на характеристике памяти о Великой Отечественной войне, существовавшей в Советском Союзе. По его словам, «в России, в рамках официально созданного культа Великой Отечественной войны, была сформулирована и развита конформистская вер-

---

КАМЫНИН Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор, завкафедрой евразийских исследований Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: kamyninv@yandex.ru).

сия ее истории. В течение полувека созданная официозом память о войне была одной из серьезнейших сил, объединяющих и цементирующих российское общество. Она не была направлена ни на формирование событий прошлого для потомков, ни на увековечивание памяти павших... Коллективную память, травмированную войной, поставили на службу идеологии — и не важно, что это не всегда делалось с умыслом» [4, 3].

Пересмотр истории Великой Отечественной войны, который начался в годы перестройки в исторической науке, практически не затронул память о войне в широких народных массах. Усиленное раскрытие историками белых пятен, «фигур умолчания», «зон, закрытых для мысли» оказывало слабое влияние на историческую память, которая в абсолютном большинстве народа ассоциировалась с понятием «Великая Победа».

Поэтому ничего нет удивительного в том, что сразу же после распада СССР были сделаны попытки разрушить историческую память россиян о войне. Уже в 1992 г. в книге В. Суворова «Ледокол», выпущенной в России миллионными тиражами, прямо указывалось: «Сейчас Россия лишилась насильственно навязываемой ей идеологии, и поэтому память о справедливой войне осталась как бы единственной опорой общества. Я разрушаю ее» [12, 6].

Книгами «Ледокол», «День “М”» и многими другими В. Суворов попытался скорректировать историческую память россиян о Великой Отечественной войне, заложить в нее чувство вины за деятельность советского руководства, которое, спланировав и развязав вместе с Германией Вторую мировую войну, готовило почву для достижения мирового господства путем превращения Второй мировой войны в войну революционную. Г. Городецкий, на протяжении двух с половиной десятков лет отслеживающий творчество В. Суворова, в своей последней работе пишет: «Его книги возрождают старые мифы, последовательно и намеренно нагромождают препятствия на пути к истине, вульгаризируя сложную ситуацию» [5, 5–6].

Книги В. Суворова не только дали толчок для появления в отечественной историографии феномена «сувориады», которая стала частью более широкого направления, получившего название «фолк-хистори» [3, 10], но и считались ценным пособием для исследователей либерального толка, попытавшихся переосмыслить историю Великой Отечественной войны.

Не случайно именно в 1990-е гг. книги В. Суворова публиковались массовыми тиражами. Дело в том, что в переходную, кризисную эпоху важное место приобретает процесс самоидентификации общества, причастности этноса к историческим судьбам страны. Известно, что жизнеспособность общества определяется тем, насколько государственно-образующий народ идентифицирует себя с базовыми ценностями и принципами жизнестроения, чувствует кровную связь с традициями, обычаями, историческим и духовным наследием предыдущих поколений.

В переходную «смутную» эпоху, когда рушатся старые ценности и рациональное начало отступает под натиском иррациональных сил, происходит усиленное производство мифологий, которые искажают взгляд как на реальную действительность, так и на общественное, в том числе историческое, сознание

значительной части населения. Особенно в переходный период обрабатывается сознание обывателей, простых граждан, которое направлено на сохранение уже имеющихся социальных и материальных выгод и на возврат тех, которых они лишились в процессе кризиса и разложения старого строя.

Новая мифологизация истории не была бы возможна, если бы в России и за ее рубежами не существовали бы силы, заинтересованные в продолжении искажения памяти о Великой Отечественной войне.

В обработке исторического сознания массы российских обывателей были заинтересованы некоторые политические элиты, ибо от ее (массы) поддержки зависит исход любой политической кампании. Кроме того, появилось большое количество «ниспровергателей мифов», своеобразных иконоборцев, которые путем вскрытия белых пятен в истории войны, дегероизации бывших героев и постановки на пьедестал новых пытались не только переписать историю Великой Отечественной войны, но и сформировать новую систему представлений о войне, навязав ее молодому поколению россиян.

За рубежом усиленно распространялись мифы о том, что только благодаря поддержке Запада была выиграна Великая Отечественная война. В изданных в России на средства иностранных фондов книгах авторы писали, что «Великая Победа, одержанная благодаря подвигу народа, привела не только к разгрому германского фашизма, спасению человечества от коричневой чумы, но и к укреплению советского тоталитарного государства, громадному росту авторитета сталинского режима, созданию целого лагеря государств — от Эльбы до Меконга, контролируемых Кремлем» [10, 12].

При рассмотрении проблемы о влиянии исторической памяти о Великой Отечественной войне на общественное сознание россиян в настоящее время следует выделить ряд моментов.

Во-первых, нельзя говорить об исторической памяти россиян в целом, ибо современное российское общество, как и любое другое общество, неоднородно. Необходимо отличать историческую память о войне молодого поколения россиян, формирующуюся под влиянием образования, воспитания, мемориальных памятников, средств массовой информации и т. д., и память старшего поколения, прошедшего войну.

Молодому поколению россиян свойственны острые противоречия, разнонаправленные тенденции. Главным из них, по нашему мнению, является противоречие между формирующимся под влиянием коммуникационных систем планетарным общественным сознанием и сознанием, в котором на поверхность выходят агрессивные-анархические архетипы.

Старшее поколение также относится к войне по-разному. Одно дело память солдата-победителя, другое дело память жертв войны. Можно согласиться с тем, что «многие группы жертв и участников войны так и не обрели права на свой собственный голос — или стали приобретать это право только тогда, когда уже мало кто из них мог им воспользоваться». К этим категориям населения относят инвалидов, остарбайтеров, жителей оккупированных районов, немногих из уцелевших в лагерях уничтожения и доживших до наших дней евреев и узников других национальностей [Там же, 5].

Во-вторых, следует осознавать, что в современной России проблема исторической памяти о Великой Отечественной войне достаточно политизирована. Политизация проблемы исторической памяти проявляется в том, что в условиях реально существующего плюрализма мнений научные и публицистические издания, а также средства массовой информации навязывают населению различные варианты исторической памяти. По нашему мнению, в этом нет ничего необычного. Немецкий автор Х. Вельцер пишет: «В прежние времена считалось, что споры и конфликты по поводу политики памяти о Второй мировой войне, о Третьем рейхе и о холокосте будут затихать по мере вымирания тех поколений, которым довелось пережить эти события на собственном опыте. Но вопреки этим прогнозам в большинстве европейских стран подобные споры становятся лишь более интенсивными». Причину этого автор усматривает в том, что на Западе «политика памяти превратилась в одну из арен внутренней и внешней политики, где заявление претензий по поводу незаслуженных страданий, причиненных тем или иным группам в прошлом, стало веским аргументом, используемым для обеспечения сегодняшних интересов» [2, 28].

В то же время в зарубежной и российской либеральной литературе Россию обвиняют в том, что ее отношение к Великой Отечественной войне отличается от отношения многих государств Запада. Сторонники этого подхода указывают, что «Россия и Германия в отношении памяти о войне вписаны в разные контексты» [9, 4–5].

Первое различие между отношением к исторической памяти о войне в ФРГ и России видится данными авторами прежде всего в том, что в Германии по этой проблеме часто проводятся общественные дискуссии, выпускается большое количество литературы, а в России отношение к ней довольно прохладное. По этому поводу хочется заметить, что в связи с юбилеями Великой Победы в 1995 и 2000 гг. отношение научной общественности к проблеме исторической памяти резко изменилось, в России были опубликованы не только исследования отечественных историков, но и произведения западных авторов, изучающих проблему исторической памяти вообще и памяти о Второй мировой войне в частности. Уровень обсуждения данной проблемы в отечественной историографии очень острый.

Второе отличие усматривается в том, что «Германия включена в общемировой процесс смены историцистского подхода к прошлому — интересом к памяти и наследию, а также в общий обмен символов памяти», а «в России этот процесс только начинается, она еще слабо участвует в интернационализации памяти» [9, 4]. Нам представляется, что таким образом российским историкам вновь навязывается «единственно верный» вариант того, как следует изучать историю в целом и проблему исторической памяти в частности.

Россию обвиняют также в том, что поскольку индивидуальная память или память отдельного человека формируется во многом под влиянием коллективной памяти, которая «нацелена на обеспечение групповой идентичности», «фиксирует реальные или вымышленные события прошлого, обеспечивающие единство группы, и “вырезает” факты, угрожающие ее целостности» [11, 40], официальные власти России манипулируют исторической памятью о войне, пытаются

поставить Великую Победу на службу государству. Ю. Н. Афанасьев прямо указывал на то, что «нынешняя власть фактически празднует победу, одержанную сталинской властью, которая вышла из войны окрепшей и еще в большей мере противостоящей народу-победителю» [1, 15]. Некоторые авторы утверждают, что «голос воевавшего народа, голос ветеранов войны по-прежнему узурпирует власть». По их мнению, «сегодня, так же как и в советское время, память о войне скорее служит легитимизации политического режима, нежели имеет непосредственное отношение к самой войне» [9, 5].

Важной проблемой современной науки является вопрос о методах сохранения и трансляции исторической памяти. В частности, ведутся острые споры по вопросу о соотношении между исторической наукой и исторической памятью, о том, может ли историческая наука повлиять на историческую память.

Многие исследователи традиционно рассматривают историческую науку как важнейшее средство сохранения и трансляции исторической памяти.

А. В. Трофимов признает, что в условиях информационного общества меняются механизмы трансляции исторической памяти и способы ее восприятия. По его словам, «сегодня талантливо созданный фильм способен привести к большему подвижкам в общественном сознании, чем несколько научных конференций или фундированных монографий». Но при этом он пишет: «Профессиональные историки не должны отсиживаться в “башне из слоновой кости” и успокаивать себя решением основных научных проблем. Общество нуждается в выверенной, яркой, социально ориентированной информации о месте и роли Великой Отечественной войны в мировой и национальной истории» [13, 182, 183].

Мы поддерживаем данное мнение и полагаем, что прежде чем в очередной раз заниматься переписыванием истории Великой Отечественной войны и критиковать предшественников в намеренной фальсификации истории и искажении исторической памяти, следует отдать дань поколениям историков, которые трудились и трудятся не покладая рук, создавая эту историю и сохраняя тем самым историческую память о войне. Не следует предъявлять предшественникам завышенных требований, ибо каждый этап развития исторической науки в нашей стране характеризовался своим подходом к истории Великой Отечественной войны и исследователи работали в условиях сформировавшегося общественного заказа на память о войне [6, 73–84].

В противовес данному мнению весьма распространенным в зарубежной и отечественной историографии является взгляд, противопоставляющий историческую науку и различные виды памяти (индивидуальную, коллективную, публичную). Основное различие между историей и памятью французский социолог М. Хальбвакс видел в том, что история смотрит на происшедшие события извне и обращает внимание прежде всего на изменения и различия, а коллективная память рассматривает их изнутри и фиксирует прежде всего сходства [14, 26–27]. По мнению немецкого автора Х. Вельцера, «в то время как история занимается установлением имевших место фактов и выдвижением по их поводу поддающихся проверке утверждений, память абсолютно оппортунистична: она берет то, что ей полезно, и отбрасывает то, что представляется ей

лишним или неприятным» [2, 33]. При этом исследователи не могут договориться по вопросу о том, что дает более объективную картины войны — историческая наука или историческая память.

Французский автор П. Нор в эссе «Между памятью и историей» утверждает, что «память всегда была объектом подозрения для истории, истинное назначение которой — ее разрушение и подавление» [15, 15]. В российской историографии эту точку зрения разделяют многие либеральные ученые. Ю. Ю. Хмелевская считает, что «история и память не только репрезентуют, но и передают прошлое различными способами — в тех условиях, где неофициальные интерпретации прошлого считаются государственной изменой или попадают в незнакомую среду, память, выраженная в устной и визуальной формах, может являться средством сопротивления и несогласия, помогая в то же самое время выжить во враждебном или непривычном окружении» [Там же, 7–8].

В отличие от них Ю. Н. Афанасьев указывает на начавшуюся после падения советского режима «все больше углубляющуюся пропасть между историей (знанием о том, что происходило) и памятью, т. е. тем мифологизированным представлением о прошедшем, которое сформировалось в сознании народа, невероятной ценой победившего завоевателей» [1, 16]. Либеральные авторы указывают, что в России «память о Великой Отечественной войне еще редко осознается как вопрос, не совпадающий с изучением истории войны и признанием ее “государственного значения”. Предлагаемые историками новые трактовки военной истории зачастую воспринимаются как “осквернение памяти”» [9, 4–5].

В качестве вывода хочется обратить внимание на то, что чем дальше будет уходить в прошлое Великая Отечественная война, тем актуальнее и острее будет вставать проблема исторической памяти о ней. Эпохальность этого события в мировой истории настолько велика, что осмысление его значения станет для следующих поколений важной задачей, от которой зависит недопущение повторения подобного события впредь. Наличие внешнеполитического и внутриполитического дискурса по поводу исторической памяти о войне доказывает, что Великая Отечественная война никогда не будет только прошлым, только экстремальным историческим опытом — она присутствует в настоящем. В исторической науке возникают новые интерпретации происшедших событий, а на уровне обыденного сознания — новые чувства, ощущения и т. п.

---

1. Афанасьев Ю. Н. Другая война: история и память // Другая война. 1939–1945 / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996. С. 15–31.

2. Вельцер Х. История, память и современность прошлого. Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре. 2005. № 2–3. С. 28–35.

3. Володихин Д., Елисеева О., Олейников Д. История на распродажу: тупики псевдо-исторической мысли. М., 2005.

4. Городецкий Г. Миф «Ледокола»: накануне войны. М., 1995.

5. Городецкий Г. Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2008.

6. Камынин В. Д. Осмысливая опыт прошлого: история Уральского добровольческого танкового корпуса на переломе эпох // Никто не забыт, ничто не забыто: К 65-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург, 2008. С. 73–84.
7. Коган Л. Н. Вечность. Преходящее и непреходящее в жизни человека. Екатеринбург, 1994.
8. Королев А. А. Историческое сознание // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты : энцикл. словарь. М., 2001. С. 99–101.
9. Память о войне 60 лет спустя — Россия, Германия, Европа // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 4–5.
10. Переосмысливая уроки военной поры // Другая война. 1939–1945. М., 1996.
11. Ровный Б. И. Инструменты исследования коллективной памяти: возможности и искушения // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 38–49.
12. Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992.
13. Трофимов А. В. Историческая память о Великой Отечественной войне: изменчивость мифологии и стереотипы восприятия // Вклад Урала в разгром фашизма: исторический опыт и современные проблемы национальной безопасности : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург, 2005. С. 179–184.
14. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.
15. Хмелевская Ю. Ю. О меморизации истории и историзации памяти // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. С. 4–21.

УДК 327.5 + 94(470)“1941/1945” + 94(497.1)“1941/1945”

А. С. Кулагин

РОЛЬ СССР В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРИЗНАНИИ НОВОЙ ЮГОСЛАВИИ НА ЗАВЕРШАЮЩЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ (1944–1945) В КОНТЕКСТЕ МЕЖСОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Анализируется роль СССР в международном признании новой Югославии на завершающем этапе Великой Отечественной войны в контексте отношений в рамках Большой тройки. Показаны особенности и различия в подходах великих держав к решению данной проблемы.

Ключевые слова: СССР, Югославия, союзники, признание.

Тема борьбы СССР за установление просоветских режимов в Центральной и Юго-Восточной Европе на завершающем этапе Второй мировой войны и после ее окончания достаточно часто привлекает внимание исследователей. Однако сам механизм развития отношений между СССР и местными просоветскими силами в годы войны, а также характер межсоюзнических отношений по этим вопросам изучены недостаточно. В частности, по югославскому

КУЛАГИН Александр Сергеевич — соискатель кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: sandrik_ekb@mail.ru).

© Кулагин А. С., 2011

вопросу имеются только работы, вышедшие в советский период, и отдельные статьи. Наибольшее количество работ подготовлено Л. Я. Гибианским. В то же время все они опираются на достаточно узкую источниковую базу, используя лишь опубликованные (официальные) советские документы и некоторые материалы из зарубежных архивов (в основном югославских, реже — Великобритании и США). Количество опубликованных документов тоже невелико.

В годы Второй мировой войны Югославия находилась в весьма противоречивой внутривнутриполитической ситуации: единая государственность была уничтожена в результате «апрельской войны» 1941 г., страна была поделена на оккупационные зоны сателлитов Германии, часть территории вошла в состав Независимого государства Хорватии. Вместе с тем с первых месяцев войны в стране развивается движение сопротивления, включавшее множество разнородных сил, а потому весьма противоречивое. Изначально первые отряды четников возглавил генерал бывшей Югославской королевской армии Д. Михайлович (был назначен военным министром правительства в эмиграции), однако с 1943 г. союзники стали получать сведения о его коллаборационизме. Одновременно с лета 1941 г. на территории Югославии действовали партизанские отряды, организационное ядро которых составляли кадры Коммунистической партии Югославии во главе с И. Б. Тито. Это движение получило название Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ). О нем западные союзники не имели никакой достоверной информации вплоть до осени 1943 г. Действовали и другие силы. Официальное правительство вместе с королем еще в апреле 1941 г. было эвакуировано в Лондон.

Поскольку Михайлович постоянно заявлял о верности монархии и был действительным членом лондонского правительства, именно его поддерживали Великобритания и США. В то же время отношения между четниками и СССР безнадежно испортились в 1942 г. При этом Москва тайно поддерживала партизан Тито, в том числе по линии Коминтерна и организаций, возникших после его роспуска. Достоверные источники и современные исследования Л. Я. Гибианского показывают, что штаб Тито был в постоянной связи с советским руководством и зачастую следовал его указаниям, особенно политическим. Одновременно с этим с 1943 г. начинается открытый конфликт между партизанами Тито и четниками Михайловича, который включал в том числе вооруженные стадии.

По мере развития партизанского сопротивления АВНОЮ ставит политические вопросы: в конце 1943 г. в боснийском городе Яйце прошла конференция, на которой была принята политическая программа партизанского движения. АВНОЮ провозглашало себя временным правительством Югославии (создавался новый орган — Национально-освободительный комитет, далее — НОК), вопрос о монархии откладывался до окончания войны, а королю запрещалось возвращаться в страну до проведения специального референдума. Это событие стало своеобразным рубежом в Югославском вопросе времен войны. С этого момента Великобритания начинает искать контакта с партизанами, отстаивая свои интересы — возвращение короля и восстановление монархии. Вместе с тем (в том числе под давлением СССР) Великобритании приходится отказаться от

прямой поддержки сил четников, скомпрометировавших себя контактами с итальянскими и немецкими оккупантами (в позднеюгославской и современной сербской историографии факт предательства Михайловича оспаривается) [5]. Советское руководство сохраняет активные контакты с партизанами, которые весной 1944 г. оформляются официально (происходит обмен военными миссиями).

Коренной перелом в ходе Второй мировой войны потребовал активизировать усилия союзников по выработке планов послевоенного устройства государств Центральной и Юго-Восточной Европы, хотя главным, безусловно, по-прежнему оставался вопрос войны против фашистского блока. В 1944 г. по югославскому вопросу Черчилль пытается проводить политику компромисса: сохранение монархии, но с участием партизан в новом руководстве. В эмигрантском правительстве постоянно происходят изменения: идет поиск компромиссных фигур. Летом 1944 г. правительство возглавляет доктор И. Шубашич (глава хорватской автономии), происходят две его встречи с Черчиллем и Тито. Документы этих мероприятий свидетельствуют о том, что формально АВНОЮ приняло компромиссный план. Советское руководство с большим сомнением воспринимало эту активность британцев и старалось не поддерживать с эмигрантским правительством сколько-нибудь значимых контактов. Одновременно Москва довольно осторожно поднимает вопрос о признании НОК в качестве единственного правительства Югославии. Но малое количество доступных документов не позволяет пока сделать вывод о советских планах в отношении послевоенного развития Югославии. Чуть ли не единственным источником по этому вопросу является записка И. М. Майского, датированная январем 1944 г., однако ее ценность как источника по данным вопросам активно оспаривается [3, 385–385].

Ситуация меняется в начале осени 1944 г., что было связано с активным продвижением советских войск на юго-востоке Европы (освобождение Румынии и Болгарии, выход на границу Югославии). В конце сентября 1944 г. И. Б. Тито наносит тайный визит в Москву. Единственные доступные ныне документы по итогам этой встречи — официальные коммюнике, опубликованные через советские средства массовой информации, — сообщали, что югославская сторона в лице Тито дает согласие на вступление Советской армии на территорию Югославии при сохранении местной гражданской администрации НОК. Можно говорить, что это было признание де-факто Советским Союзом легитимности партизанской администрации. Характер, содержание, значение этой встречи остаются неясными из-за отсутствия достоверных источников [2, 94]. Однако этот шаг не внес коррективы в британские планы: Черчилль вновь поднимает тот же вопрос и предлагает те же планы на встрече со Сталиным в Москве в октябре 1944 г. Эта встреча и смысл рождавшегося в ее ходе так называемого «процентного соглашения» до сих пор вызывают дискуссии в отечественной и зарубежной литературе [4, 436]. В дальнейшем Черчилль неоднократно поднимает те же вопросы на конференциях 1945 г. в Ялте и Потсдаме, однако не находит поддержки своей позиции ни со стороны США, ни тем более со стороны СССР. Что касается советской стороны, то она настаивает на

военной поддержке партизанского движения и затягивает решение о послевоенном устройстве, стараясь отложить его на послевоенный период.

Между тем эмигрантское правительство переживает острый перманентный кризис и оказывается фактически парализованным внутренними конфликтами между политиками в эмиграции (национальные конфликты сербов, хорватов и словенцев, политические споры между ярыми противниками Тито и сочувствующими ему и пр.). Достаточно много сведений о подобных конфликтах содержится в сообщениях главы партизанской военной миссии в Лондоне В. Велебита [1]. Учитывая то, что британская сторона отстаивала принцип легальности новой власти, т. е. необходимости ее устойчивой связи с довоенным (и эмигрантским) королевским правительством, компромиссный план Черчилля выглядел по меньшей мере несвоевременным. В конце концов именно партизанские силы, с деятельностью которых было связано освобождение большей части Югославии и которые имели реальное влияние на ситуацию на освобожденных территориях, выглядели как единственная действенная югославская политическая сила. Тем более что партизаны активно показывали свою политическую толерантность, яростно отмежевываясь от попыток окрасить их движение в сугубо коммунистические тона, и активно сотрудничали с западными союзниками и эмигрантскими политиками, не запятнавшими себя в глазах АВНОЮ резко антипартизанской позицией. Это позволяет советской дипломатии настаивать на признании НОК в качестве единственного югославского правительства. Однако сопротивление западных союзников приводит к оформлению на освобожденной территории весной 1945 г. новой власти, первоначально включавшей и политиков, далеких от партизанского движения. Однако непартизанские элементы оттеснялись от работы в правительстве, что вызывало его постоянные кризисы. Причем виновниками этих кризисов считались бывшие эмигрантские политики. В итоге к осени 1945 г. они были полностью удалены из правительства. Все это вместе с тем фактом, что в этой части Европы сохранялось серьезное советское присутствие, и проведением формально демократических процедур по легализации новой государственности осенью того же года окончательно лишило Великобританию аргументов в югославском вопросе, что и привело в декабре 1945 г. к окончательному признанию нового правительства со стороны всех участников антигитлеровской коалиции.

Таким образом, британской политике компромисса советская сторона противопоставила постоянную скрытую работу с партизанским движением, что в 1944–1945 гг. позволило установить в Югославии режим, изначально (до 1948 г.) ориентированный на Советский Союз. Однако в настоящее время в отечественной историографии структура советско-югославских (партизанских) и межсоюзнических отношений по поводу Югославии пока не нашла четкого отражения, что связано с дефицитом советских источников и малой вовлеченностью британских и американских источников.

---

1. Архив Югославии. Ф. 836. КМЖ I – 3 – в.

2. Волков В. К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.

3. *Гибзианский Л. Я.* Кремль и создание советского блока в Восточной Европе: некоторые проблемы исследования и интерпретации новых документов // Славянские чтения к 70-летию чл.-корр. Рос. акад. наук В. К. Волкова / отв. ред. Б. В. Носов. М., 2000. С. 381–411.

4. *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.

5. *Đuretić V.* Saveznici i Jugoslovenska ratna drama : u 2 knj. Knj. 2 : Prestrojavanja u znaku kompromisa. Beograd, 1985.

УДК 94(470)“1941/1945” + 343.9.018

Д. А. Ларин

СОВЕТСКАЯ ШИФРОВАЛЬНАЯ СЛУЖБА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Представлен обзор истории становления советской шифровальной науки и техники в 1920–1940-е гг. Особое внимание уделено советским шифровально-техническим разработкам периода Великой Отечественной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Великая Отечественная война, криптография, шифры, шифровальная техника.

Создание и развитие собственной шифровальной службы СССР началось после окончания Гражданской войны. Так называемые «ручные» системы кодирования и шифрования не могли справиться со все возрастающими потоками информации по причине неизбежно низкой скорости ее обработки. Разработки механических и электромеханических машин для шифрования текстов, а также электрических шифраторов для радио и телефонных переговоров приобретают исключительно высокую актуальность. В СССР пионерами машинного шифрования стали специалисты, работавшие в области криптографической защиты речевого сигнала. Первые разработки аппаратов секретного телефонирования в СССР относятся к 1927–1928 гг., когда в НИИС (Научно-исследовательский институт связи) РККА были изготовлены для погранохраны и войск ОГПУ 6 аппаратов ГЭС (конструктор Н. Г. Суэтин) и проведены работы, направленные на создание усовершенствованного секретного полевого телефона ГЭС-4 [2]. В 1930-х гг. в области секретной телефонии вели работы 7 организаций: НИИ Наркомата почт и телеграфа (НКПиТ), НИИС РККА, завод им. Коминтерна, завод «Красная заря», НИИ связи и телемеханики ВМФ, НИИ № 20 Наркомата электропромышленности (НКЭП), лаборатория НКВД. В 1930 г. были сданы в эксплуатацию первые линии междугородной правительственной высокочастотной связи (ВЧ-связь) Москва — Ленинград и Москва — Харьков. К началу Великой Отечественной войны ВЧ-связь была организована между

ЛАРИН Дмитрий Александрович — кандидат технических наук, доцент кафедры ИТС МИРЭА (технический университет), Москва (e-mail: greattzar@yandex.ru).

© Ларин Д. А., 2011

Москвой и большинством столиц союзных республик, многими областными центрами, военными округами. При этом следует отметить, что сама технология ВЧ-связи, без применения аппаратуры шифрования, могла защитить только от прямого прослушивания. Дело в том, что по проводам передавался ток высокой частоты, модулированный звуковым сигналом от мембраны телефона. Такой сигнал не воспринимается человеческим ухом без соответствующей обработки. А вот если его пропустить через простейший приемник, то разговор восстанавливался в первоизданном виде. Любой техник на междугородной станции Наркомата связи мог прослушать разговоры правительства по ВЧ. Исходя из вышеизложенного, задача разработки и внедрения шифротехники на линии советской правительственной связи была чрезвычайно актуальной. В 1935–1936 гг. на заводе «Красная заря» было создано устройство автоматического засекречивания телефонных переговоров — инвертор ЕС (назван по начальным буквам фамилий разработчиков — К. П. Егорова и Г. В. Старицына) и налажен его выпуск для каналов телефонной высокочастотной связи. Через год ленинградский завод «Красная заря» наладил выпуск шифратора ЕС-2. В 1937 г. для радиотелефонных каналов была разработана и подготовлена к серийному выпуску аппаратура под индексом ЕИС-3 (Егоров — Ильинский — Старицын). В течение последующих трех лет завод «Красная заря» освоил выпуск целой серии аппаратуры простого засекречивания, подобной ЕС-2 (ЕС-2М, МЕС, МЕС-2, МЕС-2А, МЕС-2АЖ, ПЖ-8, ПЖ-8М и др.), которая подключалась непосредственно к аппаратуре ВЧ-связи СМТ-34. К 1940 г. завод выпустил 262 аппарата, в основном с инверсией спектра. Принцип работы новинки был достаточно прост: инверсия с одновременной подачей в канал связи мешающего тона с высоким тембром. С 1939 г. поступила в серийное производство междугородная автоматика для ВЧ-связи МА-5 (на 5 абонентов и 10 каналов) и малый вариант на 3 абонента — МА-3, что обеспечивало автоматическое соединение абонентов без помощи телефонисток. По состоянию на 1941 г. в стране функционировало 116 ВЧ-станций и 39 трансляционных пунктов, а количество обслуживаемых абонентов высшего партийного и государственного руководства достигло 720 [2].

Устройства типа «ЕС» успешно использовались для организации ВЧ-связи практически на всем протяжении Великой Отечественной войны и позднее. Во второй половине 1938 г. была завершена разработка и проведены испытания аппаратуры «сложного» засекречивания С-1. Препятствиями на пути серийного производства С-1 были сложность и высокая стоимость этой аппаратуры. К первому периоду войны относится разработка аналогичной портативной, исполненной в виде чемодана, засекречивающей аппаратуры типа СИ-15 («Синица») и САУ-16 («Снегирь»), которая применялась для засекречивания любых каналов и использовалась в основном при выездах командующих фронтами и представителей Ставки Верховного главнокомандования в пункты, не имеющие ВЧ-станций [2]. В 1938–1939 гг. в ЦНИИ связи НКПиТ были организованы две лаборатории под руководством В. А. Котельникова по засекречиванию телеграфной и телефонной информации. Котельниковым впервые в СССР были разработаны принципы построения телеграфной засекречивающей

аппаратуры путем наложения на сообщения знаков шифра (аппаратура «Москва»). Предложенная В. А. Котельниковым схема наложения шифра на открытый текст оказалась очень привлекательной и долгое время использовалась в аппаратуре следующих поколений. На заводе № 209 в 1938 г. был размещен заказ на 30 приборов С-308-М, которые гарантировали практически полную невозможность дешифрования телеграфных сообщений [2]. В начальный период формирования телефонной лаборатории в ней работали Ю. Я. Волошенко, Д. П. Горелов, М. Л. Дайчик, Г. Двойневский, А. Я. Захарова, К. Ф. Калачев, Н. Н. Коробков, Р. Лейтес, В. А. Малахов, В. Н. Мелков, Н. Н. Найденов, А. П. Петерсон, Строганов, А. М. Трахтман, Н. А. Тюрин, В. Б. Штейншлегер и др. [12].

В 1939 г. В. А. Котельникову было поручено решение важной государственной задачи — создание шифратора для засекречивания речевых сигналов с повышенной стойкостью к дешифрованию. Заказчиком аппаратуры был отдел правительственной ВЧ-связи. Помимо В. А. Котельникова в работах по секретной телефонии принимали участие А. Л. Минц, К. П. Егоров, В. К. Виторский. С началом Великой Отечественной войны сотрудники завода «Красная заря» были эвакуированы в Уфу и вошли в состав Государственного союзного производственно-экспериментального института (ГСПЭИ 56), где продолжили результативно работать. Разработанная под руководством Котельникова и испытанная еще в 1938 г. сложная засекречивающая аппаратура С-1 («Соболь») широко использовалась в действующей армии. Несмотря на все трудности, уже к осени 1942 г. сотрудники лаборатории Котельникова изготовили несколько образцов оборудования «Соболь-П». Данной аппаратурой в качестве опытной была оборудована радиотелефонная связь на линии Москва — Хабаровск. Это была самая сложная аппаратура засекречивания передаваемой информации, не имевшая аналогов в мире. Первые аппараты сразу направили под Сталинград для связи Ставки Верховного главнокомандования со штабом Закавказского фронта, проводная связь между которыми была разрушена во время боев. В то время в армии для связи такого уровня пользовались в основном проводными телефонными линиями, а «Соболь-П» позволил устанавливать связь посредством радиоканала. К началу 1943 г. было налажено производство усовершенствованной серии аппаратов «Соболь-П». Как вспоминали ветераны Великой Отечественной войны, применение шифраторов Котельникова в ходе решающих боев на Курской дуге в значительной степени определило успешный исход битвы. Они обеспечивали систему шифрования речи для закрытой радиосвязи, которая практически не поддавалась вскрытию. Это оказалось не по зубам даже лучшим немецким дешифровальщикам. По сведениям советской разведки, Гитлер заявлял, что за одного криптоаналитика, способного ее «взломать», он не пожалел бы три отборные дивизии.

За создание шифраторов Котельников и его коллеги по лаборатории (И. С. Нейман, Д. П. Горелов, А. М. Трахтман, Н. Н. Найденов) в марте 1943 г. получили Сталинские премии I степени. Деньги они передали «на нужды фронта». В дальнейшем аппаратура «Соболь-П» активно использовалась для связи Ставки Верховного главнокомандования с фронтами. После окончания Второй мировой войны она получила применение и на дипломатических линиях связи

Москвы с Хельсинки, Парижем и Веной при проведении переговоров по заключению мирных договоров, а также при проведении Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций глав трех государств и для связи с Москвой нашей делегации во время принятия капитуляции Германии в мае 1945 г. Работа над усовершенствованием шифровальной аппаратуры продолжалась до последних дней войны и даже после ее окончания. За дальнейшие разработки в этой области группе специалистов и В. А. Котельникову в 1946 г. была присуждена вторая Сталинская премия I степени [17].

Одновременно с созданием аппаратуры засекречивания были начаты работы по ее дешифрованию. В 1943 г. Народным комиссариатом госбезопасности (НКГБ) была создана группа из пяти специалистов под руководством А. П. Петерсона, которая одновременно с работами по созданию аппаратуры шифрования занялась вопросами оценки стойкости аппаратуры засекречивания речевого сигнала. С середины 1944 г. группа Петерсона начала «сокрушать» одну систему за другой. В итоге в конце 1945 г. был составлен отчет, в котором утверждалось, что аналоговая аппаратура шифрования мозаичного типа теоретически дешифруема. Для того чтобы получить недешифруемую аппаратуру засекречивания телефонных переговоров, необходимо было сначала перевести речь в цифровую форму, и было предложено использовать для этих целей вокодер.

В лаборатории В. А. Котельникова проводились также исследования возможности создания аппаратуры засекречивания с использованием принципа полосного вокодера с выделением основного тона речи, открытого в 1939 г. американским инженером Г. Дадли. В 1941 г. Котельников доказал, что можно создать математически недешифруемую систему засекречивания, если каждый знак сообщения будет засекречиваться выбираемым случайно и равновероятно знаком гаммы (совершенно стойкий, по К. Шеннону, шифр [19]). Такая система должна быть цифровой, а преобразование аналогового сигнала в цифровую форму должно основываться на теореме отсчетов (другое название — теорема дискретизации) Котельникова. Подобная аппаратура начала создаваться только после войны.

Возможности промышленной базы для выпуска техники засекречивания телефонных переговоров были невелики. Так, в 1941–1947 гг. опытное производство ГСПЭИ–56 (Уфа), завод № 697 НК промсвязи (Уфа) и завод № 209 НК судпрома (Ленинград) выпустили в общей сложности 2024 шифратора речи, в основном типа инвертора спектра речи.

Аппаратура для шифрования текстовых сообщений появилась несколько позднее. Первая попытка создать текстовый электромеханический шифратор в советской России была предпринята в 1923 г. специалистами Особого технического бюро (Остехбюро) по военным изобретениям специального назначения, которое было создано в 1921 г. по указанию правительства. Под руководством российского изобретателя В. И. Бекаури Остехбюро стало крупнейшим центром по разработке исключительно разнообразных направлений, имевших важное оборонное значение, — минное и торпедное дело, подводное плавание, авиация, связь, парашютная техника, телемеханика и т. д. В 1925 г.

были изготовлены новейшие средства управления взрывами мощных фугасов при помощи кодированных сигналов по радио. В 1926 г. был разработан «способ секретной радиосигнализации и способ управления на расстоянии плавающими снарядами» [4, 211]. В 1927 г. в Остехбюро были изготовлены и испытаны образцы усовершенствованных приборов «БЕМИ» (по фамилиям изобретателей *Бекаури* и *Миткевича*) для управления взрывами на расстоянии до 700 км при помощи шифрованных сигналов от мощных радиовещательных станций. В Московском отделении Остехбюро к 1931 г. среди других уже функционировала лаборатория шифровальной аппаратуры. Именно тогда был разработан и даже изготовлен первый советский действующий макет дискового шифратора. В 1936 г. были успешно проведены войсковые испытания аппаратуры секретной шифрованной связи «Ширма». В дальнейшем была разработана система принципиально нового вида скрытой помехоустойчивой кодовой радиосвязи «Изумруд» для самолетов дальней бомбардировочной и разведывательной авиации, а также для обеспечения связи между штабами ВВС. Однако предвоенный и военный периоды диктовали необходимость разработки таких проектов, как радиоуправление минами, катерами, танками и даже самолетами. Совершенствование приборов «БЕМИ» и методов применения дистанционных минно-взрывных средств в войсках продолжалось в предвоенные и военные годы [4, 15].

Донесения о непредсказуемых и необъяснимых взрывах поступали гитлеровскому командованию и с других фронтов. Анализируя эти донесения и данные разведки, немецкие специалисты поняли, что имеют дело с новым инженерным боеприпасом. Однако узнать, что он собой представляет, им долго не удавалось. В декабре 1941 г. в руки советских войск попал секретный приказ Гитлера, в котором говорилось: «Русские войска, отступая, применяют против немецкой армии “адские машины”, принцип действия которых еще не определен. Наша разведка установила наличие в боевых частях Красной армии саперов-радиостов специальной подготовки. Всем начальникам лагерей военнопленных пересмотреть состав пленных русских с целью выявления специалистов данной номенклатуры. При выявлении военнопленных саперов-радиостов специальной подготовки последних немедленно доставить самолетом в Берлин. О чем доложить по команде лично мне» [4, 208].

Радиоуправляемые мины применялись Красной армией при обороне Москвы, а позже Сталинграда, Курска и других городов. В своих воспоминаниях маршал инженерных войск В. К. Харченко, бывший в годы Великой Отечественной войны начальником штаба инженерной бригады специального назначения, отмечал: «Управляемые по радио советские мины причиняли гитлеровцам немалые потери. Но дело было не только в этом. Приборы Ф-10 вместе с обычными минами замедленного действия создавали в стане врага нервозность, затрудняли использование и восстановление... важных объектов. Они заставляли противника терять время, столь драгоценное для наших войск суровым летом и осенью 1941 года» [15]. Мины, управляемые по радио зашифрованными сигналами от радиостанций широкого вещания, использовались до лета 1943 г. Исключительно талантливый и многократно награжденный конструктор В. И. Бекаури по ложному обвинению в шпионаже в пользу Германии был расстрелян

в 1938 г., впоследствии, в 1956 г., — полностью реабилитирован. После падения Берлина на допросе командующего обороной фашистской ставки генерала Г. Вейдлинга на вопрос об установке в Берлине мин, взрываемых по радио, он ответил: «...соответствующей техники не было, а что касается радиофугасов, то ваши инженеры далеко опередили наших...» [15].

В 1930-е гг. отдельные образцы приборов для кодирования и засекречивания передач телеграфных аппаратов Шорина были разработаны в НИИС РККА (руководитель конструктор А. И. Цыгикало): прибор засекречивания ПСТБ для аппарата «Бодо», прибор ТК-10 для кодирования связи радиостанции 71ТК, аппараты засекречивания телеграфных передач системы КИМ-2 (И. Г. Кляцкин и Б. П. Малиновский), а в 1940–1941 гг. системы конструктора А. А. Дудкина [10].

В СССР теоретическую основу создания шифровальной техники, радикально отличающейся от зарубежных образцов, впервые в 1930 г. предложил талантливый инженер И. П. Волосок, который стал ведущим конструктором многих образцов отечественной шифротехники довоенного и послевоенного периодов. Использованный им принцип наложения случайной последовательности знаков (гаммы) на комбинации знаков открытого текста создавал нечитаемую криптограмму с гарантированной стойкостью против дешифрования противниками. В технической лаборатории шифровальной службы (8-й отдел) Главного штаба РККА (образована в 1931 г.) под руководством И. П. Волоска в 1932 г. был создан опытный образец советской шифровальной машины ШМВ-1, а также образцы механических шифрующих приспособлений к телеграфным аппаратам. Громоздкая и механически ненадежная ШМВ-1 в серию не пошла. Но уже в начале 1934 г. была начата разработка электромеханической шифровальной машины В-4. В 1937 г. на ленинградском заводе № 209 им. А. А. Кулакова были произведены опытные экземпляры советского шифратора В-4 (конструктор И. П. Волосок), реализующего шифр гаммирования, а в 1938 г. началось серийное производство. В 1939 г. В. М. Шарыгиным была проведена модернизация шифратора В-4, новая машина получила название М-100 и начиная с 1940 г. стала производиться параллельно с В-4. Шифровальная машина М-100 состояла из трех основных узлов — клавиатуры с контактными группами, лентопротяжного механизма с трансмиттером и приспособления, устанавливаемого на клавиатуру пишущей машинки, и семи дополнительных блоков. Общий вес комплекта достигал 141 кг. Только одни аккумуляторы для автономного питания электрической части машины весили 32 кг. Тем не менее данная техника выпускалась серийно и в 1938 г. была успешно испытана в боевых условиях во время гражданской войны в Испании (1936–1939), в 1938 г. — на Хасане, в 1939 г. — на Халхин-Голе и в 1939–1940 гг. — во время советско-финской войны [14]. Шифрованная связь в этих военных конфликтах осуществлялась в звене Генеральный штаб — Штаб армии. Руководил эксплуатацией техники непосредственно И. П. Волосок. Полученный боевой опыт осуществления скрытого управления войсками показал, что для успешного применения машинного шифрования необходима обособленная работа шифровальных органов РККА. Кроме того, необходимо было обеспечить конспирацию в работе шифровальщиков и их

достаточную мобильность при передислокации войск. Для этих целей в 1939 г. в США были закуплены 100 автобусов «студебеккер» и переоборудованы под спецаппараты-шифроорганы. Стало возможным зашифровывать и расшифровывать телеграммы не только во время остановок, но и во время движения колонн.

В том же 1937 г. на заводе № 209 под руководством В. Н. Рытова был создан макет малогабаритного дискового шифратора, призванного заменить ручные шифры в оперативном звене управления (армия — корпус — дивизия). В нем нашел применение шифр многоалфавитной замены. Это было довольно компактное устройство весом 19 кг, упакованное в один ящик. В 1939 г. эта шифромашина под названием К-37 («Кристалл») была запущена в серийное производство и только за 1940 г. было выпущено 100 комплектов К-37. В 1940–1941 гг. она выпускалась в Ленинграде, а в 1942–1945 гг. — на заводе № 707 в Свердловске. Выпуск машины продолжался до 1946 г. Всего к началу Великой Отечественной войны было принято на вооружение шифроорганов СССР свыше 150 комплектов К-37 и 96 комплектов М-100. Эта техника позволила в 5–6 раз повысить скорость обработки шифротелеграмм, при этом сохраняя стойкость передаваемых сообщений [1]. К июню 1941 г. штат советской шифровальной службы насчитывал 1857 человек.

Во втором квартале 1939 г. на заводе № 209 были изготовлены опытные образцы аппаратуры засекречивания телеграфных сообщений С-308 (для телеграфного аппарата Бодо) и С-309 (для отечественного телеграфного аппарата СТ-35). В третьем квартале 1939 г. начался серийный выпуск этой аппаратуры на заводе № 209, а в 1942–1945 гг. аппаратура производилась на заводе № 707 в Свердловске. В 1940 г. конструктором П. А. Судаковым был разработан военный буквопечатающий стартстопный телеграфный аппарат со съемным шифрующим блоком НТ-20. С января 1941 г. началось серийное производство данной аппаратуры на заводе № 209, а в 1942–1945 гг. эти шифромашины, как и другие, упомянутые выше шифраторы, производились на заводе № 707 в Свердловске. Для регламентации работы данной аппаратуры вскоре после 22 июня 1941 г. был издан приказ Народного комиссариата обороны (НКО) № 0095 о засекречивании передач по аппарату «Бодо».

В 1937 г. в черноморском санатории И. П. Волосок познакомился с молодым офицером-шифровальщиком М. С. Козловым и, почувствовав в нем талант конструктора, предложил продолжить службу в лаборатории 8-го отдела Генштаба РККА. Под общим руководством И. П. Волоска новый образец шифромашин М-101 создавал ведущий конструктор Н. М. Шарыгин, а некоторые ее механизмы изобрел и разработал лично М. С. Козлов. М-101 состояла уже из двух основных узлов, ее габариты уменьшились более чем в 6 раз, а вес — более чем в 2 раза. Машина получила название М-101 «Изумруд» и с 1940 г. стала производиться параллельно с В-4. За создание и внедрение шифровальной машины М-101 («Изумруд») в 1943 г. И. П. Волоску, П. А. Судакову и В. Н. Рытову были присуждены Государственные премии. Орденами были награждены Н. М. Шарыгин, М. С. Козлов, П. И. Строителев и Н. И. Гусев. Кроме того, И. П. Волоску была присвоена ученая степень «кандидат технических

наук» (без защиты диссертации). В этом же году в войска было отправлено свыше 90 комплектов М-101 [8, 16].

Усилиями ведущих научных и инженерно-технических кадров страны в Институте № 56 Народного комиссариата электропромышленности (НКЭП) к концу 1944 г. была практически завершена разработка устройства «Сова» — аппаратуры засекречивания сложной схемы с применением кодирования, которая предназначалась для закрытия ВЧ-каналов, образованных аппаратурой НВЧТ-42. Первые образцы другого типа засекречивающей аппаратуры такого же класса — «Нева» — были изготовлены на заводе № 209 и установлены на линии связи летом 1944 г. К третьему периоду войны относится и разработка сложного засекречивающего устройства Волга-С [2]. В годы войны на машинную шифросвязь легла основная нагрузка при передаче секретных телеграмм. Только в 8-м управлении РККА с 1941 по 1945 г. было обработано свыше 1,6 млн шифротелеграмм и кодограмм. Порой нагрузка на шифроработников 8-го управления доходила до 1500 телеграмм в сутки. В штабах фронтов нормой считалась суточная нагрузка до 400 телеграмм, в штабах армии — до 60. За годы войны управлением шифровальной службы Генштаба (8-е управление ГШ) нижестоящим штабам и войскам разослано порядка 3,2 млн комплектов шифров. За время Великой Отечественной войны курсы усовершенствования командного состава шифрослужбы и учебные команды фронтов и военных округов готовили и отправили на фронт более 5 тыс. специалистов-шифровальщиков. К исходу войны в эксплуатации уже находилось 396 комплектов техники специальной связи. Специалисты-шифровальщики с честью справились с возложенными на них задачами, обеспечивая машинной шифросвязью Ставку ВГК, Генеральный штаб, управления Наркомата обороны, Тегеранскую, Ялтинскую и Потсдамскую конференции.

С самого начала войны фашистские дешифровальщики пытались прочесть перехваченные советские криптограммы, зашифрованные машинными шифрами. Но все их попытки были тщетны! Пленные специалисты дешифровальной службы рассказывали, что наши криптограммы, зашифрованные машинными шифрами, были нечитаемы, и с 1942 г. они больше не перехватывались. Было ясно, что уникальная система машинного шифрования русских может быть уязвима только при наличии самой шифротехники и ключей к ней. Приказ Гитлера по вермахту от августа 1942 г. гласил: «...кто возьмет в плен русского шифровальщика либо захватит русскую шифровальную технику, будет награжден Железным крестом, отпуском на родину и обеспечен работой в Берлине, а после окончания войны — помещением в Крыму». Во исполнение гитлеровского приказа в 1942 г. вблизи от оккупированного фашистами Херсона, в Степановке, была организована разведывательно-диверсионная школа. Перед курсантами одной из спецгрупп ставилась задача: во что бы то ни стало добыть советскую шифровальную технику. Подробности деятельности этой группы неизвестны [1].

К чести советских шифровальщиков следует отметить, что они были преданы своему делу! Есть немало примеров их героизма в военные и послевоенные годы. Одними из первых войну на криптографическом фронте начали сотрудники советского посольства в Германии. Ранним утром 22 июня 1941 г., после

того как стало известно о нападении немцев на СССР, на территории посольства стали разводить костры для уничтожения различной секретной документации, прежде всего шифров. Настоящий подвиг совершил шифровальщик советского торгпредства в Берлине Николай Логачев. Уже утром первого дня войны эсесовцы проникли в здание торгпредства, но Николай успел забаррикадироваться в шифровальной комнате и начал сжигать шифровальные документы, немцы буквально ломались в дверь, но мужественный шифровальщик продолжал работу, от дыма он потерял сознание, но все шифры были уничтожены. Когда немцам все же удалось взломать дверь, то все было кончено, и поживиться советскими криптографическими секретами им не удалось. От отчаяния немцы сильно избили Логачева и бросили в тюрьму, впоследствии Н. Логачева вместе с другими советскими дипломатами обменяли на интернированных в СССР сотрудников немецких дипломатических представительств [18].

Вот еще ряд примеров времен Великой Отечественной войны. Офицер спецсвязи Л. Травцев вез секретные документы и шифры под охраной трех танков и взвода пехоты. Колонна попала в засаду и за несколько минут была практически уничтожена. В автобус с шифрами и документами попал немецкий снаряд — Травцеву перебило обе ноги. Истекая кровью, шифровальщик нашел в себе силы вскрыть сейфы, облить документы бензином и уничтожить их. Потом он еще отстреливался, пока не сгорел вместе с подорванной машиной.

Младшего сержанта Е. Стемпковскую фашисты захватили на КП, где она дежурила у передатчика. Отважная радистка отстреливалась и успела бросить в нападавших немцев две гранаты, но силы были не равны. Стемпковскую схватили и подвергли пыткам. Фашистам не терпелось скорее доложить своему командованию, что они овладели кодовыми переговорными таблицами русских. Но их мечты были напрасны. Даже после того, как Елене отрубили обе руки, она ничего не сказала. Фашисты убили ее. Посмертно Е. К. Стемпковской было присвоено звание Героя Советского Союза [6].

К сожалению, в начальный период войны у советских войск были значительные проблемы со связью. Войсковая радиосвязь, средства ведения радиовойны не были достаточно развиты. В воспоминаниях крупных советских военачальников часто встречаются такие высказывания: «средствами радиосвязи войска были обеспечены совершенно недостаточно», «проводная связь оказалась уязвимой и часто выходила из строя» и т. д.

Тяжелая ситуация со связью в войсках в начальный период войны усугублялась действиями противника. Сразу же после нападения на СССР 22 июня 1941 г. немцы развернули на территории нашей страны активную разведывательно-диверсионную деятельность. Целью немецких операций были в том числе и советские линии связи. Но все же меры по обеспечению связи руководства страны с фронтом совершенствовались, для этого наши связисты прилагали поистине героические усилия. Вот лишь несколько примеров.

Постоянно принимались меры по сохранению секретности передаваемой информации. Уже в первые минуты войны один из советских передовых постов передал командованию открытым текстом: «Нас обстреливают. Что нам делать?» Ответ пришел незамедлительно: «Вы с ума сошли! Почему ваше со-

общение не зашифровано?» [13, 229]. На третий день войны, 24 июня, была издана директива НКГБ СССР о задачах органов безопасности в условиях военного времени, и в частности об особой сохранности шифров, совершенно исключавшей попадание их в руки врага.

Хотя, как было сказано выше, отечественные шифромашинны активно и эффективно использовались на фронте, основным видом шифрования для большинства советских военных были ручные шифры. Наиболее распространенной системой шифрования советских Вооруженных сил во время Второй мировой войны были коды с перешифровкой [Там же]. Полученный с помощью кодовой книги промежуточный шифротекст затем, как правило (а в высших звеньях — обязательно), перешифровывался одноразовой гаммой. Впервые в СССР стойкая система шифрования с одноразовой гаммой была разработана в начале 1920-х гг. Активное применение одноразовой гаммы в дипломатической переписке началось с 1927 г. [7]. Несколько позже одноразовая гамма стала применяться для перешифровки кодов в Красной армии и советских спецслужбах.

Во время Великой Отечественной войны советские шифровальные службы обеспечили секретность наших сообщений, не позволили противнику получить сведения о наших замыслах и действиях: «...советская шифровально-кодировочная аппаратура в военный период сыграла особую роль, поскольку именно ее использовали на важнейших направлениях скрытой связи. Именно она обеспечивала возможность оперативного закрытия важнейшей стратегической и оперативно-стратегической информации от противника» [8, ч. 5, 76]. Приведем еще одну цитату о роли советской шифротехники во Второй мировой войне: «Созданная в предвоенные годы отечественная шифровальная техника в процессе Великой Отечественной войны держала свой первый по-настоящему серьезный экзамен на зрелость... Советская криптография, сумевшая скрыть от врага наши стратегические планы, но раскрывшая многие намерения врага, внесла в Победу свой весомый вклад» [Там же, ч. 6, 86]. Надо отметить, что ни одна советская шифромашинна не была взломана противником, хорошей стойкостью отличалась и значительная часть наших ручных шифров. Высоко отзывались о работе шифровальщиков в годы войны наши прославленные полководцы — Г. К. Жуков, А. М. Василевский, С. К. Тимошенко, С. М. Штеменко и многие другие. Вот лишь несколько цитат. Г. К. Жуков: «Хорошая работа шифровальщиков помогла выиграть не одно сражение» [9]; А. М. Василевский: «Ни одно донесение о готовящихся военно-стратегических операциях нашей армии не стало достоянием фашистских разведок» [5]. Также маршал Василевский отмечал: «Будучи начальником Генерального штаба, я ни одной минуты не мог обойтись без ВЧ-связи, которая, благодаря высокой сознательности и мастерству воинов-связистов, наилучшим образом обеспечивала оперативное руководство действующими фронтами и армиями» [Там же]. А командующий 1-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев так оценивал роль правительственной связи: «Надо вообще сказать, что эта связь ВЧ, как говорится, нам была Богом послана. Она так выручала нас, была настолько устойчива в самых сложных условиях, что надо воздать должное нашей технике и нашим связистам,

специально обеспечивавшим эту связь ВЧ и в любой обстановке буквально по пятам сопровождавшим при передвижении всех, кому положено пользоваться этой связью» [2, 196]. Еще одну оценку значения правительственной связи дал маршал И. Х. Баграмян: «Без ВЧ-связи не начиналось и не проводилось ни одно значительное военное действие. ВЧ-связью обеспечивались не только штабы, но и командование непосредственно на передовых линиях, на дозорных пунктах, плацдармах. В Отечественной войне ВЧ-связь сыграла исключительную роль как средство управления войсками и способствовала выполнению боевых операций» [3]. Высокое значение, которое руководство страны придавало ВЧ-связи, характеризует принятая в январе 1944 г. директива Ставки ВГК, запрещавшая командующим фронтами и армиями перемещаться на новые пункты управления до организации на них ВЧ-связи. В целом следует отметить, что «правительственная ВЧ-связь (засекреченная телефонная высокочастотная связь Ставки ВГК с командованием оперативно-стратегических и оперативных объединений действующей Красной армии) в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. стала материальной основой управления Вооруженными силами в звене Ставка — фронт — армия» [2, 203]. Масштабы деятельности советских связистов характеризуют следующие цифры. За период Великой Отечественной войны соединениями и частями войск правительственной связи было построено и восстановлено 66 500 км воздушных линий, подвешено и восстановлено 363 200 км медных и стальных проводов, построено 33 800 км шестовых линий. В мае 1945 г. (конец войны с Германией) протяженность обслуживаемых войсками линий ВЧ-связи составила 32 944 км, а в августе 1945 г. (во время боевых действий против Японии) достигла 36 854 км. Фронтные отделы правительственной связи за период войны функционировали в составе 35 действующих фронтов наших Вооруженных сил. Войска правительственной связи осуществляли правительственную связь в операциях советских Вооруженных сил на территории СССР, а также 12 государств Европы и Азии. В период Великой Отечественной войны около 20 тыс. офицеров, сержантов и солдат войск правительственной связи были награждены орденами и медалями СССР, в ходе боевых действий погибли и умерли от ран 837 военнослужащих, 94 пропали без вести [Там же, 208–211].

Оценили надежность наших шифров и представители противника. Так, начальник штаба при ставке верховного главнокомандования немецких вооруженных сил генерал-полковник А. Йодль в своих показаниях на допросе 17 июня 1945 г. сообщил: «Основную массу разведанных о ходе войны — 90 процентов — составляли материалы радиоразведки... Радиоразведка — как активный перехват, так и дешифрование — играла особую роль в самом начале войны, но и до последнего времени не теряла своего значения. Правда, нам никогда не удавалось перехватить и расшифровать радиограммы вашей (советской. — Д. Л.) ставки, штабов фронтов и армий. Радиоразведка, как и все прочие виды разведок, ограничивалась только тактической зоной» [11, 100]. А вот что говорил на одном из совещаний А. Гитлер: «Эти проклятые русские шифровальные машины, мы никак не можем их расколоть!» [8, ч. 6, 86].

1. *Андреев А.* Именно у нас в городе тайное становилось явным // Гривна. 2002. № 48 (412). С. 28.
2. *Астрахан В. И., Гусев В. В., Павлов В. В., Чернявский Б. Г.* Становление и развитие правительственной связи в России. Орел, 1996.
3. *Баграмян И.* Так начиналась война. М., 1950.
4. *Басин Я. З.* И творцы, и мастера. Минск, 1984.
5. *Василевский А.* Дело всей жизни. М., 1978.
6. *Ганин В.* 80 лет назад создана шифровальная служба. [Электронный ресурс] // Северный курьер. 2001. № 87(23903). URL: www.dizzaster.ru.
7. *Гольев Ю. И., Ларин Д. А., Тришин А. Е., Шанкин Г. П.* Криптография: страницы истории тайных операций. М., 2008.
8. *Дадукон Н. С., Репин Г. А., Скачков М. М., Филин Ю. П.* Советская шифровальная техника. Ленинградский период: 1935–1941. Ч. 1 // Защита информации. INSIDE. 2006. № 1. С. 91–96 ; Ч. 2 // Там же. № 2. С. 83–87 ; Ч. 3 // Там же. № 3. С. 93–96 ; Ч. 4 // Там же. № 4. С. 92–96 ; Ч. 5 // Там же. № 5. С. 75–79 ; Ч. 6 // Там же. № 6. С. 85–89.
9. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1971.
10. История средств защиты информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.referent.ru:2003/nvk/forum/archive/61/61100>
11. *Йодль А.* «Война с Россией — это такая война, где знаешь, как начать, но не знаешь, чем она кончится» // Сигары Шееле для «Барона Дризена». М., 2001. С. 89–106.
12. *Калачев К. Ф.* В круге третьем. М., 1999.
13. *Кан Д.* Война кодов и шифров. М., 2004.
14. *Клепов А.* Информационное оружие Сталина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.proza.ru/go/www.proza.ru/2009/06/17/949>
15. *Монетчиков С.* Без грифа «секретно»: техника особой секретности [Электронный ресурс] // Братишка. 2007. Дек. URL: www.bratishka.ru.
16. *Николенко А.* Умные машины // Воздушно-десантные войска. Спецназ. 1998. № 4–6(9–11).
17. *Синяевская С.* «Три дивизии за шифр» // «S&TRF — Наука и технология РФ» : электрон. изд. 2009. 8 мая. URL: www.strf.ru.
18. *Сопельняк Б.* Заложники Третьего рейха // Моск. комсомолец. 2006. 19 июня. С. 11.
19. *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963.
20. *Kahn D.* The codebreakers. N. Y., 1967.
21. Wikipedia : сайт. URL: <http://en.wikipedia.org>

УДК 94(470)“1941/1945” + 930.23

Б. В. Личман

МЕТОДОЛОГИЯ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Анализируются особенности современных оценок различных событий Великой Отечественной войны и раскрываются их методологические основы.

Ключевые слова: фальсификация истории, методология, Великая Отечественная война, победа.

Президент Российской Федерации Д. Медведев 5 мая 2009 г. подписал указ «О комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» [3]. Причиной создания комиссии послужило то, что российские граждане все чаще сталкиваются с фактами циничного отношения к истории нашей страны. Особый упор в искажении истории России делается на события, связанные со Второй мировой войной.

История Великой Отечественной войны в фальсификациях недоброжелателей России представляется сплошной цепью преступлений. Умаление значения победы советского народа в Великой Отечественной войне происходит в разных странах мира. Так, около 100 депутатов Европарламента подписали в свое время обращение к главам государств мира против празднования юбилея Победы в Москве 9 мая 2005 г.

Сегодняшней России, как историческому наследнику Советского Союза, вменяется вина за трагедию тех лет, тем самым создается правовая база для предъявления нам политических, финансовых, территориальных требований.

Прежде всего, требования политических противников базируются на том, что Советский Союз виновен в развязывании Второй мировой войны.

Точкой отсчета начала Второй мировой войны наши недоброжелатели считают 1 сентября 1939 г., когда фашистская Германия напала на Польшу. Причину нападения на Польшу фальсификаторы истории связывают с подписанным месяцем раньше (август 1939 г.) договором о ненападении Германии на СССР [4].

Однако СССР считал, и сегодняшняя Россия разделяет эту точку зрения, подписание договора условием необходимой отсрочки нападения Германии на нашу страну. А причиной войны является вооружение Англией, Францией и другими странами гитлеровской Германии и подталкивание ее к войне с СССР.

Архивные документы подтверждают правильность позиции России. Западные страны — Франция, Англия — в 1920–1930-е гг. вооружили Германию и направили ее агрессию на Восток. Англия и Франция в 1938 г. не помешали Германии присоединить к себе Австрию, а затем заставили Чехословакию

ЛИЧМАН Борис Васильевич — доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, завкафедрой исторических дисциплин Уральского института экономики, управления и права, Екатеринбург (e-mail: lichman@urper.ru).

подписать соглашение, согласно которому страна была присоединена к Германии. В марте 1939 г. Литва уступила германскому ультиматуму и отдала Германии район города Клайпеда. В результате этих действий гитлеровская армия вплотную продвинулась к границам Советского Союза. В этих экстремальных условиях СССР обратился к Франции и Англии с предложением подписать договор, направленный против Германии. Западные страны отказались это сделать, и Советский Союз оказался один на один с Германией.

Советская дипломатия вынуждена была приложить максимум усилий для подписания в августе 1939 г. договора о ненападении между СССР и Германией, тем самым обезопасив страну. Договор дал возможность СССР еще 2 года (до 1941 г.) готовиться к войне с фашистской Германией.

Нет фактов, доказывающих, что СССР собирался напасть на Германию. Версия о подготовке нападения СССР на Германию впервые прозвучала в выступлении по радио министра пропаганды гитлеровской Германии Геббельса 22 июня 1941 г., когда немецкие самолеты уже бомбили советские города.

Идеи геббельсовской пропагандистской машины не только нашли приверженцев на Западе, но и получили отражение в публикациях и кинофильмах, выходящих в сегодняшней России [2]. Основной недостаток многих книг и кинофильмов о Великой Отечественной войне состоит в том, что материалы и выводы подгоняются под заранее намеченную версию, на которую нанизывается все, что подтверждает авторскую позицию [1].

Ложной также является версия о том, что народ победил в войне вопреки руководству страны. Ни один, даже самый самоотверженный народ без твердого руководства не может не только одержать победу, но и элементарно организованно действовать.

Унижением для исторического сознания народа является то, что события самого трудного для страны 1941 г. изображаются нашими недругами односторонне — как сплошное паническое бегство Красной армии и сдача войск в плен без сопротивления. Были и тяжелые поражения, и горестные отступления, и паника, и массовая сдача в плен, но многие части, соединения и объединения и в 1941, и в 1942 гг. самоотверженно сражались, упорно отстаивали занимаемые рубежи, наносили контрудары, отчаянно дрались в окружении и выходили из него. Иначе невозможно было бы обескровить, остановить продвижение врага и перейти в контрнаступление на ленинградском направлении, под Москвой и Сталинградом.

Принижается значение выигранных сражений, деятельность и военный талант российских генералов Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, Н. Ф. Ватутина и др. Шестидесятилетие Курской битвы одна российская газета озаглавила «сенсационным» сообщением: оказывается, немцы в знаменитом Прохоровском сражении потеряли 5 танков, а советские войска — 334. Возникает резонный вопрос: почему же после этого гитлеровцы, вместо того чтобы наступать, вдруг начали отходить, а соединения и части Красной армии, преследуя их, вышли к Днепру и с ходу форсировали эту крупнейшую водную преграду?

Выдумкой является и то, что якобы Г. К. Жуков сообщил Д. Эйзенхауэру, что советское командование во время войны специально посылало пехоту на

противотанковые поля противника, чтобы солдаты своими телами создавали проходы для танков (пехотные мины для танков не помеха). Хочется заметить, что для подрыва противотанковой мины нужно давление весом не менее 200–250 кг. Так что пехотинец, наступая на противотанковую мину, не мог ее подорвать.

Многочисленные утверждения насчет того, что Красная армия завалила противника трупами своих солдат, несостоятельны. Советские военные потери соотносятся с германскими 1,3 : 1, и то в основном за счет истребления более 2 млн военнопленных красноармейцев в фашистских лагерях.

Гросс-адмирал Карл Денниц в конце войны заявил, что германский вермахт сражался «героически», «с честью», «изо всех сил», принося большие жертвы, всегда оставаясь верным военной присяге, а «результаты его военных действий забываемы». К сожалению, в таком же духе пишут о вермахте и некоторые отечественные авторы. А про армию, которая сокрушила этот вермахт, говорят, что она воевала из рук вон плохо и чуть ли не проиграла войну.

Выходят в свет многочисленные статьи, где отрицается патриотизм народа. Отрицаются подвиги Александра Матросова, Николая Гастелло, Зои Космодемьянской, молодогвардейцев и др.

Ставится под сомнение самое святое для нашей страны — значение победы в Великой Отечественной войне. В настоящее время в учебниках по истории это понятие заменено другим: «Итоги и уроки Великой Отечественной войны».

Искажение истории Великой Отечественной войны не только наносит политический, финансовый, территориальный ущерб России как правопреемнице Советского Союза, но и разрушает страну изнутри — морально.

Очень важно, что государство обратило внимание на эту проблему. В течение предшествующих десятилетий у политиков сложилось мнение о том, что историческое знание может быть плюралистичным, и это не представляет никакой опасности для общества, наоборот, является показателем его толерантности и просвещенности. Подобные представления привели к тому, что в нашем обществе фактически было разрушено историческое сознание. А поскольку историческое сознание — это не только набор знаний об определенных исторических фактах, но и один из важнейших элементов общественного самосознания, его разрушение привело к искажению системы ценностей нашего общества.

В настоящее время в российском обществе начинают все больше говорить о том, что в стране должен быть только один идеологически выдержанный учебник по истории России. По нашему мнению, данное предложение противоречит Конституции РФ. Так, в ст. 13 Конституции записано: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие; 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

Сторонники единого учебника приводят доводы, с которыми трудно не согласиться. Еще на заре новейшей России (в 1992 г.) вышла книга М. Ферро «Как рассказывают историю детям в разных странах мира» [5]. Впервые российский читатель узнал, что ход мировой истории в разных странах, согласно национальным интересам, освещается по-разному. Фигурируют одни и те же факты истории, но они имеют разную интерпретацию.

После публикации книги М. Ферро прошло 18 лет. Советский Союз как единое государство перестал существовать. Вслед за единым государством перестала существовать и единая история. Каждая страна Содружества Независимых Государств (СНГ) выпускает свои, отличающиеся друг от друга учебники. Согласно национальным интересам, в учебниках по истории отдельных государств используются и интерпретируются только выгодные для страны факты (искажать факты запрещено). В мире данная практика общепринята. В учебниках всех стран мира (США, ФРГ, Польша, Китай, Украина, Литва и т. д.) проводится державно-патриотическая линия, мягко или жестко противопоставляющая народы разных государств и консолидирующая свой народ на основе патриотизма, специфики развития своей страны. Национальная идеология, отраженная в учебниках, воспитывает людей, запрещая унижение, умаление истории своего народа и требуя понимания мотивов его поведения в тот или иной исторический период.

1. Война. Народ. Победа : материалы Междунар. науч. конф., 15–16 марта 2005 г. М., 2008.
2. Нарочницкая Н. А. Кто и когда начал войну? М., 2009.
3. Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 21.
4. Суворов В. Ледокол. Кто начал Вторую мировую войну? День «М». М., 1992.
5. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992.

УДК 94(470)“1941/1945” + 316.344.42

А. В. Лямзин

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА В РИТОРИКЕ ЛИДЕРОВ СТРАН СНГ

Внешней и внутренней критике подвергаются такие источники личного происхождения, как мемуары, интервью и выступления лидеров стран постсоветского пространства, связанные с Днем Победы и Великой Отечественной войной. Рассматриваются факторы, влияющие на позицию лидеров стран СНГ.

Ключевые слова: постсоветские элиты, переосмысление прошлого, источники личного происхождения, День памяти и почестей, шехиды, праздник Победы и Мира.

Великая Отечественная война — крупнейшее событие XX в., прошедшее сквозь историю народов Советского Союза и оставившее в ней глубочайший отпечаток. Победа в этой войне долгое время оставалась краеугольным камнем советской идеологии. Обладая значительным символическим капиталом, эта

ЛЯМЗИН Андрей Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения России и стран СНГ Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: lyamzin@mail.ru).

© Лямзин А. В., 2011

победа продолжает играть большую роль в идеологии современных постсоветских политических элит. Лидеры стран постсоветского пространства, каждый по-своему, встраивают этот багаж в свою политическую риторику. В этом нет ничего нового, достаточно вспомнить, что само название «Великая Отечественная война» родилось из сочетания названий двух прошедших ранее войн — Великой войны, как называли Первую мировую, и Отечественной войны, как нарекли наши предки войну 1812 года с Наполеоном.

Лидеры стран СНГ, оказывая воздействие на внешнюю политику страны, вынуждены обращаться и к теме Великой Отечественной. Через источники личного происхождения — их речи, интервью и воспоминания — мы можем лучше понять их отношение к этому событию и через него — к нашей общей истории, а значит, и к нашей стране, и нам самим. Чтобы правильно проанализировать данные источники, необходимо их подвергнуть критике, внешней и внутренней. Поскольку общая канва событий хорошо известна, а их интерпретация может отличаться, в данном случае на первое место выходит внешняя критика — анализ авторства и обстоятельств возникновения источника.

Необходимо учитывать, что несколько факторов оказывают влияние на восприятие Великой Отечественной войны и на идеологические построения лидеров постсоветского пространства. Это, во-первых, личная связь с теми событиями, персональное участие в них или отношение ближайших родственников. Во-вторых, опыт военных конфликтов страны в постсоветский период. В-третьих, пророссийская или антироссийская внешнеполитическая стратегия государства, возглавляемого лидером страны. Все эти факторы можно отнести к внешним обстоятельствам возникновения источника.

Для президентов старшего поколения война стала фактом личной биографии. Так, два первых украинских президента в одном из документальных фильмов вспоминали о том, как они были на оккупированной территории. Кроме того, у них обоих отцы погибли на фронте. Л. Кучма пережил оккупацию в захолустном болотистом Черниговском Полесье. «Картошка, квашеная капуста и сало — я и сам рос на этом», — вспоминал он много лет спустя [4]. Как известно, его отец, старший сержант 560-го отдельного батальона 111-й стрелковой дивизии Даниил Кучма, умер от пневмонии в Новоселицком полевом госпитале в феврале 1942 г. Заболел он в ходе боев за переправу через реку Волхов. За проявленное мужество он был награжден орденом Красной Звезды. Леонид Кучма каждый год 9 Мая навещает могилу отца. В 2008 г., уже будучи экс-президентом, Леонид Кучма оставил запись в памятной книге: «С каждым годом дорогих нашему сердцу ветеранов становится все меньше. С любовью к ним и благодарностью большой. Низкий Вам поклон, и глубокая память тем, кто лежит в этой священной земле» [16].

Будучи действующим президентом Украины, Л. Кучма позволял себе более политизированные высказывания. Так, в 2004 г., посещая вместе с А. Лукашенко и В. Путиным мемориальный комплекс Хатынь, он произнес следующую фразу: «Давайте у этого священного огня [Вечного огня на мемориальном комплексе Хатынь] мысленно поклянемся, что будем делать все от нас зависящее, чтобы не повторились Хатыни, голодоморы и концлагеря» [6]. Таким образом,

не называя виновных в голодоморе, он подчеркивает равнозначность жертв коммунистического и нацистского террора.

Интересно, что Виктор Ющенко 23 января 2005 г. в речи на Площади Независимости, произнесенной после успешных выборов и «оранжевой революции», обращается к своей личной истории войны и проводит аналогичные параллели: «Низкий поклон за науку моему отцу, Ющенко Андрею Андреевичу, учителю из маленького сумского села Хоруживка, узнику Освенцима, Бухенвальда, Дахау. ...в этот день вспомним героев, которые полегли за победу: мучеников Освенцимов и ГУЛАГов, жертв голодоморов, депортаций и холокоста» [18]. В этом выступлении отец президента предстает как жертва и это солидаризирует Ющенко с большей частью народа Украины. Еще до выборов, в 2004 г., во многих украинских газетах под шапкой «На правах рекламы» появилась статья «Узник № 11367», посвященная Андрею Ющенко, в которой он предстает как мужественный узник нацистских концлагерей, совершивший семь побегов [14]. Данная публикация стремилась создать будущему президенту имидж «сына узника», что было бы положительно воспринято как электоратом, так и западными политиками. Понятно, что Ющенко никоим образом не мог говорить хорошо о германском нашествии.

Тем не менее в годы президентства В. Ющенко прозападный вектор внешнеполитической стратегии страны привел к еще большему идеологическому и историческому разрыву с советским прошлым Украины. Здесь Ющенко действует как бы от противного: то, что почиталось в советские годы, им отвергается, появляются новые термины, враги, герои и памятники. Термин «Великая Отечественная война» исчезает из школьных учебников. Его место занимает определение «Вторая мировая война» [5]. Указом президента Украины В. Ющенко звание Героя Украины было присвоено в 2007 г. Роману Шухевичу — командующему Украинской повстанческой армией (УПА), в память о нем выпущены марка, монета и установлен ряд памятников. В 2010 г. указом Ющенко звание Героя Украины также было присвоено Степану Бандере, лидеру Организации украинских националистов (ОУН), как и Шухевич, известному своим коллаборационизмом и массовыми расстрелами евреев и коммунистов. Ющенко сделал это перед самым уходом с должности, прекрасно осознавая, что большой политической выгоды этот указ ему не принесет: «Это не политический ход — на Бандере (политических очков. — А. Л.) не заработаешь. Нужно было совершить поступок, и я его совершил», — сказал он в программе «Большая политика с Евгением Киселевым» на телеканале «Интер» [1].

Такой поступок можно совершить только имея глубокие внутренние убеждения. Их истоки многие политические наблюдатели и исследователи усматривают в домашнем воспитании будущего президента В. Ющенко. Большой резонанс получила книга израильского исследователя Ю. Вильнера, в которой автор доказывает, что в годы войны Андрей Ющенко мог быть лагерным полицаем и нацистским осведомителем. Эта книга начинается характерным эпиграфом: «В нашей семье ежедневно пили хороший кофе, к которому папа пристрастился в плену» — из интервью Петра Ющенко [2]. Так или иначе, но отношение к существующей тогда советской власти у Андрея Ющенко было

сложным, и оно вполне могло передаться сыну, трансформировавшись в новые формы.

Подобную реакцию на события Великой Отечественной войны можно наблюдать и у нынешнего исполняющего обязанности президента Молдавии Михая Гимпу, который отказался участвовать в Параде Победы в Москве 9 мая 2010 г.: «Меня ничего не связывает с Москвой. Туда едут лишь победители, что делать там побежденным? ...я согласен с тем, что исполняется 65 лет со дня окончания Второй мировой войны, но я не могу забыть несчастья, депортации, голод, через которые прошли граждане Республики Молдова во время Советского Союза» [3]. То, что М. Гимпу ассоциирует себя и свой народ с побежденными, можно объяснить также влиянием семьи. По некоторым данным, его отец в годы Великой Отечественной служил в румынской армии Антонеску [10], а его родной брат Георге был диссидентом и отбывал свой срок в Сибири в 1970-е гг. [15].

В новых независимых государствах, переживших трагический опыт внутренних вооруженных конфликтов, героическое прошлое Великой Отечественной часто связывается и переплетается с современностью. В Армении и Азербайджане не ставят под сомнение героическое прошлое Великой Отечественной. Это вполне объяснимо в том числе и тем, что президент Азербайджана Г. Алиев в ней участвовал лично, поступив тогда в органы НКВД и осуществляя сложную работу на территории Азербайджана и Ирана. Его речи перед ветеранами всегда отличались особой душевностью: «В Великой Отечественной войне от Азербайджана участвовало около 600 тыс. людей. Из них 300 тыс. граждан Азербайджана погибли на войне, не вернулись. Героические сыны Азербайджана проявили отвагу в Великой Отечественной войне, продемонстрировали миру героизм нашего народа, и в победе над германским фашизмом есть большая доля и азербайджанского народа» [13]. Современная политика требует связать победу с независимостью страны: «Мы счастливы, что прожили эти пятьдесят три года после окончания такой страшной войны, и азербайджанский народ за эти годы, пройдя сквозь большие испытания, наконец добился своей национальной свободы, государственной независимости и сейчас самостоятельно решает свою судьбу» [Там же]. В своем обращении Г. Алиев в одном ряду с участниками Великой Отечественной упоминает шехидов Азербайджана — борцов за независимость страны (как правило, это погибшие в ходе армяно-азербайджанского конфликта): «Особо поздравляю ветеранов войны, труда. Желая им долгих лет жизни, здоровья. Особо поздравляю с этим праздником участников, ветеранов Отечественной войны, семьи шехидов Азербайджана» [9].

В Армении параллели между этими двумя войнами порой проводятся даже более зримо. Президент Армении Серж Саргсян недавно в послании к народу по случаю праздника Победы и Мира, который в этой стране отмечают 9 мая, сказал: «Волею судьбы в 1992 г. в тот же самый день армянская история зафиксировала новую победу. Освобождение Шуши принесло славу и честь отважным армянским воинам. Это был наш ответ тем, кто развязал против нашего народа этнические чистки, погромы и войну. Армянский народ отныне полон решимости жить свободно и не допускать применения против себя ника-

кого насилия» [17]. Сама значимость победы 1945 г. для страны и армянского народа не подвергается сомнению его лидером. В интервью каналу «Россия 24» он заявил: «И я горжусь тем, что сводным полком командовал тогда генерал армии, а потом маршал Баграмян» [11].

А. Г. Лукашенко, хоть и воспроизводит в своих выступлениях советскую риторику с присущими ей шаблонами и схемами, начинает вплетать тематику ВОВ в современную политико-экономическую конъюнктуру. В качестве примера можно привести сюжет, связанный с обострением газового конфликта России и Белоруссии в июне 2010 г. Лукашенко в специальном письме подчеркивает: «Большим шоком для белорусов стало то, что срок действия ультиматума и начало “газовой” блокады были назначены на 21 июня — в канун 69-летия со дня начала операции по порабощению советского народа гитлеровскими захватчиками». Поведение России Лукашенко называет «оскорблением нации и предательством исторической памяти» [7].

Лидеры центрально-азиатских государств в целом почтительно относятся к памяти о Великой Отечественной. Даже изоляционистски настроенный президент Туркменистана Сапармурат Ниязов (Туркменбаши) сохранил этот термин. Согласно официальной биографии, его отец погиб на этой войне.

Почти во всех государствах постсоветской Центральной Азии сохранился и праздник Победы. В своих выступлениях руководители особое внимание обращают на тяжесть войны, понесенные жертвы, подчеркивая тем самым вклад их народа в победу над мировым злом — фашизмом. Так, в 2006 г. Туркменбаши заявил: «Та война вошла в историю как самая кровавая, с самым большим числом человеческих потерь. Вместе с другими братскими народами на борьбу с проклятым фашизмом встали и туркмены. В нашей стране вы не найдете ни одной семьи, которой бы не коснулось черное крыло этой безумной войны. ...на полях сражений Великой Отечественной войны погибли 740 тыс. туркменских воинов, десятки тысяч вернулись домой инвалидами. Воздавая должное мужеству и беспримерной отваге, отдавая дань уважения героическим защитникам Отечества, для потомков мы издали “Книгу памяти”, в которой прослеживается их боевой путь. Погибшим на войне землякам мы присвоили высокое звание Национальных Героев Туркменистана» [8].

Вероятно, таким образом демонстрируется вхождение каждого конкретного народа в мировую семью прогрессивных наций, победивших фашизм. Это важный элемент самоидентификации народа.

Узбекистан под руководством Ислама Каримова «шагнул дальше» в переосмыслении исторического прошлого, дистанцируясь от России. Определение «Великая Отечественная война», как и в Украине, начало заменяться Второй мировой войной, а праздник 9 Мая в 1999 г. был переименован в День памяти и почестей. Примечательно, что это решение было принято именно в год вступления страны в антироссийский блок ГУАМ.

Этим жестом Каримов попытался прервать советскую традицию празднования и обратиться к истокам в более архаичных пластах прошлого. Он сформулировал это так: «Ныне с уверенностью можно сказать: эта дата, получившая столь символичное название в нашей стране, стала общенародным праздником,

доброй традицией. Понятия памяти и почестей отвечают нашим вековым национальным ценностям, доставшимся нам в наследие от предков. Обращение к памяти ушедших, воздаяние им почестей — это наша святая традиция, живущая в нашей крови» [12]. Говоря о событиях той войны, президент Узбекистана апеллирует, прежде всего, к ценностям народа и каждого конкретного жителя. Перечислив проценты и цифры жертв войны в Узбекистане, он подчеркивает: «Все мы прекрасно понимаем, что столько жертв и потерь наш народ понес ради освобождения Родины от фашизма, фашистского порабощения. Я убежден в том, что наши отцы отдали свои жизни в жестоких боях не за освобождение какой-то безымянной высоты и водружение на ней красного знамени, а прежде всего за своих близких — отца и мать, детей, любимую, за их будущее и мирную жизнь» [Там же].

Таким образом, Великая Отечественная война сохраняет роль консолидирующего элемента в созидании национальной идентичности новых независимых государств, поскольку символизирует борьбу с общим мировым злом — фашизмом. Это позволяет поставить свой народ в один ряд с современными процветающими демократическими государствами.

Вместе с тем современная политическая конъюнктура зачастую склоняет национальных лидеров к неожиданным интерпретациям исторического прошлого, принуждая делать выбор между восточным и западным фронтом преемников «Большой тройки».

---

1. Виктор Ющенко присвоил Бандере звание Героя Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://krsk.sibnovosti.ru/politics/96196-viktor-yuschenko-prisvoil-bandere-zvanie-geroia-ukrainy>

2. *Вильнер Ю.* Андрей Ющенко: персонаж и «легенда» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kpunews.com/ushenko.doc>

3. Врио президента Молдавии не приедет на Парад Победы в Москве [Электронный ресурс]. URL: http://rian.ru/victory_news/20100424/226310495.html

4. *Корж Г.* Леонид Кучма. Настоящая биография второго Президента Украины [Электронный ресурс]. URL: <http://www.territa.ru/load/0-0-1-1600-20>

5. *Кульчицкий С. В., Шаповал Ю. I.* Новітня історія України (1939–2001). Київ, 2005.

6. Кучма, Путин и Лукашенко отмечают годовщину освобождения Белоруссии [Электронный ресурс]. URL: <http://bayki.com/info/413>

7. Лукашенко связал долги с Великой Отечественной [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mk.ru/politics/article/2010/07/01/513685-lukashenko-svyazal-dolgi-s-velikoy-otechestvennoy.html>

8. *Мусаев О.* Сапармурат Туркменбаши Великий — творец Конституции независимого, постоянно нейтрального Туркменистана [Электронный ресурс]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1147854480>

9. Обращение Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева к нашему народу по Азербайджанскому телевидению — 9 мая 1999 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.aliyev-heritage.org/ru/5858429.html>

10. *Полянский М.* А на следующий день была освобождена вся Молдавия [Электронный ресурс]. URL: http://poleanskii.wordpress.com/2009/09/14/colonitsa_ghimpu/

11. Президент Армении: «Участие в Параде Победы в Москве высокая честь и ответственность» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vanadzor.ru/news/?page=43&year=2010>

12. Президент Узбекистана поздравил ветеранов и соотечественников с Днем памяти и почестей [Электронный ресурс]. URL: <http://www.uzinform.org/ru/news/20100509/03840.html>
13. Речь Президента Азербайджанской Республики Гейдара Алиева на торжественной церемонии в связи с 53-й годовщиной победы над фашизмом в Великой Отечественной войне — во Второй мировой войне — 9 мая 1998 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.aliyev-heritage.org/ru/6313269.html>
14. *Савчук В.* Узник № 11367 [Электронный ресурс]. URL: <http://gazeta.sebastopol.ua/2004/09/uznik.shtml>
15. *Святченко И.* Крестьянский интеллигент [Электронный ресурс]. URL: <http://www.moldovanova.md/ru/publications/show/235/>
16. Сергей Митин и Леонид Кучма почтили память павших героев [Электронный ресурс]. URL: <http://region.adm.nov.ru/news/press/5915/>
17. Серж Саргсян: «Мы гордимся нашими победами!» [Электронный ресурс]. URL: <http://sngdaily.ru/2010/05/11/serzh-sargsyan-my-gordimsya-nashimi-pobedami.html>
18. В. Ющенко. Инаугурационная речь [Электронный ресурс]. URL: <http://censor.net.ua/go/offer/ResourceID/7251>

УДК 94(100)“1939/45” + 327.51 + 355.01

А. В. Михайленко

**«ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ» МУССОЛИНИ
В ЗАПИСЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО ДНЕВНИКА
ВЕРХОВНОГО КОМАНДОВАНИЯ (11 ИЮНЯ — 31 АВГУСТА 1940 г.)**

Рассматриваются основные этапы разработки «параллельной стратегии» Италии и Германии в начальный период Второй мировой войны (лето 1940).

Ключевые слова: итало-германские отношения, лето 1940 г., параллельная стратегия, раздел влияния в Северной Африке и на Балканах.

В статье впервые в отечественной историографии вводятся в научный оборот записи из «Исторического дневника Верховного командования» [2, 3]. Документы были обработаны и подготовлены к печати в 80-х гг. XX в. историческим отделом Генерального штаба сухопутных сил Италии. В «Историческом дневнике Верховного командования» события войны прослеживаются день за днем, включая важные и второстепенные, с главных фронтов и с второстепенных участков военных действий. В нем зафиксированы важнейшие встречи на уровне Верховного командования (ВК), деятельность Генерального штаба, итало-германские отношения. Издание разделено на две части. Первую составляет собственно дневник. Во второй части опубликованы «Приложения», представляющие собой расположенные в хронологическом порядке документы. Кроме того, в статье используются некоторые материалы из первого тома «Записей

МИХАЙЛЕНКО Андрей Валерьевич — соискатель кафедры регионоведения России и стран СНГ Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: valeri.mikhailenko@usu.ru).

© Михайленко А. В., 2011

заседаний начальника Генерального штаба». В них приведены стенограммы четырех важнейших заседаний, проходивших с 25 июня по 26 августа 1940 г. [5].

После разгрома Франции нацистская Германия принялась расширять зоны своего экономического и политического влияния практически по всем направлениям. Итало-фашистское руководство особенно было обеспокоено усилением германского влияния в Юго-Восточной Европе, на Балканах и в Западном Средиземноморье. Основную опасность оно ощущало со стороны Германии, а не западных союзников. Первый из них, Франция, уже капитулировал. А в поражении второго, Великобритании, правящие круги Италии не сомневались. Объявив войну Англии и Франции, итало-фашистское руководство приступило к реализации своих планов «параллельных» действий в Юго-Восточной Европе и в Средиземноморье. Как пишет итальянский военный историк А. Сантони, вступление Италии в войну не изменило намерения ее руководства действовать «параллельно» Германии [4].

11 июня 1940 г. начальник Генерального штаба маршал Пьетро Бадольо записал в своем официальном военном дневнике: «Направить в Германию Ротта и Фавагросса для ведения переговоров о поставках сырья» [2, 6]. Другое предложение о направлении в Германию 4–6 полков берсальер для участия в военных действиях на французском фронте не получило поддержки из-за слабой подготовленности итальянских войск. В конечном итоге ограничились решением направить полностью укомплектованную моторизованную дивизию [Там же].

12 июня Бадольо записал в военном дневнике, что Дуче дал поручение А. Джаннини обсудить с немецким министром Клодиусом поставки сырья, используемого для производства самолетов и снарядов для артиллерии [Там же, 10]. С 15 по 18 июня в Риме прошло заседание итало-германской экономической комиссии, на котором был принят пятый секретный протокол о торговле и экономическом сотрудничестве. В связи с вступлением Италии в войну германская сторона обязалась увеличить поставки в Италию важного стратегического сырья и материалов.

17 июня поступает сообщение о падении правительства Франции и приходе к власти маршала Петэна. Бадольо отмечает в дневнике, что получил распоряжение Муссолини начать наступление на западном фронте [Там же, 31].

18 июня в военном дневнике зафиксировано мнение маршала Бальбо об итальянских войсках, концентрирующих свои силы с тем, чтобы перейти в наступление на востоке при первой возможности [Там же, 36]. В приложении к историческому дневнику приведено письмо Верховного командующего вооруженными силами в Северной Африке маршала Бальбо, в котором он пишет о плачевном состоянии итальянских войск, по многим параметрам уступающих британским, в частности, осадные танки вооружены только пулеметами, а толщина их брони такова, что ее с легкостью пробивают британские пулеметы; противотанковые орудия устарели, новые поставляются с чудовищными дефектами. Впечатление такое, продолжает Бальбо, словно собираемся сражаться «телами против железа». «Теперь, когда война во Франции завершается, нельзя ли попросить у немцев пять десятков их потрясающих танков и тех же

бронированных машин?» По мнению маршала Бальбо, они могли бы составить «стальной кулак» при наступлении на Египет. «Наше наступление могло бы развиваться одновременно с атакой (Германии. — А. М.) против Великобритании; ливийско-египетский фронт является единственным в мире, где англичане не могут быть атакованы напрямую, с достижением цели первого порядка — Суэцкого канала...» Чтобы его слова не были восприняты как отход от концепции «параллельной войны», маршал Бальбо добавляет, что «мы просим небольшую помощь материалами, а не людьми...». В заключение он просил маршала Бадольо информировать Дуче об этом письме [3, 226].

25 июня в историческом дневнике появляется запись: «Наконец сообщается о предстоящем участии германских воздушных сил (только летательных аппаратов), запрошенных Дуче у Фюрера» [2, 78].

25 июня состоялось заседание Генерального штаба под председательством его начальника маршала Бадольо. Среди присутствовавших были командующие всех родов войск. Заседание открылось в 15 ч 40 мин и завершилось в 16 ч 15 мин. По предложению Бадольо, прежде всего было рассмотрено «два вопроса ограниченной важности: Гибралтар и Мальта». Что касается Гибралтара, отметил Бадольо, нам необходимо добиваться от испанцев поддержки не только горючим, но и поставками бомб. Генерал Ф. Приколо (военно-воздушные силы) доложил: «Уже сделано. Испанцы могут предоставить нам бомбы на три-четыре акции». Бадольо отметил, что поскольку Гибралтар является узким проливом, его можно легко блокировать крупной мишенью, особенно если совершить налет рано утром. Приколо заметил, что максимум через два-три дня можно осуществить эту акцию.

Затем Бадольо перешел к обсуждению второго вопроса, касающегося Мальты. Необходимо добиться «стерилизации» Мальты. Обращение к «общим проблемам» он начал с констатации того, что подписание перемирия с Францией является выгодным для Италии. «Наш театр войны смещается. Дуче, которому сегодня я представил меморандум, заметил, что “мы подождем два или три дня, чтобы посмотреть, как будут развиваться события”». Далее следует запись в дневнике: «На севере более нечего опасаться, наиболее беспокоящими становятся районы Сицилии, Сардинии, Калабрии и Неаполя. Противовоздушные средства, включая немецкие батареи “88” (калибр. — А. М.), сконцентрированы в районах Кальяри, Палермо, Сассари, Трапани. Наш основной театр войны перенесен из Италии в Ливию. По распоряжению Дуче устанавливаются более тесные отношения между отдельными родами войск. Направление Туниса не рассматривается, операции планируются в основном в восточном направлении. Я написал сегодня Бальбо, что в течение месяца он получит затребованные материалы. Я посоветовал ему, прежде всего, обеспечить безопасность портов. Генеральному штабу поручено разработать планы наступления на Египет. Это сложнейшая проблема. Чтобы достичь Марса Матрук, необходимо преодолеть 220 км по пескам. В любом случае необходимо повысить боеготовность нашей Северной Африки. Приколо заметил, что отправка самолетов в Северную Африку находится в зависимости от обустроенности аэродромов и складов горючего и боеприпасов. Каваньяри (военно-морские силы. — А. М.) обратил внимание

на недостаточную мобилизацию судов для реализации задачи перевозки материалов в Северную Африку». Затем Бадольо коснулся положения в итальянской Восточной Африке, отметив прежде всего нехватку резины и горючего. Он информировал о начале переговоров с Японией для пополнения запасов в этом районе, о том, что на Эгейских островах ситуация неплохая и можно ограничиться направлением 18 самолетов S. 79, которые с аэродрома на острове Родосе могут достичь египетской Александрии. В заключение Бадольо вновь отметил первостепенное значение двух целей: Мальта и Гибралтар. Приколол выразил надежду на поставки немецких самолетов *Stukas*, но без немецких пилотов [2, 62–66].

Анализ последующих записей в историческом дневнике свидетельствует о том, что итальянское военное командование было озабочено подготовкой наступления из Ливии на Египет, ограниченными морскими сражениями в Средиземном море, разведывательными полетами в итальянской Северной и Восточной Африке, над греческими островами, Гибралтаром. Из Берлина поступали сообщения о скорой высадке немцев на Британских островах. 26 июня в историческом дневнике появляется запись о гибели Верховного главнокомандующего в Северной Африке маршала Бальбо и назначении на его место маршала Р. Грациани [Там же, 85]. Появление этой записи является необъяснимым, поскольку 28 июня появилось сообщение о том, что «сегодня, 28 июня, в 17 часов в небе над Тобруком во время бомбежки англичанами аэродрома был сбит огнем нашей противовоздушной обороны возвращавшийся из инспекционного полета самолет маршала Бальбо. Объятый пламенем самолет вместе с маршалом Бальбо, сопровождающими его лицами и экипажем рухнул на землю, все погибли» [Там же, 93].

После провала попыток заключить мир с Англией Гитлер принял решение любой ценой заставить Лондон капитулировать. 30 июня 1940 г. начальник штаба оперативного управления вермахта генерал Йодль представил Гитлеру свои предложения о «продолжении войны против Англии», в которых говорилось: «Если политические средства не приведут к цели, нужно сломить волю Англии к сопротивлению с помощью силы: а) путем борьбы с английской метрополией, б) путем распространения войны на периферию» [1, 116]. Германская сторона считала, что наиболее эффективное значение могло бы иметь итальянское наступление на Суэцкий канал, который в сочетании с Гибралтаром замыкает Средиземное море. Как пишет И. Н. Чемпалов, предложения генерала Йодля о продолжении войны против Англии были одобрены Гитлером, после чего они превратились «в основу всех дальнейших планов и действий гитлеровского военного руководства против Англии», при этом следует иметь в виду, что «свою стратегию и политику в отношении Англии гитлеровская клика строила с учетом принятого ею главного стратегического решения о нападении на СССР» [Там же, 117].

2 июля в историческом дневнике появляется запись о том, что маршал Бадольо выразил озабоченность в связи с «постоянно нестабильной обстановкой на Балканах и приистекающих из этого трудностей сохранить мир в этом секторе» [Там же, 111]. Этим же днем датируется запись об обсуждении

в Генеральном штабе вопросов бомбардировок Мальты, Гибралтара, Александрии, Хайфы. Военное руководство с сожалением констатирует отказ Испании предоставить свою территорию для базирования итальянских самолетов. В связи с позицией Испании было принято решение воздержаться от каких-либо действий в отношении Гибралтара [2, 112]. Командующий военно-воздушными силами Приколо сообщил, что 20 самолетов уже были направлены в Испанию. Генерал Бономи добился личной встречи с Франко. Однако, отмечалось в дневнике, приходится считаться с тем, что испанскую территорию невозможно использовать как для постоянных аэродромов, так и для временных. При изучении возможностей бомбардировки Александрии не исключался вариант приземления итальянских самолетов в Сирии [5, 61–71].

6 июля начальник Генерального штаба зафиксировал в историческом дневнике: «Дуче сообщил мне, что в случае, если англичане оккупируют греческие острова, необходимо быть готовыми к нападению на Грецию из Албании» [2, 141].

9 июля в историческом дневнике было записано, что германский представитель в комиссии по перемирию с Францией обратился к итальянскому коллеге с вопросом: «Не будет ли итальянская сторона возражать, если Германия обратится к Франции относительно использования ее баз воздушной поддержки в зоне Касабланки и Орана (по 6 баз в каждой зоне) и примыкающих к ним портов и железной дороги Тунис — Рабат для осуществления поставок на эти базы». Далее в документе отмечается, что «германская комиссия хотела бы знать об итальянских запросах в связи с вышесказанным» [Там же, 160].

7 июля в Берлине состоялись переговоры между Гитлером и итальянским министром иностранных дел Г. Чиано, в ходе которых германская сторона предложила выработать концепцию совместных действий против Великобритании, прежде всего в бассейне Средиземного моря [1, 122].

Итальянская сторона сообщила о том, что между 20 и 30 июля намечается начать из Ливии наступление на Каир с целью установления итальянского контроля над Египтом и Суэцким каналом. При обсуждении положения на Средиземном море Чиано заявил, что англичане ведут себя в греческих территориальных водах, как у себя дома. Если англичане создадут на острове Корфу военно-воздушную базу, то возникнет угроза даже для промышленных городов Северной Италии, поэтому итальянское правительство считает необходимым оккупировать Корфу и некоторые другие острова в Ионическом море. Еще более важно оккупировать Югославию. Дуче считает, что югославский вопрос следует решить в течение месяца. Югославия и Адриатическое море должны войти в итальянскую сферу влияния, «подобно тому, как Румыния и Черное море входят в сферу германских интересов». Таким образом, Чиано предложил поделить Балканы, а также Черное и Адриатическое моря на сферы влияния между державами оси.

Гитлер заявил в ответ, что считает все Средиземное море, включая Адриатическое море, сферой итальянских интересов, но югославская проблема может быть решена лишь после того, как наступит подходящий момент. В случае нападения Италии на Югославию Венгрия немедленно атакует Румынию, тогда конфликт может охватить весь Балканский полуостров; в него также могут

вмешаться Англия и СССР. Поэтому пока продолжается война с Англией, надо избегать возникновения большого конфликта на Балканах. Чиано согласился отложить обсуждение югославского вопроса, он указал, что окончательное решение этого вопроса должен принять Дуче. Во всяком случае, Югославия не должна иметь «права голоса в новой Европе», которая будет создана державами оси. Югославский вопрос должен быть решен в конечном счете «по-итальянски» [1, 122].

10 июля сообщается об обсуждении в Генеральном штабе сухопутных сил меморандума относительно нападения на Югославию при первом удобном случае [2, 166]. В тот же день Бадольо записал в дневнике, что министр иностранных дел Чиано сообщил из Берлина о полной решимости немецкой стороны нанести поражение Великобритании. Способ ведения войны пока не определен. В любом случае речь идет о завершении войны в октябре 1940 г. [Там же, 168]. Тем не менее в разговоре с начальником Генерального штаба Бадольо Муссолини выразил сомнение относительно германской высадки на Британских островах из-за сложности этого предприятия [Там же, 173].

С 13 по 31 июля 1940 г. Гитлер провел ряд совещаний с руководителями вермахта, на которых, кроме ранее поставленных гитлеровским военным руководством двух стратегических целей — разбить Англию и уничтожить СССР, обсуждались также положение на Балканах и вопрос о сотрудничестве с Италией в Средиземном море и Северной Африке [1, 138].

С середины июля 1940 г. центр тяжести германских усилий в борьбе против Англии стал все больше и больше перемещаться на периферию, гитлеровцы стремились проложить себе путь через Балканы к Средиземному морю и на Ближний Восток [Там же, 140].

27 июля Бадольо записал, что по информации военного атташе в Берлине Маррасса Германия через 4–5 дней начнет действия против Великобритании и спустя шесть недель вступит на Британские острова [2, 270].

31 июля 1940 г. Гитлер высказал своим генералам идею военной интервенции в Средиземноморье с целью сковать британские силы. Основной мишенью германского руководства являлись Гибралтар и Суэцкий канал [4, 14–15].

6 августа Бадольо записал в дневнике, что маршалу Грациани был отдан приказ подготовиться к наступлению в направлении Сиди эль Баррани с последующим продвижением в направлении Марса Матрук. По информации, полученной им непосредственно от Муссолини, немцы должны напасть на Великобританию 10 или 12 августа [2, 160]. При этом Муссолини не исключал возможности достижения компромиссного мира между Лондоном и Берлином в ходе переговоров, осуществлявшихся через Швецию. Одновременно итальянское командование продолжило военные приготовления на границе с Югославией [Там же, 340]. 11 августа Бадольо зафиксировал в историческом дневнике распоряжение Дуче быть готовым к 20 сентября к наступлению на востоке [Там же, 361].

13 августа во время встречи с Йодлем и Кейтелем Гитлер предложил втянуть Испанию в военный конфликт и подтолкнуть Муссолини к наступлению в направлении египетской Александрии [4, 14–15]. В августе в Берлине были разработаны планы направления в Ливию немецкого танкового корпуса.

Поскольку Гитлер к этому времени принял решение о нападении на Советский Союз, военные операции рассматривались им в данный период как второстепенное направление действий, имевшее целью оказание постоянного давления на Великобританию [4, 15].

13 августа поступило сообщение от военного атташе в Берлине о том, что Кейтель рассматривает воздушные налеты на Великобританию в тесной связи с предстоящим итальянским наступлением на Египет и независимо от большого выступления против Великобритании [2, 371].

Тем не менее в середине августа 1940 г. верховное командование итальянских вооруженных сил возобновило подготовку к нападению на Югославию и Грецию. 17 августа Риббентроп предупредил итальянского посла Альфиери о том, что Италия должна воздержаться от нападения на Югославию и Грецию, так как необходимо сосредоточить все силы на борьбе против Англии. Под давлением Германии правительство Муссолини вынуждено было отложить приказ о подготовке нападения на Югославию и Грецию. Во второй половине августа 1940 г. Верховное командование вермахта стало настойчиво добиваться согласия правительства Муссолини на отправку в Ливию одного германского танкового корпуса для «поддержки» итальянского наступления на Египет [1, 145].

16 августа маршал Бадольо записал информацию о встрече с немецким военным атташе в Риме генералом фон Ринтеленем. Последний заявил, что в германском Генеральном штабе не уверены в необходимости устанавливать контакты с итальянскими коллегами по поводу согласования действий против Югославии, поскольку на политическом уровне вопрос об отношении к ней не решен. Бадольо пояснил, что речь идет только об ориентировочном изучении вопроса на случай возникновения соответствующей ситуации [2, 390]. Венгерское руководство ставило свое участие в антиюгославской кампании в зависимость от благожелательной позиции Германии [Там же, 411].

17 августа итальянский военный атташе в Берлине сообщил, что в связи с плохими погодными условиями германские операции против Великобритании откладываются, в Берлине рассчитывают на благоприятный погодный период до 15 октября [Там же, 395, 402].

Тем временем маршал Грациани продолжал планировать наступление на Египет [Там же, 405]. 20 августа Бадольо обсудил с Муссолини ситуацию вокруг Югославии и Греции. Дуче дал понять, что операцию против Югославии он не рассматривает в качестве первостепенной задачи и следует сосредоточиться на подготовке нападения на Грецию [Там же, 411].

21 августа маршал Бадольо записал в дневнике об информации, полученной Маррасом после беседы с Кейтелем: «1. Немцы делают ставку на достижение мира с Великобританией; 2. Не начнут операцию до тех пор, пока не убедятся в ее успехе; 3. Если решатся на военную операцию, то не остановятся, пока Великобритания не будет разбита». Затем в дневник была занесена запись о переговорах с немецким генералом Кейтелем, который рекомендовал «не предпринимать никаких проектов против Югославии, чтобы не провоцировать какие-либо потрясения на Балканах, откуда Германия получает сырье,

и чтобы избежать провоцирование Великобритании на создание в этом регионе баз, особенно военно-воздушных» [2, 417].

На следующий день Муссолини приказал Бадольо отложить в сторону балканские проекты и сосредоточить все усилия на Киренаике [Там же, 421].

23 августа в дневник была занесена следующая запись маршала Бадольо: «Я принял генерала фон Ринтелена, направляющегося в Берлин, которому я поручил информировать маршала Кейтеля о том, что

- 1) Италия не предпримет инициативы против Югославии и Греции;
- 2) будет продолжать осуществлять контроль над Средиземным морем;
- 3) маршал Грациани начнет наступление в тот же день, как только поступит сообщение о высадке в Англии;

- 4) в конце месяца будут отозваны все требования к французам, чтобы принять целостную концепцию перемирия;

- 5) в Итальянской Восточной Африке наступит передышка, чтобы не доводить ресурсы до полного истощения» [Там же, 427].

26 июля в историческом дневнике появилась информация относительно стратегической директивы Муссолини, которая предусматривала оккупацию острова Корфу, усиление итальянского присутствия на восточном фронте в Албании, куда должны быть направлены 9–10 дополнительных дивизий с тем, чтобы завершить дислокацию к первому октября [Там же, 443].

26 августа на заседании Генерального штаба обсуждался вопрос о поставках стратегических материалов на Эгейские острова. Было принято решение срочно направить недостающие материалы, используя подводные лодки и самолеты. Не исключался вариант приобретения румынского бензина через Грецию [3, 78–79].

28 августа Дуче дал знать, что, несмотря на задержку с высадкой немцев в Англии, он принял решение начать наступление в Северной Африке [2, 457]. Все должно быть готово в конце первой декады следующего месяца [Там же, 461].

29 августа Бадольо записал в дневнике, что Дуче предоставил ему возможность ознакомиться с телеграммой Чиано из Зальцбурга, где тот встречался с Гитлером. У Чиано сложилось впечатление, что немецкая сторона намерена завершить войну до конца текущего года [Там же, 463].

31 августа маршал Бадольо записал основные пункты его письма маршалу Кейтелю, в котором, прежде всего, отмечал, что «операции в Египте не будут такими уж легкими» [Там же, 474]. Однако предложение Гитлера направить две германские танковые дивизии и авиационные соединения в качестве поддержки было отклонено под тем предлогом, что итальянская армия и так имеет численное превосходство над противником [4, 6].

Таким образом, в рассматриваемый период обе стороны скрывали друг от друга свои военные стратегические планы. Италия стремилась не допустить германское проникновение в ее сферу влияния, затягивая ответы или напрямую отказываясь от германского присутствия в Северной Африке. Параллельно итальянское руководство готовило планы вторжения на Балканы, стремились активизировать свое присутствие в Восточном Средиземноморье и Восточной Африке.

---

1. *Чемпалов И. Н.* Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (июнь — сентябрь 1940 г.) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Свердловск, 1979.
2. *Diario Storico del Comando Supremo. Vol. 1 : 11.6.1940–31.8.1940, T. 1 : Diario / a cura di A. Biagini e F. Frattolillo. Roma, 1986.*
3. *Diario Storico del Comando Suremo. Vol. 1 : 11.6.1940–31.8.1940, T. 2 : Allegati / a cura di A. Biagini e F. Frattolillo. Roma, 1986.*
4. *Santoni A.* L'operativita' dell'alleanza italo-tedesca nella Guerra aeronavale del Mediterraneo (1940–1943). Машинописная копия статьи предоставлена автором В. И. Михайленко.
5. *Verbali delle riunioni tenute dal Capo di SM Generale. Vol. 1 : 26.01.1939–29.12.1940. Roma, 1982.*

УДК 631(470) + 94(470)“1941/1945”

В. П. Мотревич

ВКЛАД СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИК СОЮЗА ССР И РЕГИОНОВ РСФСР В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Рассматривается вклад регионов бывшего Союза ССР в достижение победы над гитлеровской Германией. Автор впервые анализирует сопоставимость статистики о развитии сельского хозяйства в различных республиках СССР.

Ключевые слова: сельское хозяйство, номенклатура продукции, статистические источники.

Одной из неисследованных проблем Великой Отечественной войны является проблема вклада регионов бывшего Союза ССР в победу. Данная проблема давно интересовала историков. Если взять такой жанр, как история отдельных областей и республик, то в ней имеются разделы, посвященные периоду Великой Отечественной войны, и приводятся многочисленные данные о том, кто, сколько произвел металла, автомобилей, танков, сколько получил зерна, картофеля и т. д. Но суть в том, что вся номенклатура производимой в сельском хозяйстве продукции составляет тысячи наименований, приводимых в натуральных показателях. Одна область выпустила больше танков, а другая вырастила больше зерна. И закономерно встает вопрос: а как сопоставить полученные результаты?

Как известно, валовая продукция сельского хозяйства определяется в натуральных показателях и в стоимостной форме. Основным методом учета продукции является ее натуральное измерение в физических единицах. Однако нельзя ограничиваться только этим. Во-первых, разнообразие продуктов не позволяет суммировать результаты производства. Во-вторых, наряду с готовой

МОТРЕВИЧ Владимир Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии, Екатеринбург (e-mail: motrevitch@isnet.ru).

© Мотревич В. П., 2011

продукцией следует учитывать и незавершенное производство. Поэтому в статистике сельского хозяйства важная роль отведена стоимостным показателям. Органы статистики рассчитывали стоимость валовой продукции сельского хозяйства по областям, краям и республикам Союза ССР и по Союзу в целом. При исчислении продукции в стоимостном выражении ее оценка производилась в текущих и сопоставимых ценах. Первые служили для установления стоимости валовой продукции за тот или иной календарный год, вторые были нужны для того, чтобы показать динамику развития сельскохозяйственного производства. При этом в разные годы применялись разные цены. До 1951 г. в СССР базовыми ценами для определения стоимости производимой сельскохозяйственной продукции являлись цены 1926–1927 гг.

Следует отметить, что материалы сельскохозяйственной статистики имеют многочисленные недостатки. В частности, колхозная продукция реализовывалась по разным ценам: заготовительным, контрактационным, рыночным. Кроме того, с 1935 по 1953 г. статистика урожаев определялась по так называемой видовой урожайности. Это означало, что валовой сбор урожая устанавливался не по фактическому сбору, а по его видовой оценке на корню. В итоге при определении так называемого «биологического» урожая реальный объем продукции растениеводства завышался.

Поэтому совершенно очевидно, что существующие статистические данные по валовой продукции сельского хозяйства не точны по своим абсолютным показателям. Но при этом данные о валовой продукции в стоимостном выражении позволяют определить основные тенденции развития аграрного производства. Они также позволяют ориентировочно определить вклад регионов в продовольственный баланс страны и роль отдельных категорий хозяйств как в производстве в целом, так и по видам продукции.

В 1940 г. стоимость валовой продукции сельского хозяйства СССР в ценах 1926–1927 гг. определялась в 22,0 млрд руб. Самым крупным ее производителем являлась РСФСР. На ее долю перед войной приходилось 56 % валовой продукции сельского хозяйства. В это время в РСФСР проживало 56 % населения Союза ССР. После России в порядке уменьшения объемов производства следовали Украина, Казахстан, Узбекистан и Белоруссия. Эти пять республик произвели в 1940 г. 90,0 % валовой продукции сельского хозяйства СССР. На долю остальных 11 республик приходилось только одна десятая часть сельскохозяйственного производства, т. е. в среднем каждая из остальных республик производила около одного процента продукции от суммарного производства в нашей стране.

Великая Отечественная война нанесла огромный ущерб аграрному сектору страны. Если в последнем довоенном году стоимость произведенной в Союзе ССР сельхозпродукции составляла 22 млрд руб., то в 1941 г. — 17, в 1942 — 12, в 1943 — 11 млрд руб. Таким образом, в 1942 г. объем производимой в стране сельскохозяйственной продукции сократился почти в два раза. Анализ результатов развития сельского хозяйства показывает, что не только 1942 г., как это было в других отраслях военной экономики, но и 1943 г. не стал для него переломными. Некоторый подъем наступил лишь на заключительном этапе

войны. Таким образом, в последний военный год объем аграрного производства в стране составлял только две трети от довоенного уровня.

При этом реальное сокращение производства было еще значительнее. Дело в том, что из-за изношенности техники, дефицита горюче-смазочных материалов, нехватки кадров и снижения их квалификации потери на уборке в условиях военного времени значительно возросли. В результате увеличился разрыв между «биологической» и фактической урожайностью. Однако статистика того времени этот факта не учитывала, а возросшие потери засчитывались в итоговый результат. Если взять отдельные республики, территория которых была оккупирована в годы войны, то в наибольшей степени пострадало сельское хозяйство Молдавии. В 1945 г. объем производства в ней составил только 34 % от довоенного уровня. На Украине этот показатель был равен 55 %, в Белоруссии — 62 %.

В историографии традиционно принято считать, что в годы войны в наибольшей степени пострадало хозяйство оккупированных территорий. Однако данные о валовом сельскохозяйственном производстве свидетельствуют, что разница между оккупированными территориями и теми, где не было военных действий, часто была незначительной. Так, в 1945 г. объем аграрного производства в Азербайджане, Грузии, Киргизии и Узбекистане по сравнению с 1940 г. снизился на 30–35 %. В Туркмении объем производства уменьшился даже на 42 %. А вот в оккупированной Белоруссии объем аграрного производства уменьшился только на 38 %. Что касается прибалтийских республик, то за годы германской оккупации размеры сельскохозяйственного производства в них даже возросли. Таким образом, из полностью оккупированных территорий больше всего пострадало сельское хозяйство в Молдавии, на Украине и в Белоруссии, меньше — в республиках Прибалтики (табл. 1).

Таблица 1

**Валовая продукция сельского хозяйства республик Союза ССР в 1940 г.
и в 1942–1945 гг., %**

Республика	1940	1942–1945, всего	Республика	1940	1942–1945, всего
РСФСР	56,0	64,0	Литовская ССР	1,1	1,0
Украинская ССР	22,1	11,6	Туркменская ССР	0,7	0,8
Казахская ССР	4,0	6,4	Армянская ССР	0,5	0,7
Узбекская ССР	3,9	5,0	Латвийская ССР	0,5	0,6
Грузинская ССР	1,6	2,4	Молдавская ССР	1,0	0,5
Белорусская ССР	3,8	1,8	Эстонская ССР	0,5	0,4
Азербайджанская ССР	1,2	1,7	Карело-Финская ССР	—	—
Киргизская ССР	1,0	1,3	Не распределено	1,3	0,7
Таджикская ССР	0,8	1,1	СССР	100,0	100,0

Источники: РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 48, л. 1–4,40; д. 481, л. 10–11; д. 689, л. 73–75; д. 969, л. 6–7; д. 1492, л. 100–105.

Значительно меньше сельскохозяйственной продукции стало производиться и в республиках, территория которых не являлась ареной военных действий. В Казахстане и республиках Средней Азии в 1944 г. ее объем составил 70 % от довоенного уровня, в Закавказье — 82 %.

Что касается России, то несмотря на то, что лишь незначительная часть ее территории оказалась в зоне военных действий, объем производства здесь сократился на треть. Потому что именно в этой части России находились ее основные сельскохозяйственные районы. Если взять только три экономических района: Центрально-Черноземный, Центрально-Нечерноземный и Северо-Кавказский, то на их долю приходилось свыше половины аграрного производства России. Военные действия затронули и другие регионы России: Север и Поволжье.

Из регионов РСФСР в наибольшей степени пострадали районы Поволжья, Центрального Черноземья и особенно Северного Кавказа. Объем производства в них сократился в среднем наполовину. Из наиболее пострадавших в годы войны российских территорий следует отметить Крым. В 1944 г. в Крымской АССР объем сельскохозяйственного производства составил всего 34 % от довоенного уровня. В послевоенные годы на полуострове происходило дальнейшее снижение абсолютных размеров аграрного производства. Оно было восстановлено только в 1948 г. Однако и в начале 1950-х гг. довоенный уровень производства в Крыму восстановлен не был. Это связано как со специализацией сельского хозяйства полуострова, так и с изменением численности и состава проживающего там населения.

Среди тыловых районов России сильнее всего производство сократилось на Урале и в Западной Сибири. Данные регионы являлись крупными производителями товарного зерна, сельхозпредприятия в них считались многоземельными, нагрузка посевных площадей на работника была очень высокой. Вести такое хозяйство можно было только при условии высокой механизации полевых работ. В условиях же военного времени, когда почти прекратилась поставка запасных частей, остро не доставало горючего, часть техники и почти все механизаторы были отправлены на фронт, выполнять довоенные объемы работ стало практически невозможно. В результате из тыловых российских регионов именно высокомеханизированное зерновое хозяйство Западной Сибири и Южного Урала пострадало сильнее всего. Более устойчивым оказался аграрный сектор на Дальнем Востоке (78 % от довоенного уровня) и в Центрально-Нечерноземном районе (82 %), хотя он частично оказался в зоне военных действий (табл. 2).

Изучение вклада отдельных территорий в продовольственный баланс СССР показывает, что, как и до войны, большую часть сельскохозяйственной продукции в годы Великой Отечественной войны производила Россия. В 1942 г. ее доля в аграрном производстве достигла максимума — 75 %. По мере освобождения оккупированных территорий, в первую очередь Украины, доля России стала снижаться. В 1943 г. на долю России пришлось уже 70 % сельскохозяйственного производства, в 1944 — 58 %. В 1945 г. удельный вес России снизился до 56 %, сравнявшись с довоенным уровнем. В целом за годы Великой Отечественной войны Россия произвела 2/3 сельскохозяйственной продукции

Таблица 2

**Валовая продукция сельского хозяйства регионов РСФСР
в 1940 г. и 1942–1945 гг., %**

Регион	1940	1942–1945, всего
РСФСР	56,0	64,0
Центрально-Нечерноземный район	12,6	17,2
Западная Сибирь	6,6	8,7
Урал	6,6	8,4
Поволжье	7,2	7,1
Северный Кавказ, Крым	9,4	6,4
Центрально-Черноземный район	7,3	6,2
Восточная Сибирь	2,8	3,4
Север	1,3	2,1
Дальний Восток	0,8	1,3
Не распределено	1,4	3,2
СССР	100,0	100,0

Источники: РГАЭ. Ф. 1562, оп. 324, д. 48, л. 1–4,40; д. 481, л. 10–11; д. 689, л. 73–75; д. 969, л. 6–7; д. 1492, л. 100–105.

СССР. Что касается вклада других республик Союза ССР, то довоенная их иерархия практически не изменилась, за исключением Белоруссии. При этом роль Украины заметно снизилась, а доля Казахстана, республик Средней Азии и Закавказья возросла.

В годы войны в России самыми крупными производителями продукции сельского хозяйства остались районы центрально-нечерноземной зоны. На их долю пришлось шестая часть союзного производства. На втором месте среди регионов России по размерам производства находилась Западная Сибирь, на третьем — Урал. На Урале больше всего сельхозпродукции в годы войны произвела Башкирия, меньше других — Удмуртия.

Война изменила соотношение между различными категориями хозяйств, производящими сельскохозяйственную продукцию. Начиная с 1942 г. в стране отчетливо наметилась тенденция сокращения абсолютных размеров и удельного веса колхозного производства. Если в 1940 г. в СССР на долю колхозов приходилось 63 % валовой продукции сельского хозяйства, то в 1945 г. — лишь 53 %. Таким образом, труженики сельского хозяйства РСФСР внесли наибольший вклад в победу, произведя в годы Великой Отечественной войны две трети продукции сельского хозяйства Союза ССР.

УДК 65(470.5) + 94(470)“1941/1945” + 930(470.5)

И. Д. Панькин

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ УРАЛА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Исследуется история изучения современными учеными органов управления промышленностью Урала (высшие политические структуры, органы государственной власти и управления, местные партийные органы) в 1939–1945 гг.

Ключевые слова: историография, управление, уральская промышленность.

При обсуждении причин победы советского народа в Великой Отечественной войне исследователи ссылаются на многочисленные факторы как внутреннего, так и внешнего характера. Большинство исследователей совершенно справедливо указывают на дальновидную промышленную политику, которую проводило советское государство в восточных районах страны в период форсированной индустриализации как на один из самых главных факторов, обеспечивших Великую Победу.

Интерес к изучению промышленной политики на Урале в предвоенный и военный периоды начал проявляться сразу же после окончания войны и не стихает вплоть до настоящего времени. Постепенно вводились в научный оборот все новые факты, доказывающие справедливость формулы об Урале как об опорном крае державы, как об оплоте Великой Победы. Конечно, разница между данными о развитии отдельных отраслей уральской промышленности, которые были в распоряжении у советских историков, и теми, которыми располагает современная историография, колоссальна. Это связано с тем, что только в настоящее время стали раскрываться архивные сведения о военно-промышленном комплексе Урала, который явился детищем предвоенных пятилеток и был стержнем экономики края.

Именно этим можно объяснить то, что как в советское время, так и в настоящий период лишь незначительное количество уральских исследователей занимаются специальной разработкой проблем управления уральской промышленностью. В советское время исследователи не могли заниматься изучением деятельности промышленных наркоматов, которые руководили отраслями и предприятиями Урала в годы предвоенных пятилеток, поскольку их документы хранились в центральных архивах под грифом секретности. До конца советского периода история создания военной экономики в СССР и система управления ею оставались государственной тайной. В распоряжении советских исследователей были лишь прошедшие советскую цензуру немногочисленные

ПАНЬКИН Игорь Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, Челябинск (e-mail: igor0303@mail.ru).

воспоминания руководителей некоторых ведомств, отвечавших за создание в СССР оборонной промышленности и Вооруженных сил.

Рассекречивание документов в условиях современной России происходит неспешно. Появились лишь первые работы, посвященные созданию в СССР военно-промышленного комплекса, в том числе на Урале, деятельности отдельных наркоматов по руководству уральскими предприятиями накануне и в период Великой Отечественной войны.

Накопленный в последние десятилетия фактический материал дал возможность современным историкам специально поставить и рассмотреть вопрос о формах управления промышленностью Урала накануне и в годы Великой Отечественной войны. Тем не менее проведенный анализ специальной литературы по истории органов управления промышленностью Урала показал, что настоящего прорыва в изучении истории управления накануне и в годы Великой Отечественной войны, которая являлась белым пятном советской историографии, до сих пор не произошло.

Свидетельством этому могут служить работы по истории управления промышленностью Урала в целом. На страницах этих работ авторы либо вообще избегают говорить о системе управления уральской промышленностью накануне и в годы Великой Отечественной войны, либо отделяются замечаниями общего характера. Б. В. Личман и В. А. Флягин пишут о том, что в условиях предельной централизации управления народным хозяйством, трансформировавшейся в тоталитарно-бюрократическую систему, уральский регион «как целостное политическое, экономическое, территориальное образование перестал быть объектом управления», управление производством «стало осуществляться по отраслям и ведомствам» [19, 432].

Следует отметить вклад В. В. Запария, который попытался выяснить, что происходило с органами управления черной металлургией Урала накануне Великой Отечественной войны. Исследователь считает переломным в этом отношении создание в 1939 г. Народного комиссариата черной металлургии СССР, которое, по его словам, стало «важным этапом в развитии отрасли и признанием ее значимости». По наблюдениям автора, создание общесоюзного наркомата привело к реорганизации уральских трестов. Так, трест «Востоко-сталь» в 1939 г. был преобразован в Главное управление древесно-угольной металлургии, а в 1940 г. — в Главуралмет. В. В. Запарий полагает, что «эти формы управления отраслью позволили сконцентрировать все усилия на создании производства на высоком научно-техническом уровне, что сыграло решающую роль в Великой Отечественной войне и в период восстановления народного хозяйства» [10, 84].

Из отдельных центральных ведомств, руководивших накануне войны уральскими предприятиями, наиболее полно описана в литературе деятельность образованного в январе 1939 г. Наркомата боеприпасов (НКБ), после выделения его из Наркомата оборонной промышленности СССР. Сведения о ней содержатся в работах Н. С. Симонова, А. А. Антуфьева, В. Е. Курлаева и др. Историки указывают, что в 1939 г. из 53 предприятий НКБ 9 заводов работало на Урале, в 1940 — июне 1941 г. к ним присоединилось еще одно предприятие [15, 422],

и что «заводы, подчинявшиеся НКБ, составляли основу производства боеприпасов на Урале в 1939 г.» [16, 363].

В. Е. Курлаев попытался разобраться в особенностях руководства общесоюзного ведомства подчиненными ему уральскими предприятиями. Он пишет: «Внутри НКБ существовала следующая система управления: наркомат — главное управление — завод (соответствующий по профилю главному управлению). Все наиболее важные вопросы решал особый совещательный орган — коллегия НКБ во главе с Народным комиссаром боеприпасов. Решением всяческих вопросов, связанных с основным производством, занимались соответствующие отделы и органы наркомата» [Там же, 364].

Интересные соображения высказывает В. Е. Курлаев о взаимоотношениях предприятий НКБ и местных властей. Он считает, что «предприятия НКБ властям на местах не подчинялись практически ни по каким вопросам, по крайней мере в 1939 г. Они подчинялись напрямую центральному аппарату наркомата. Местные власти должны были оказывать заводам всяческую помощь по выполнению оборонного заказа» [Там же, 365]. В то же время историк отмечает, что «в управлении производством основным тормозящим фактором являлась несогласованность в работе различных предприятий НКБ и в руководстве работой гражданских заводов по производству комплектующих. Проблемы решались путем подбора на руководящие должности талантливых управленцев и модернизации структуры центрального аппарата» [17, 229].

В работах А. В. Сушкова раскрыта деятельность партийных органов Свердловской области по административно-хозяйственному руководству промышленными предприятиями накануне Великой Отечественной войны. Автор пишет: «К началу 1939 г. во главе областных партийных комитетов, в том числе и в Свердловском обкоме ВКП(б), находились три секретаря. Полные наименования их должностей — первый, второй и третий секретари — не отражали сферы их компетенции, а каждый из них курировал определенные отделы обкома и отрасли экономики» [22, 145].

Историк обратил внимание на те кардинальные изменения, которые произошли в структуре руководства регионов в начале 1941 г. Речь шла о введении института отраслевых секретарей партийных комитетов. Этот институт был введен по решению XVIII конференции ВКП(б) (февраль 1941 г.), в котором подчеркивалось, что «в целях усиления помощи наркоматам и предприятиям промышленности и транспорта» в местных партийных органах необходимо иметь несколько секретарей по промышленности, соответственно ее отраслям, представленным в данном регионе. В компетенцию этих секретарей входило «хорошо знать, что делается на предприятиях, регулярно бывать на них», они должны были поддерживать связь как с работниками предприятий, так и с соответствующими наркоматами, «помогать им в выполнении планов и решений партии по промышленности и транспорту, систематически проверять исполнение этих решений, вскрывать недостатки в работе предприятий и добиваться ликвидации этих недостатков» [13, 200, 201].

А. В. Сушков проследил проведение этой реформы в Свердловской области и пришел к выводу, что реализовать это решение на практике оказалось сложно,

ибо аппарат обкома партии сопротивлялся расширению своего состава за счет введения в него большого количества новых членов [22, 146].

Подводя итоги, отметим, что уральским исследователям необходимо более тщательно изучить систему управления уральской промышленностью накануне Великой Отечественной войны.

Более основательно уральские исследователи изучили историю управления предприятиями края в период Великой Отечественной войны. Исследование данной проблемы началось в советский период. В соответствии с идеологическими установками о руководящей деятельности партийных организаций советские исследователи много внимания уделяли изучению роли политического руководства страны и Урала в управлении отраслями промышленности и отдельными промышленными предприятиями.

Таким образом, в советской историографии управление промышленными предприятиями связывалось исключительно с деятельностью органов высшего и местного политического аппарата по руководству отдельными отраслями и предприятиями.

Современные историки вопрос о формах управления промышленностью Урала в годы Великой Отечественной войны рассматривают более разносторонне.

По нашему мнению, на изучении данной проблемы сказываются многие факторы. Следует, прежде всего, учитывать поляризацию современных историков в изучении отечественной истории и в отношении к предшествующей историографии.

Для многих современных исследователей вопрос о роли коммунистической партии в истории страны в целом и Великой Отечественной войны в частности относится к разряду конъюнктурных. В историографии войны отмечается, что амплитуда оценок данной проблемы колеблется от «сведения всех истоков народной силы по существу к одному фактору — организующей, мобилизующей, руководящей деятельности партии — до заявлений о ее негативном влиянии на ход войны, поскольку-де она была антинародной, преступной, являясь опорой деспотической власти Сталина» [6, 19].

Часть исследователей продолжает настаивать на том, что, «исследуя историю Великой Отечественной войны, “не замечать” проблему, связанную с деятельностью коммунистической партии, нельзя. Это было бы и антиисторично и просто несправедливо» [Там же, 19]. Это признают и уральские авторы. В. Е. Курлаев пишет: «Правящая коммунистическая партия, безусловно, влияла на все сферы общественной жизни, формировала образ врага, поднимала патриотический дух, спланировала общество. По нашему мнению, исследование деятельности партийных, общественных организаций, местных органов государственной власти необходимо продолжить, но независимо и непредвзято, дабы избежать субъективизма» [14, 254].

Анализ историографических источников показывает, что часть современных исследователей продолжает изучать деятельность местных партийных органов по руководству промышленными предприятиями. А. В. Сушков совершенно справедливо указывает на то, что «с началом Великой Отечественной

войны центр власти в регионах сконцентрировался в партийных органах. В условиях, когда нарушились сложившиеся межхозяйственные связи, секретарям обкомов партии приходилось исполнять функции и снабженцев, и “толкачей”, кооперировать между собой предприятия, мобилизовать имевшиеся в регионе промышленные, энергетические, людские ресурсы на решение важнейших задач государственного значения» [22, 147]. Он обратил внимание на быстрый рост количества секретарей Свердловского обкома партии, руководившего отдельными отраслями экономики региона. По его подсчетам, к окончанию второго года войны в Свердловском обкоме ВКП(б) количество секретарей достигло 23, 18 из которых являлись отраслевыми секретарями [Там же, 148].

Хотя А. В. Сушков отмечает, что «отраслевые секретари сыграли большую роль в управлении промышленностью в трудных условиях войны, в перестройке промышленности на военный лад» [Там же, 149], но следует обратить внимание на то, что на этапе коренного перелома в Великой Отечественной войне Политбюро ЦК ВКП (б) своим постановлением от 6 августа 1943 г. ликвидировало институт отраслевых секретарей, а вместо них учредило должности заместителей секретарей [20, 313]. А. В. Сушков подчеркивает, что «это способствовало сосредоточению властных полномочий в руках первого секретаря обкома партии, увеличению его ответственности за состояние дел в области» [22, 147]. Заслугой современных исследователей можно считать то, что им удалось проследить практическую деятельность по руководству промышленностью секретарей ряда областей Урала, в частности А. Б. Аристова, Н. С. Патоличева и др.

В то же время современные авторы, используя новейшие междисциплинарные методы научного исследования, ставят в центр изучения новые проблемы, связанные с историей организации управления отраслями промышленности и промышленными предприятиями в годы Великой Отечественной войны.

Историки анализируют деятельность ГКО, СНК СССР, различных промышленных наркоматов, в том числе танковой, артиллерийской и других оборонных отраслей промышленности, а также их руководителей. Они отмечают, что благодаря своевременной деятельности этих центральных органов на Урале в самом начале войны стали появляться совершенно новые производства.

Приоритет в постановке данной проблемы принадлежит А. А. Антуфьеву. Данный историк первым в постсоветский период на основе новых источников, многие из которых впервые были введены им в научный оборот, осветил деятельность различных центральных ведомств по налаживанию выпуска продукции военного назначения на уральских предприятиях [3, 161–183].

В работах Д. В. Гаврилова, В. В. Дубленных, В. Е. Курлаева, Н. Н. Мельникова, А. П. Финадеева и других авторов прослеживаются те изменения, которые внесла война в деятельность уральских предприятий оборонных наркоматов. Подобные работы только закладывают основы для изучения проблемы руководства военно-промышленным комплексом Урала в годы Великой Отечественной войны. В связи с этим нам представляется весьма странным упрек, сделанный В. Е. Курлаевым, еще весьма молодым автором, в адрес А. А. Антуфьева в том, что объем 1,5 страницы для освещения производства боеприпасов на

Урале в годы войны «явно недостаточен (легкой промышленности уделено 14 страниц)» [15, 422]. Следует иметь в виду, что, во-первых, работа А. А. Антуфьева вышла в свет в 1992 г., как раз на переломе эпох в отечественной исторической науке, когда только начала происходить «смена приоритетов, вызванная изменениями в общественно-политическом строе России» [12, 402], а во-вторых, деятельность Наркомата боеприпасов показана как часть складывавшегося военно-промышленного комплекса Урала, характеристике которого А. А. Антуфьев посвятил более 20 страниц.

Впервые в современной литературе прослеживаются взаимоотношения между центральными и местными властями по созданию на Урале отраслей оборонного комплекса. В. В. Запарий пишет: «Перестройка экономики Урала на обеспечение нужд фронта находилась под жестким контролем ЦК ВКП (б) и СНК СССР. Использовались чрезвычайные меры, продиктованные военным положением. Выезд на места представителей Центра, телеграммы, телефонные разговоры определяли деятельность местных органов и производственных коллективов» [9, 161–162].

Применив компаративный метод анализа историографических источников, можно увидеть достоинства современной литературы по истории органов управления уральскими предприятиями. В опубликованных в советское время воспоминаниях народного комиссара оборонной промышленности Б. Л. Ванникова, наркома цветной металлургии П. Ф. Ломако сообщались самые общие данные о деятельности вверенных им ведомств, тщательно скрывались методы руководства, имена руководителей соответствующих отделов и т. д. Современные историографические источники вносят существенный вклад в ликвидацию этих белых пятен и «фигур умолчания».

Характеризуя эвакуацию на Урал предприятий цветной металлургии, исследователи подчеркивают, что «большую помощь в эвакуации предприятий цветной металлургии оказывал ГКО, в особенности его члены: Н. А. Вознесенский, А. И. Микоян, И. Г. Первухин» [11, 97]. В. Н. Мартынова и В. Ф. Фирсов отмечают, что для непосредственного руководства эвакуированными предприятиями в Свердловск было переведено «Главное управление медной промышленности во главе с Д. Г. Десятниковым. Некоторые ответственные работники Наркомцветмета и главков были назначены директорами уральских предприятий» [23, 150, 151]. В. Е. Курлаев отмечает, что «организация массового производства, оперативное руководство и контроль были возложены народным комиссаром цветной металлургии на военный отдел наркомата, общее руководство производством элементов боеприпасов осуществлялось непосредственно заместителем народного комиссара С. М. Петровым» [18, 110].

Историки показывают, что принимаемые решения соответствовали требованиям мобилизационно-распределительной экономики. Д. В. Гаврилов пишет: «До начала войны на Урале не было танковой промышленности, не было ни одного броневоего листа, не выплавлялись спецстали для танковой промышленности, не производился броневой лист, не изготовлялись поковки для танкостроения. С началом войны постановлением ГКО № 1 поручалось “немедленно приступить на уральских и сибирских заводах к прокату специальных сталей

для танкового производства на Челябинском тракторном заводе» [8, 345]. В работе А. А. Антуфьева показано, что уже в начале 1942 г. на Урале сложились три самостоятельных центра танкостроения [3, 161–176].

Особенностью современной историографии проблемы является то, что авторы гораздо больше внимания стали уделять не просто вкладу центральных государственных органов в процесс управления уральской промышленностью, а роли конкретных руководителей партии и государства. Этому способствовало открытие архивных фондов, рассекречивание материалов о деятельности высших органов государственного управления, личных фондов руководителей партийных и государственных органов.

Многие современные исследователи уделяют внимание анализу кадровой политики сталинского руководства, направленной на повышение эффективности управления промышленными предприятиями. А. В. Чуриков не склонен освещать эту политику с тоталитарной точки зрения. Напротив, автор утверждает, что стремясь побыстрее и более эффективно наладить производство на эвакуированных предприятиях, правительство сделало ставку «не только на силовые методы, но и на продуманную кадровую политику в отношении рабочих, ИТР и крупных руководителей, а также... на их поощрение и стимулирование» [24, 331].

Автор пишет: «Утвердившийся во власти на рубеже 1920–1930-х гг. “старый кадровик” И. В. Сталин уделял вопросам назначения и выдвижения руководящих кадров особое внимание. Под его постоянным контролем находились первые секретари обкомов и крайкомов, ответственные работники государства и партии. С началом индустриализации в поле зрения вождя попали и директора крупных “сталинских строек” и промышленных предприятий — люди, в руках которых находилось будущее советской индустрии. Многих из них глава государства знал лично, звонил, поздравлял с успехами, предупреждал об ошибках в процессе работы. Контроль этот возрастал параллельно с внешней угрозой» [Там же, 331].

Особенностью современной историографической ситуации является использование антропологического подхода к анализу любых проблем, даже экономических. Именно современными исследователями введено в научный оборот огромное количество персоналий — это уральские представители директорского корпуса, осуществлявшие непосредственное руководство промышленными предприятиями в годы Великой Отечественной войны. По словам Д. В. Гаврилова, «выдающуюся роль в мобилизации трудящихся на героический труд во имя победы над фашизмом играли организаторы производства — директора и главные инженеры заводов» [7, 16].

С. С. Агеев подробно описал вклад одного из многочисленных выдвиженцев Сталина директора Уралмашзавода Б. Г. Музрукова в налаживание военного производства на заводе. Автор квалифицирует этого человека как «опытного специалиста, до Уралмаша работавшего главным металлургом Кировского завода в Ленинграде, где серийно выпускались артиллерия и танки». Автор подчеркивает: «Понятно, что металлургия качественных сталей там была на порядок выше, чем на Уралмаше. К тому же Музруков прошел стажировку на

металлургических заводах “Ансальдо” (Италия), которые в 1930-е гг. являлись мировым лидером по производству качественной стали, и на заводах “Шкода” в Чехословакии» [1, 114].

А. В. Чуриков описал деятельность руководителей важнейших заводов Челябинской области — И. М. Зальцмана, И. М. Данкевича, М. Ф. Крамера и попытался с использованием метода контент-анализа проанализировать стиль руководителей уральских предприятий. По его наблюдениям, «наиболее четко проявили себя в годы войны четыре стереотипа поведения руководящих работников. Первый — крепкий хозяйственник, “капитан индустрии”. Вторым — “свой” человек, руководитель, находящийся непосредственно на рабочей площадке, вникающий в тяготы жизни рабочих. Третий — “слабый руководитель”, инструкции которому “спускают” сверху, руководят заводом со стороны. Четвертый — “авторитарный лидер» [24, 332]. При этом автор пришел к выводу, что «в условиях военного времени, стремясь добиться максимального производства, власть делала ставку на сочетание этих четырех стереотипов. В тех случаях, когда ситуация была безвыходной и требовалось немедленное исправление положения, был задействован первый или четвертый стиль руководства. В основном же правительство делало ставку на “капитанов” индустрии, которые находили общий язык с людьми, но могли в случае необходимости и пожертвовать всем ради выполнения производственного плана» [Там же, 333].

В заключение следует сказать, что итоги и результативность промышленной политики, проводимой на Урале накануне и в период Великой Отечественной войны, современные исследователи оценивают по-разному, в зависимости от своих идеологических пристрастий.

По мнению большого количества современных исследователей, придерживающихся как традиционной, так и модернизационной интерпретации истории, та модель промышленной политики, которая была осуществлена в СССР в 1930–1940-е гг., оправдала себя. В. В. Алексеев отмечает: «Она позволила избежать Великой депрессии, развить тяжелую индустрию и укрепить обороноспособность страны» [2, 13]. По словам Е. Т. Артемова, «решающая роль государства доказала свою эффективность при догоняющей индустриализации» [4, 16]. А. В. Сперанский считает, что умелое использование в экстремальных условиях военного времени форм командно-административного руководства «являлось объективной необходимостью, что в сочетании с трудовым подъемом населения дало положительный эффект, обеспечив индустриальный подъем Урала, превратив, неожиданно для многих стратегов Второй мировой войны, регион в “становой хребет” не только обороны, но и дальнейшего стремительного и смертоносного для фашистской Германии русского наступления» [21, 326].

Либеральные историки, напротив, убеждены, что Отечественная война 1941–1945 гг. явилась «апогеем в реализации возможностей централизованного планирования и управления экономикой», что «с ее началом административно-командная система управления стала более жесткой, всеохватывающей, сверхцентрализованной» и что «несмотря на самоотверженный труд советских людей,

максимальное использование людских и природных ресурсов в период войны произошло значительное снижение всех показателей в развитии промышленности по сравнению с 1940 г.» [5, 170, 171].

Историки немало сделали для изучения институциональных возможностей воздействия государства на уральскую промышленность кануна и периода Великой Отечественной войны, однако в ходе историографического анализа имеющейся литературы выяснено, что исследованы лишь частные проблемы управления, в том числе деятельность лишь некоторых наркоматов. Полной картины системы управления отраслями и промышленными предприятиями Урала в самый ответственный период его истории в XX столетии пока не существует.

---

1. *Агеев С. С.* Металлургическое производство на Уральском заводе тяжелого машиностроения (УЗТМ) в 1930-е гг. и в период Великой Отечественной войны (1941–1945) // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв. Екатеринбург, 2006.

2. *Алексеев В. В.* Промышленная политика как фактор российских модернизаций (XVIII–XX вв.) // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Екатеринбург, 2006.

3. *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

4. *Артемов Е. Т.* Проблема исторической преемственности в отечественной промышленной политике // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв.

5. *Бакунин А. В.* История советского тоталитаризма : в 2 кн. Екатеринбург, 1997. Кн. 2.

6. Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки : в 4 кн. М., 1999. Кн. 4 : Народ и война.

7. *Гаврилов Д. В.* Опорный край державы в 1941–1945 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы VII Всерос. науч. конф., нояб. 2005 г. : в 2 т. Екатеринбург, 2005. Т. 1.

8. *Гаврилов Д. В.* Среднеуральский Танкоград // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы VI Всерос. науч. конф. 7 апр. 2004 г. : в 2 т. Екатеринбург, 2004. Т. 1.

9. *Запарий В. В.* Металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Модернизационные процессы в металлургии Урала XVII–XXI вв.

10. *Запарий В. В.* Система управления черной металлургии Урала в XVIII–XX вв. // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997.

11. *Запарий В. В.* Цветная металлургия Урала в годы Великой Отечественной войны (период эвакуации) // Война и российское общество: 1914–1945 годы : материалы Пярых Урал. воен.-ист. чтений, посвящ. 80-летию проф. И. Ф. Плотникова. Екатеринбург, 22–23 сент. 2005 г. Екатеринбург, 2005.

12. *Камынин В. Д.* Историческая наука России в первой половине 1990-х гг. // Русская историография XI — начала XXI века. М., 2010.

13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1989–1988). 9-е изд. М., 1985. Т. 7.

14. *Курлаев В. Е.* Военная промышленность Урала (1939–1945 гг.) в отечественной историографии // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы VI Всерос. науч. конф. Т. 2.

15. *Курлаев В. Е.* Заводы Наркомата боеприпасов на Урале // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы IX Всерос. науч. конф., посвящ. 85-летию д. и. н., проф. А. В. Бакунина. Екатеринбург, 8–9 окт. 2009 г. : в 2 т. Екатеринбург, 2010. Т. 1.

16. *Курлаев В. Е.* Предприятия Народного комиссариата боеприпасов на Урале в 1939 г. //

Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы VII Всерос. науч. конф., нояб. 2005 г. : в 2 т. Екатеринбург, 2005. Т. 2.

17. Курлаев В. Е. Производство боеприпасов на Урале в 1939–1941 гг. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития : материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию Ин-та истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 4–5 марта 2008 г. Екатеринбург, 2008.

18. Курлаев В. Е. Работа уральских предприятий Наркомата цветной металлургии по выпуску боеприпасов в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Война и российское общество: 1914–1945 годы.

19. Личман Б. В., Флягин В. А. Центральное и региональное планирование и управление народным хозяйством Урала в годы советской власти // Урал индустриальный: Бакунинские чтения : материалы VI Всерос. науч. конф. Т. 1.

20. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б): Повестки дня заседаний. 1919–1952 : каталог. М., 2001. Т. 3.

21. Сперанский А. В. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны: достижения и противоречия // Проблемы экономической истории Урала: К 60-летию со дня рожд. засл. работника высшего образования РФ, проф., д-ра ист. наук Б. В. Личмана : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2006.

22. Сушков А. В. Институт отраслевых секретарей в системе партийно-государственного руководства Свердловской области накануне и в годы Великой Отечественной войны // Война и российское общество: 1914–1945 годы.

23. Фирсов В. Ф., Мартынова В. Н. Медь Урала. Екатеринбург, 1995.

24. Чуриков А. В. Стиль руководства эвакуированными предприятиями в Челябинской области (1941–1945 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : материалы IX Всерос. науч. конф. Т. 1.

УДК 329.12 + 329.14 + 329.18

Д. И. Победаш

«ДЕТИ СВЕТА»: МОРАЛЬНОЕ ОПРАВДАНИЕ Р. НИБУРОМ СОТРУДНИЧЕСТВА США С СССР В БОРЬБЕ С НАЦИЗМОМ

Рассматриваются взгляды Рейнхольда Нибура — одного из влиятельнейших политических философов XX в., основателя политического реализма. Во время Второй мировой войны он подчеркивал близость либерализма и марксизма, для него либералы и марксисты были «детьми света», тогда как нацисты — циничными «детьми тьмы».

Ключевые слова: Рейнхольд Нибура, либерализм, марксизм.

«Отец-основатель» американского политического реализма Ганс Моргентау призывал убрать из анализа международных отношений идеологическую составляющую и оценивать исключительно могущество соперников и союзников. Согласно его логике, холодная война между СССР и США была обусловлена

ПОБЕДАШ Дмитрий Иванович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: pobedash@mail.ru).

© Победаш Д. И., 2011

уже самым фактом сосуществования двух близких по могуществу государств, а идеология использовалась как инструмент оправдания. Впрочем, по словам Моргентгау, политик, как актер на сцене, не может не играть некую роль, скрывая истинную природу своих политических действий — борьбу за власть и могущество — под маской идеологии [4, 86–87]. Роль подобной идеологии, оправдывавшей действия американских политиков в начале холодной войны, во многом сыграл протестантизм Рейнхольда Нибура. Примечательно, что Моргентгау считал Р. Нибура величайшим политическим философом Америки [6, 107].

Во время Второй мировой войны значительное влияние на формирование американской внешней политики оказывали Д. Г. Ачесон (в госдепартаменте США с 1940 г., занимался ленд-лизом, возглавлял американскую делегацию в Бреттон-Вудсе в 1944 г., с 1945 г. — заместитель госсекретаря, а с 1949 г. — госсекретарь США), Дж. Кеннан (автор «Длинной телеграммы» и «Статьи мистера Х») и Дж. Даллес (в 1945 г. — делегат на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско, с 1953 г. — госсекретарь США). Все они были убежденными христианами, на всех оказал значительное влияние Р. Нибура. Известно, что Дж. Кеннан называл Р. Нибура «отцом всех нас» [Там же, 107]. В 1947 г. Р. Нибура стал одним из основателей организации «Американцы за демократические действия», в которую входили, например, вдова президента Элеонора Рузвельт, высокопоставленный дипломат А. Гарриман, видный историк и публицист А. Шлезингер-мл., профсоюзные лидеры У. Ройтнер и Д. Дубински, один из лидеров Демократической партии Г. Хэмфри, ставший впоследствии вице-президентом США. 8 марта 1948 г. портрет Р. Нибура был помещен на обложке журнала «Тайм». В редакционной колонке редактор «Тайм» У. Чамберс назвал Нибура «теологом № 1». Р. Нибура также входил в число тех людей, кому президент Д. Эйзенхауэр поручил выработать практически применимую теорию внешней политики [8]. В 1964 г. президент Л. Джонсон вручил Нибуру Медаль Свободы. По воспоминаниям историка С. Брауна, президент Дж. Картер считал Нибура своим любимым теологом и часто повторял его высказывание о том, что печальный долг политики — утверждать справедливость в греховном мире [2, 454]. О значительном влиянии, которое оказал на них Нибура, говорили госсекретари США Мадлен Олбрайт и Хилари Клинтон. Интересно, что Барак Обама называет Нибура своим любимым философом и тщательно изучает его труды.

Рейнхольд Нибура (1892–1971) родился в семье эмигрировавшего из Германии пастора Евангелической церкви Густава Нибура, обучался в известном протестантском колледже Элмхерст (штат Иллинойс), семинарии Иден (Сент-Луис, штат Миссури), в 1915 г. получил степень магистра богословия в Йельском университете и в том же году стал пастором Евангелической церкви в Детройте (штат Мичиган). Став свидетелем жестокой эксплуатации рабочих-автомобилистов, Нибура начинает весьма критически относиться к капитализму и даже становится одним из организаторов «Братства христиан-социалистов».

В 1932 г. в работе «Нравственный человек и безнравственное общество» («Moral Man and Immoral Society») Нибура утверждает, что марксистский социализм — достаточно верное отражение того, как индустриальный рабочий

ощущает общество и историю. Причем это отражение, по мнению Нибура, настолько верное, что должно неизбежно стать социальной и политической философией всех сознательных и политически образованных индустриальных рабочих. Различные политические и экономические обстоятельства могут приводить к различиям в восприятии социалистической теории разными нациями в разные периоды времени, допускает Нибур, однако, по его словам, невозможно отрицать тот факт, что социализм — более или менее марксистский — является политическим кредо индустриального рабочего западной цивилизации. Американский рабочий, по мнению Нибура, на данный момент остается исключением, но полное созревание американского капитализма неизбежно приведет к появлению в Америке пролетариев-марксистов.

В 1935 г. в работе «Опыт интерпретации христианской этики» Р. Нибур отмечает, что тяготение радикального христианства к марксистским позициям представляет собой «шаг вперед в смысле как религиозного, так и морального реализма» [9]. Отмечая, что марксизм столь же материалистичен, как и либерализм, протестантский проповедник Нибур делает вывод, что именно в материализме кроется «слабость в деле фундаментальной оценки исторических и относительных нравственных достижений» [Там же]. Марксизм, по его словам, «так же склонен отождествлять частные пристрастия и ценности рабочего класса с абсолютной истиной, как либерализм отождествляет буржуазный взгляд на мир с вечными ценностями» [Там же]. Фактически, продолжает Нибур, и либерализм, и марксизм являются мирскими, внецерковными вариантами древнееврейской пророческой традиции и христианской религии. Однако марксизм, по мнению Нибура, представляет собой «более чистое ответвление пророческого движения» [Там же]. Материализм марксизма диалектичен, а не механистичен, а диалектика, уверен Нибур, отражает сложные факты истории намного лучше, чем простой эволюционный процесс либерального натурализма. По мнению Нибура, марксизм, по сравнению с буржуазным либерализмом, «лучше сознает глубину зла, раскрывающуюся в истории человечества, и поэтому его философия истории содержит катастрофизм, совершенно чуждый господствующему настроению современной культуры» [Там же].

В 1945 г. выходит в свет еще одна весьма примечательная работа Нибура — «Дети света и дети тьмы» [5]. Название работы призвано вызвать в памяти читателя притчу о нерадивом управителе, приведенную в Евангелии от Луки. Во многих переводах Библии на английский язык (например, Библия короля Иакова и ее американский вариант, перевод Н. Уэбстера) в этой притче противопоставляются дети века и дети света, в некоторых — дети этого мира, этого века и дети света¹. «Детьми этого мира» или «детьми тьмы» Нибур называет моральных циников, не знающих иного закона, кроме своей воли и своего интереса. Тех же, кто считает, что эгоистический интерес должен подчиняться дисциплине или более высокому закону, Нибур называет «детьми света»,

---

¹ На русском и церковно-славянском соответствующие отрывки — Евангелие от Луки, гл. 16, стих 8: «сыны века сего догадливей снов света в своем роде» и «яко сынове века сего мудрейши паче сынов света в роде своем суть».

причем моральному цинизму детей тьмы противопоставляется «сентиментальность» детей света. Нибур считает, что зло всегда является утверждением какого-либо эгоистичного интереса вопреки воле большинства, понимается ли это большинство как ближайшее окружение, как все человечество или как общемировой порядок. С другой стороны, продолжает Нибур логическую цепь своих рассуждений, добро — это всегда гармония целого на различных уровнях. Преклонение перед неким второстепенным «целым», таким, например, как нация, конечно, может быть злом, если рассматривать его с точки зрения более значительного целого, такого как человечество. Таким образом, «дети света» — это те, кто стремятся подчинить эгоистический интерес дисциплине более общего закона и привести его в гармоничное соответствие с более общим благом.

Данное противопоставление Нибур примеряет и к современной ему международной ситуации. По его словам, демократическая цивилизация была построена не «детьми тьмы», но простодушными, наивными детьми света. Теперь же — т. е. в ходе Второй мировой войны — ей угрожают «дети тьмы», моральные циники, которые объявляют, что сильная нация не должна признавать над собой какого-либо закона. Демократическая цивилизация, полагает Нибур, чуть не рухнула, подвергшись нападению детей тьмы, не потому, что придерживалась того же кредо, что и эти моральные циники, но потому что чрезмерно наивные «дети света» недооценивали могущество эгоистического интереса, как индивидуального, так и коллективного, в современном обществе.

Сопоставляя позиции буржуазного либерализма и марксизма, Нибур предупреждает, что в социальной философии демократической цивилизации есть более фундаментальная ошибка, чем индивидуализм буржуазной демократии или коллективизм марксизма. Этой ошибкой, по его мнению, является уверенность как буржуазных, так и пролетарских идеалистов в возможности достичь относительно легкого разрешения конфликта между эгоистичным интересом и коллективным интересом. Как для коллективистского марксизма, так и для индивидуалистического буржуазного либерализма, при различии предлагаемых ими путей, характерна вера в возможность легкого достижения гармонии между эгоистическим интересом и общим благосостоянием на всех уровнях.

«Дети тьмы» для Нибура — зло, поскольку они не признают власти над собой какого-либо закона. Они «догадливы» или «мудры», поскольку понимают могущество эгоистического интереса. «Дети света» же, по его мнению, добродетельны, поскольку признают существование более высокого закона, нежели их собственная воля, но наивны, поскольку не осознают могущества своеволия. Что же касается политики, то «дети света», констатирует Нибур, недооценивают опасности анархии на национальном и международном уровнях.

В традиционном для политического реализма духе Нибур критикует «детей света» за то, что они красноречиво рассуждают об общем благе, пока «дети тьмы» умело натравливают один народ на другой. Это в конечном итоге и позволяло им побеждать одну страну за другой, в то время как цивилизованные нации не сумели коллективно выступить на защиту ни одного из тех, кто подвергся агрессии. Нибур вынужден признать, что у морального цинизма есть

временное преимущество над моральной сентиментальностью. Это преимущество заключается в том, что моральные циники очень проницательно определяют могущество эгоистичного интереса, индивидуального и национального, а также его власть над «детьми света», несмотря на все морализаторство последних.

Продолжая анализировать сходство между либеральными демократами и марксистами, Нибур утверждает, что демократы-идеалисты, пытаясь объяснить несоответствие своих представлений о людях и реального поведения людей, уповают на эволюцию, утверждая, что история человечества движется к такой форме рационального мироустройства, где будет окончательно найдена гармония между своекорыстным интересом и общим благом. Марксизм же, якобы являющийся протестом или восстанием против капиталистической демократии, на самом деле разделяет тот же самый оптимизм. Либерал-демократы мечтали о социальной гармонии, достижимой за счет холодного благоразумия и расчетливого эгоизма. Марксисты также были уверены, что после победы ранее угнетаемого класса появится новое общество, в котором будет найдена гармония между всеми социальными силами. В конечном итоге Нибур приходит к выводу о наличии глубинного сходства между классической либеральной теорией и марксизмом, тогда как различия между ними он считает поверхностными. Примечательно, что мысли о близости либерализма и марксизма высказывал в том же 1945 г. и «отец-основатель» американского политического реализма Г. Моргентау. По его словам, и Кант и Маркс считали, что все люди равны, ни один человек не может быть средством достижения цели, но сам является целью [3, 8].

Рассуждая о применении марксизма на практике, Нибур отмечает, что временами Ленин был «моральным циником» и чрезвычайно проницательно отслеживал все тонкости и перипетии социального конфликта современной ему эпохи, однако при этом выражал утопическую надежду на то, что революция откроет новую эпоху в истории человечества, кульминацией которой станет отсутствие верховной власти, марксистский анархизм. Ленин полагал, заключает Нибур, что необходимость в применении насилия исчезнет, поскольку люди привыкнут соблюдать условия сосуществования в обществе без применения насилия и без подчинения.

Подводя итог, Нибур приходит к заключению, что как бы ни была велика доза временного цинизма, которую может содержать марксизм, в конечном итоге это — сентиментальное, а не циничное кредо. Марксисты, по мнению Нибура, тоже «дети света». Их временный цинизм не может уберечь их ни от типичной глупости, ни от типичной судьбы других глупых «детей света». Это судьба — то, что их вера, сама суть их кредо, становится инструментом, средством, которое умело используют «дети тьмы».

По-видимому, под влиянием своих впечатлений от жестокой эксплуатации рабочих автомобильной промышленности в Детройте Нибур приходит к выводу, что марксистский коллективизм является естественной и неизбежной реакцией на буржуазный индивидуализм. Однако марксизм, как и полагается теории, исповедуемой сентиментальными «детьми света», стремится к совершенной

гармонии между индивидом и сообществом. Нибур отмечает положение марксизма о том, что нельзя изображать общество как некую абстракцию, противопоставляя ее индивиду. Индивид является социальной единицей, а его жизнь неотделима от жизни общества. По мнению Нибура, марксизм, таким образом, вполне верно понимает социальный характер любого индивидуального существования. Все же, уверен Нибур, мечта марксистов о совершенной гармонии между индивидом и сообществом — иллюзия. Эта ошибка частично является следствием марксистской веры в то, что стремление к доминированию над другими людьми порождается классовой структурой человеческого общества и исчезнет после того, как революция уничтожит классы. Нибур считает, что и буржуазно-демократическая, и марксистская теория одинаково заблуждаются. Для христианства частная собственность и правительство являются необходимым злом, вызванным грехопадением человека. Для одной из обмирщенных версий христианства — буржуазно-демократической теории — грехопадение человека заменяется либо его природой, как считал Г. Моргантау, либо давлением международной системы, как утверждал Дж. Герц. Для другой светской религии, или обмирщенной версии христианства — марксизма, частная собственность и есть само «грехопадение».

С другой стороны, продолжает Нибур, варварство нацизма — плод морального цинизма. Современная цивилизация стремилась дать индивиду больше свободы, чем ему предоставлял традиционный феодальный порядок. Однако современная цивилизация никогда не допускала циничного отрицания общего интереса во имя эгоистического своекорыстного интереса, индивидуального или коллективного.

Говоря о практических вопросах международной политики, Нибур делает следующий вывод: трезвый, взвешенный подход к пониманию ситуации в мире должен исходить из аксиомы, что в основе единства мира лежит стабильное согласие великих держав, в число которых, по мнению Нибура, несомненно, входит и Советский Союз.

Теоретики международных отношений в то время продолжали развивать идеи Ф. Тенниса о различии общества и сообщества, ставшие впоследствии характерной чертой «английской школы» в изучении теории международных отношений [10, 362]. Сообщество (community, Gemeinschaft) связано неким чувством солидарности, общими идеалами. Право в сообществе определяет отношения, которые большинство считает приемлемыми; его применение оказывается оправданным только в аномальных ситуациях. Ему противопоставляется общество (society, Gesellschaft) — состояние «войны всех против всех», по Гоббсу, или международной анархии, где действуют только законы политики с позиции силы [7, 56–77]. Весьма интересно, что Нибур, говоря о союзниках по антигитлеровской коалиции, употребляет именно термин «сообщество». По его мнению, задача международного сообщества на текущий момент — подавить хаос и создать порядок. Следующая же, не менее важная задача — не стать самоуверенными тиранами. Если «дети света» не будут ограничивать свое могущество моральными ограничителями, предсказывает Нибур, то это будет означать, что они слишком хорошо восприняли мудрость или догадливость «детей тьмы».

Итак, «дети тьмы» для Нибура — моральные нигилисты, циники, не признающие никаких законов, кроме собственной воли и собственного интереса, к ним, несомненно, относятся нацисты. «Дети света» — те, кто верят, что над эгоистичными интересами должен стоять высший закон и интересы достижения гармонии. Марксисты в понимании Нибура — также «дети света», однако хотя угроза демократической цивилизации, несомненно, идет извне, от сил варварства и цинизма — от «детей тьмы», все же, оговаривается Нибур, не менее опасна и угроза столкновения различных видов идеализма, каждый из которых собственные идеалы считает верными.

Таким образом, во время Второй мировой войны Рейнхольд Нибур отстаивал глубинное, сущностное сходство либерализма и марксизма и полагал, что на тот момент обе эти «сентиментальные» идеологии делали США и СССР естественными союзниками в борьбе с «циничным» нацизмом.

И в качестве некоего постскриптума хотелось бы привести следующий примечательный факт. В 1950 г., когда Госдепартамент США пригласил Р. Нибура на должность консультанта, ФБР проводило «оценку» его лояльности. Остающийся до сих пор анонимным агент ФБР сообщал, что никогда не слышал о принадлежности Нибура к коммунистической партии, однако не знает ни одного человека, связанного с таким количеством прокоммунистических организаций, кто не был бы членом компартии. Кроме того, по мнению агента, лекции и публичные выступления Нибура носили такой характер, что принятие коммунизма становилось для слушателей естественным логическим выводом [1].

---

1. 1952 FBI Loyalty Investigation Report on Niebuhr [Electronic resource] // Moral Man and Immoral Society: Rediscovering Reinhold Niebuhr. URL: <http://speakingoffaith.publicradio.org/programs/niebuhr-rediscovered/b54.shtml> (дата обращения: 20.04.2010).

2. *Brown S.* The Faces of Power: Constancy and Change in United States Foreign Policy from Truman to Reagan. N. Y., 1983.

3. *Morgenthau H. J.* The Evil of Politics and the Ethics of Evil [Electronic resource] // Ethics. 1945. Vol. 56, № 1, Oct. P. 8. URL: <http://www.jstor.org/sici?sici=0014-1704%28194510%2956%3A1%3C1%3ATEOPAT%E2.0.CO%3B2-Y> (дата обращения: 20.04.2010).

4. *Morgenthau H.* Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. N. Y., 1960. P. 86–87.

5. *Niebuhr R.* The Children of Light and the Children of Darkness. [Electronic resource]. URL: <http://www.religion-online.org/showchapter.asp?title=446&C=347> (дата обращения: 17.02.2007).

6. Reinhold Niebuhr Revisited: Engagements with an American Original / ed. by D. F. Rice, M. E. Marty. W. B. Erdmans Publishing, 2009. P. 107.

7. *Schwarzenberger G.* Power Politics: An Introduction to the Study of International Relations and Post-War Planning. London: Jonathan Cape, 1941. P. 104 ; *Idem.* The Rule of Law and the Disintegration of the International Society // The American Journal of International Law. 1939. Vol. 33, № 1, Jan. P. 56–77.

8. *Thompson K. W.* Toward a Theory of International Politics [Electronic resource] // The American Political Science Review. 1955. Vol. 49, № 3, Sept. P. 733–746. URL: <http://links.jstor.org/sici?sici=0003-0554%28195509%2949%3A3%3C733%3ATATOIP%3E2.0.CO%3B2-W>

9. Нибур Р. Опыт интерпретации христианской этики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Nibur/53.php (дата обращения: 20.04.2010).

10. Теория международных отношений : хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. М., 2002.

УДК 070 + 327(450) + 327(470)

К. М. Табаринцева-Романова

ПАРАД В МОСКВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИТАЛЬЯНСКИХ СМИ

Анализируются статьи в итальянских СМИ, посвященные празднованию Дня Победы в Москве. Выделен ряд общих и специфических оценок данного мероприятия в итальянской прессе.

Ключевые слова: парад в Москве, СМИ Италии, итало-российское взаимодействие.

2010 год, ставший юбилейным, 65-м годом победы в Великой Отечественной войне, отличался размахом отмечания этого события. Апофеозом процесса стал праздничный Парад Победы в Москве, беспрецедентный по своему масштабу и составу. Парад, собравший представителей вооруженных сил стран антигитлеровской коалиции, стал событием не столько социальным, сколько политическим. Учитывая напряженность во взаимоотношениях Россия — НАТО, приглашение натовских «заклятых друзей» стало напоминанием о том, что в нашем общем прошлом мы могли и умели эффективно взаимодействовать. А тот факт, что главы многих государств присутствовали на параде в Москве, а не в своих столицах, привлек небывалое внимание журналистов всего мира. Стоит отметить, что при этом далеко не все россияне восприняли положительно присутствие иностранных солдат на Красной площади: во многих городах инициативные группы собирали подписи в знак протеста против «натовских войск, которые так начинают оккупацию», сознательно меняя контекст с «войск союзников» на расширенный — «натовские». В свою очередь, День Победы достаточно широко отмечался и за рубежом. В качестве довольно необычного примера можно взять небольшой город Кальяри на Сардинии, в котором белорусская община организовала праздничные мероприятия.

В работе мы попытаемся проанализировать оценку Парада Победы в Москве иностранными СМИ, в частности итальянскими. Для сравнительного анализа были выбраны статьи, комментарии и письма из таких газет, как *Repubblica*, *Corriere della sera*, *Raggiopolitica*.

Изучение отобранного материала позволило выделить общие моменты: так, подавляющее большинство авторов статей отмечают необычайный масштаб

ТАБАРИНЦЕВА-РОМАНОВА Ксения Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: rksenia@bk.ru)

© Табаринцева-Романова К. М., 2011

празднования Дня Победы: *Ho trovato impressionante la dimensione della celebrazione*; а также, как ни парадоксально, тот факт, что, несмотря на запрет со стороны правительства использовать во время парада большие фотографии Сталина, несколько десятков людей вышли на площадь с портретами вождя. В качестве иллюстрации приведем газетные заголовки: *Mosca celebra la vittoria della II Guerra Mondiale*; *Alla parata anche foto di Stalin Nonostante divieti foto di Stalin a parata per vittoria II Guerra Mondiale*.

Особо интересной представляется оценка итальянских СМИ (и их читателей) роли СССР в победе 1945 г. В качестве примера процитируем два небольших отрывка из разных публикаций одной и той же газеты *Corriere della sera* от 10 мая 2010 г. [2]:

1. *Il ruolo di Unione Sovietica e Cina e di altre nazioni è stato dimenticato e non se ne parla nei libri scolastici...Forse sarebbe il caso di rendere loro il giusto posto nella storia occidentale. Si potrebbe domandare a Bush, come avrebbero fatto gli americani da soli, senza il grande peso dell'Armata Rossa impegnata ad inseguire e distruggere l'esercito nazista fino a Berlino, a vincere i tedeschi nell'Europa occidentale dopo lo sbarco in Normandia?*¹

2. *Perch  la vittoria sovietica   stata onorata meno di quella americana? La vittoria ...   un evento che produce conseguenze politiche. Sapevamo che i sovietici avevano combattuto con uno straordinario coraggio, ma non potevamo ignorare che l'Urss si era servita della vittoria per imporre regimi comunisti ai Paesi conquistati, perseguire le forze democratiche dell'Europa centro- orientale, imprigionare i dissenzienti?*².

Представленные высказывания подтверждают тот факт, что масштабное празднование Дня Победы заставило задуматься итальянских читателей и журналистов о роли СССР в победе 1945 г., о том, что же было бы, если бы Красная армия не дошла до Берлина. Однако эти публикации можно трактовать двояко: с одной стороны, действительно предположение об изменении оценок действий СССР во время Второй мировой войны в итальянском обществе кажется логичным, и тогда вопросы фальсификации истории переходят на новый уровень изучения. С другой стороны, поскольку подобная точка зрения была представлена только в одной газете, ее можно интерпретировать в совершенно противоположном аспекте: осознавая важность и необходимость постановки вопроса о фальсификации истории, итальянское общество не готово на данном промежутке времени к решительным действиям, высказывания типа «да... но» свидетельствуют о желании оставить все как есть или же допустить

---

¹ Роль Советского Союза и Китая, а также других наций была забыта, о ней не рассказывается в школьных учебниках. Может быть, пришло время вернуть им их роль в западной истории? Можно было бы спросить у Буша, как могли бы справиться американцы без огромной помощи Красной армии, вызвавшей преследовать нацистские войска до Берлина и разгромившей их, победившей немцев в Западной Европы после высадки в Нормандии?

² Почему советская победа чествуется меньше, чем американская? Победа — это событие, которое приводит к политическим последствиям. Мы знали, что СССР сражался с выдающейся смелостью, но мы не должны игнорировать тот факт, что Советский Союз пользовался победой, чтобы установить коммунистические режимы в завоеванных странах, вытесняя демократические силы в Центральной и Восточной Европе, преследуя инакомыслящих.

небольшие и несущественные поправки, которые не разрушали бы целостную, уже сложившуюся картину восприятия данного исторического события.

В любом случае отрадно осознавать, что инициатива пригласить союзников по антигитлеровской коалиции на парад заставила задуматься журналистов и читателей Западной Европы, и в частности Италии, о том, что Советский Союз внес в победу над Германией не меньший, а, вероятно, гораздо более весомый и значимый вклад, чем Европа и США. Это особенно важно, поскольку фальсификации на эту тему давно перешли все границы и большая часть современных американцев не знают, что Россия принимала участие в этой войне. Очевидно, что подобный эффект был одним из важных последствий, предусмотренных при подготовке московского парада.

Следующим общим моментом, характерным для итальянских СМИ, является постоянное напоминание о коммунистическом режиме СССР, в одном ряду с описанием Дня Победы. Однако в то же время наблюдается переход от восприятия победы как победы коммунизма над нацизмом и фашизмом к восприятию ее как победы русской нации над нацистскими агрессорами, т. е. победа в Великой Отечественной войне становится в один ряд с победами над шведскими и польскими захватчиками, в Наполеоновских войнах.

В последние десятилетия стала заметной тенденция к усреднению всех тоталитарных режимов, вплоть до того, что высказывались мнения о том, что коммунизм — это русский нацизм. Подобные тезисы извращают историю и дискредитируют роль Советского Союза и его завоевания не только в ходе Второй мировой войны, но и во всей мировой политике второй половины прошлого века. Супердержава, которой был Советский Союз, сменилась Россией, которая без тоталитарного режима вновь становится значимым полюсом силы. И это заявление, подкрепленное масштабным Парадом Победы, призванным напомнить о грозном величии, было услышано и проинтерпретировано в том числе и в итальянских СМИ.

Говоря о таком ключевом моменте, как участие НАТО в параде в Москве, можно сделать вывод, что совместный парад с союзниками рассматривается итальянской прессой как политическая необходимость: в момент международного экономического кризиса у России появилась потребность вновь заявить о своем статусе мировой державы, который она получила сразу же после победы 1945 г. Упоминание о послевоенном статусе России на международной арене приводит к смещению внимания на «равность статуса» в те годы Западной Европы (она воспринимается как некое единое государство) и России.

Это позволяет итальянским обозревателям проводить «дружественную» идею о статусе мирового супергосударства и в настоящее время с целью противопоставить себя новым, динамично развивающимся полюсам и вернуть «золотые времена». Но несмотря на все попытки уравновесить позиции Европы и России, сделать их действительно равноправными партнерами, периодически, в той или иной форме, случайно или намеренно, среди политической элиты проскальзывает взаимное напоминание-укор, касающееся политических режимов. Так, на реплику Путина о том, что «идеи фашизма и расистского господства все еще очень сильны и могут привести к новой катастрофе», Берлускони

заявил: «Коммунизм до сих пор представляет угрозу свободе. Я аплодировал ветеранам, которые не были коммунистами, а были русскими патриотами. А это совсем другое» [1].

Возможно, что предложенный Президентом РФ формат проведения Парада Победы стал поводом для обсуждения различных тем, касающихся и нашего общего прошлого, и нашего совместного будущего. Европа, оказавшаяся под политическим давлением Америки, Россия, уступившая в последние десятилетия свое лидирующее место азиатским соседям, могут найти общий язык для того, чтобы приобрести тот вес на политической мировой арене, который был им присущ совсем не так давно. Тем более что примеры такого успешного сотрудничества у нас есть, а прошедший 9 Мая 2010 г. парад служит наглядным тому подтверждением.

---

1. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Berlusconi:“Non ho applaudito le bandiere rosse ma i veterani”/repubblica.it/2005/e/dirette/sezioni/esteri/parata/parata/index.html>

2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.repubblica.it/2005/e/dirette/sezioni/esteri/parata/parata/index.html>

УДК 327.82(470) + 327.82(410) +94(55)

Т. Ш. Турдубекова

СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ПРОВЕДЕНИИ СОВМЕСТНОЙ АКЦИИ В ИРАНЕ (АВГУСТ – СЕНТЯБРЬ 1941 г.)

Статья посвящена анализу многогранных и неоднозначных отношений Ирана с ведущими мировыми державами, Великобританией и СССР, в период Второй мировой войны, рассматриваются первые шаги в складывании антигитлеровской коалиции.

Ключевые слова: Иран, СССР, Великобритания, Вторая мировая война, международные отношения, дипломатия.

С первых дней Великой Отечественной войны международная ситуация изменилась, начался процесс формирования лагеря союзников, разрабатывающего не только общие планы по борьбе с гитлеровской Германией, но и общие внешнеполитические ориентиры в отношении третьих стран. О совместной англо-советской акции в Иране в августе – сентябре 1941 г. в отечественной и английской историографии сложилась точка зрения, суть которой сводилась к тому, что вступление советских и английских войск на территорию Ирана было оправданным шагом, предотвратившим возможность захвата Ирана нем-

---

ТУРДУБЕКОВА Талайгюль Шабданбековна – ассистент кафедры востоковедения Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: talulya@inbox.ru).

© Турдубекова Т. Ш., 2011

цами и обеспечившим транзитный путь для английских и американских поставок в СССР через Иран. В советской историографии ввод войск представлялся как вынужденная мера, решение о которой было принято в самый последний момент. Однако документы свидетельствуют, что иранский вопрос становится одной из интенсивных тем советско-английских дипломатических консультаций уже с начала Великой Отечественной войны.

23 июня 1941 г. посольство СССР в Иране посетил военный атташе Великобритании Андервуд, который констатировал, что иранское правительство теперь станет более смелым в отношении СССР, так как Советский Союз, приняв вызов Германии, ослабит свою мощь и, по мнению иранцев, будучи отвлечен тяжелой борьбой с Германией, не сможет в случае необходимости влиять на политику Ирана. Кроме того, военный атташе предположил, что в ближайшее время Англия и СССР должны встать на путь полного сотрудничества в военных действиях против Германии. Касаясь работы немцев в Иране, Андервуд отметил, что немцы в последнее время стали сильно влиять на иранское правительство [5, 754]. В Лондоне в беседе с Майским, советским послом в Великобритании, А. Иден, говоря об отношении к странам Среднего и Ближнего Востока, указывал на желательность общей политической линии в отношении Ирана, Афганистана, Ирака. Таким образом, уже с первых дней Великой Отечественной войны начинается зондаж английской стороны по поводу дальнейших действий Москвы в отношении соседей на южных границах СССР.

Необходимо отметить, что англичане не раз выступали с заявлениями против немецкой активности в Иране, но правительство Ирана отвечало, что держит ситуацию под контролем. С советской стороны подобных заявлений не делалось, да и в принципе не могло быть, учитывая «дружбу» СССР и Германии в период с августа 1939 г. по июнь 1941 г. К началу Великой Отечественной войны отношения Великобритании с Ираном были достаточно сложными и по причине конфликта с правительством Ирана по поводу Англо-иранской нефтяной компании (АИНК). В начале июля 1940 г. иранское правительство пригрозило аннулировать концессию Англо-иранской нефтяной компании [2, 16]. В конце августа 1940 г. иранская пресса начала нападки как на Англо-иранскую нефтяную компанию, так и на Великобританию в целом. Правительство Ирана потребовало от компании 10 млн фунтов стерлингов в связи с недополучением налогов из-за уменьшения взносов. Британцы согласились заплатить только 4 млн, и иранское правительство практически прекратило переговоры [1, 479]. В конце концов компромисс был достигнут: англичане обязались выплатить 4 млн фунтов стерлингов до конца 1941 г., а после 1941 г. намечалось проведение переговоров с целью предоставить иранскому правительству большую долю участия в производстве компании. Министр финансов Ирана, комментируя уступки своей страны, заявил, что отсрочка пересмотра является временной и необходима для обеспечения немедленных финансовых поступлений в страну. Тем не менее министр подчеркнул, что Иран оставляет дверь открытой для последующих претензий [Там же]. Подобные заявления государственных деятелей Ирана и явное стремление страны уменьшить долю участия англичан в деятельности Англо-иранской нефтяной компании не могли

не волновать Великобританию, которая была заинтересована в контроле над АИНК и дальнейшем бесперебойном функционировании крупнейшего нефтеперегонного завода, находящегося в Абадане, на юге Ирана.

26 июня 1941 г. НКВД СССР направил ноту посольству Ирана в Москве, в которой сообщалось о якобы готовящемся немцами государственным перевороте в Иране. Этот дипломатический документ содержал сведения о наличии большого числа немецких шпионов и военных на территории Ирана [4, 156]. В этот же день посол Ирана в Москве М. Саед в вербальной ноте сообщил наркому иностранных дел В. М. Молотову о том, что Иран будет соблюдать нейтралитет [8, 443].

27 июня 1941 г. состоялась беседа В. М. Молотова с послом Великобритании в Москве С. Криппсом, в которой нарком, упоминая разговор Идена с Майским, заметил, что теперь, когда речь идет о контакте по военной линии и об оживлении англо-советских военных и экономических переговоров, возникает вопрос, в каких масштабах обе страны будут помогать друг другу. Будет ли вопрос о помощи разрешаться в узкой или более широкой форме. Криппс, в свою очередь, заявил, что он согласен с тем, что правительства должны следовать общей политической линии в отношении Ирана, Ирака и Афганистана, а также добавил, что в настоящий момент целью как Англии, так и СССР является предотвращение проникновения Германии или кого-либо из ее партнеров в страны Среднего, Ближнего и Дальнего Востока, и особенно это важно в отношении Ирана [6, 48].

На следующий день, 28 июня, состоялась беседа наркома внешней торговли А. И. Микояна с послом С. Криппсом, в которой обсуждались вопросы помощи СССР в рамках импорта товаров в Советский Союз. Касаясь вопроса о транспорте, посол Великобритании заявил, что желательно максимально использовать Трансиранскую железную дорогу, а также шоссейные дороги Ирана [Там же, 61]. Микоян, в свою очередь, высказал мнение, что лучше было бы восстановить самый короткий довоенный путь Мурманск — Лондон, а это связано с вытеснением немцев из Норвегии. Криппс ответил, что он обсуждал этот вопрос в Лондоне с Адмиралтейством, которое пока не видит такой возможности [Там же]. Вопрос об использовании иранских коммуникаций, поставленный англичанами, получил развитие с советской стороны уже 29 июня в беседе В. М. Молотова с послом США в СССР Л. Штейнгардтом. Нарком иностранных дел, рассматривая возможность поставок американских материалов и оборудования в Советский Союз, отметил, что существует путь через Персидский залив и Иран, «путь, который работает круглый год» [Там же].

30 июня 1941 г. в Тегеран прибыл А. А. Смирнов, вновь назначенный посол СССР в Иране. Уже через несколько часов после прибытия в Тегеран он попросил приема у премьер-министра Али Мансура, несмотря на некоторые колебания премьер дал согласие принять А. А. Смирнова, что выходило за рамки дипломатического протокола. Смирнов изложил Али Мансуру текст заявления советского правительства о расширении товарооборота с Ираном и о транзите через Иран советских грузов. В свою очередь, премьер-министр ответил, что готовность советского правительства расширить товарооборот полностью

отвечает желаниям иранского правительства, и подтвердил, что иранское правительство согласно оказать всяческое содействие транзиту через Иран советских грузов. Однако он сделал оговорку, что если в числе этих грузов не будут такие, которые могли бы нарушить нейтралитет Ирана. Смирнов указал, что советское правительство не намерено ставить под угрозу нейтралитет Ирана, и уточнил, какие же товары Иран считает опасными для нейтралитета. На ответ Мансура, что в качестве опасного груза иранцы рассматривают только оружие, посол заметил, что СССР намерен ввозить только сырье, различные промышленные изделия и машины [6, 86–87]. Таким образом, уже в конце июня союзники начали зондировать Иран по дипломатическим каналам на предмет использования территории страны для транспортировки грузов в Советский Союз.

8 июля состоялась беседа И. В. Сталина с послом Великобритании С. Криппсом, в которой помимо других вопросов разрабатывались дальнейшие действия союзников в отношении Ирана. В частности, Сталин поставил перед английским послом вопрос о большом скоплении как в Иране, так и в Афганистане немцев, «которые будут вредить и Англии, и СССР», а также поинтересовался, что Криппс считает необходимым предпринять, чтобы выгнать немцев из Ирана и Афганистана. Посол Великобритании предположил, что оба правительства могли бы предложить Тегерану удалить немецкую пятую колонну [Там же, 87]. Таким образом, в начале июля И. В. Сталин фактически намекнул англичанам на возможность совместных англо-советских действий в отношении Ирана на основе тезиса о большом количестве немецких агентов в стране.

10 июля состоялась беседа И. В. Сталина и В. М. Молотова с С. Криппсом, в которой английский посол высказал предположение, что, может быть, дипломатические меры придется поддержать военными мерами. Сталин согласился с этим замечанием посла. В конце беседы Криппс добавил, что единственный способ расправиться с немцами — это предпринять совместные действия [Там же, 132]. К середине июля Москва и Лондон договорились о совместных действиях в отношении Ирана, оставалось только решить вопрос о форме совместной акции — дипломатической или военной. Вместе с тем очевидно, что стороны все больше склонялись к военному разрешению вопроса.

18 июля С. Криппс информировал В. М. Молотова о том, что в Лондоне было принято решение о проведении совместного англо-советского демарша в отношении Ирана. Кроме того, в беседе с наркомом СССР посол Великобритании отметил, что в своей телеграмме А. Идену указывал министру иностранных дел «не колеблясь предпринимать меры как военного, так и политического и экономического характера, если англо-советская просьба о выдворении немцев не будет выполнена» [Там же, 168–169].

19 июля советское и английское правительства направили ноты иранскому правительству с требованием высылки немцев из Ирана. В этот же день утром состоялась беседа И. М. Майского с А. Иденом и чуть позднее с У. Черчиллем. Министр иностранных дел выступил за более решительные меры в отношении иранской проблемы, а премьер-министр высказался о необходимости применения всех мер, вплоть до совместной англо-советской оккупации страны [Там же, 170].

20 июля Криппс вручил Молотову памятную записку относительно присутствия немцев в Иране и Афганистане. В документе говорилось, что правительство Великобритании приветствует предложение Сталина относительно «совместных действий по оказанию нажима на оба правительства» (иранское и афганское) и что английскому представителю в Тегеране Р. Булларду было дано распоряжение поддержать любой демарш советского коллеги по этому вопросу. В записке указывалось, что правительство Его Величества на данном этапе не склонно применять строгие меры в отношении Ирана, однако оговаривалось, что Великобритания рассматривает этот вопрос «как пробный шар и что оно, возможно, вынуждено будет пересмотреть политику... если не будут предприняты немедленные действия (со стороны Ирана. — *Т. Т.*)» [7]. В беседе с английским послом Молотов, коснувшись нот от 19 июля, представленных советским и английским представителями иранскому правительству, отметил, что эти демарши не дали положительных результатов и что иранцы не склонны идти навстречу союзникам по вопросу пребывания немцев в стране. Криппс попросил Молотова сообщить советскому послу в Лондоне И. М. Майскому о тех формах действия, которые советское правительство предполагает предпринять в отношении Ирана, если тот откажется пойти навстречу в вопросе о немцах, и заявил, что считает весьма важным, если бы советское правительство приняло предложение англичан относительно военного или экономического давления на Иран, в случае отказа последнего в вопросе о немцах. Английский посол, обратившись к советско-иранскому договору 1921 г., поинтересовался, будет ли советское правительство придерживаться пунктов этого договора, если на территорию Ирана вступят посторонние войска. Причем Криппс указал, что немецкие войска, как известно, могут быть одеты в гражданское платье [6, 172].

26 июля англичанами был поставлен вопрос о совместных действиях английской и советской разведки, в том числе и в Иране, в целях борьбы с гитлеровской Германией [Там же, 185]. К 5 августа 1941 г. Москва и Лондон договорились о координации действий разведок на территории Ирана [Там же, 219].

6 августа 1941 г. А. Иден, выступая в палате общин, критиковал иранское правительство за бездействие. В ответ иранцы в газете «Эттелаат» выразили мнение, что любое действие, которое предполагают британцы, приведет к тому, что они нарушат свой нейтралитет [3, 18].

16 августа союзники представили иранскому правительству меморандумы с требованием сократить число немецких граждан до конца августа, по крайней мере, на 80 %. Иранцы должны были ответить на это требование в течение трех дней. На состоявшейся 16 августа встрече с Р. Буллардом глава персидского правительства охарактеризовал британский меморандум как «ультиматум» и сделал намек, что британское правительство имеет другие цели, отличные от изгнания немцев [Там же, 17]. Перед Ираном стоял очень сложный выбор: выгнать немцев и тем самым удовлетворить требование союзников, что автоматически привело бы Иран к конфликту с Германией, либо пойти на уступки Великобритании, имевшей сильные позиции на юге, и СССР с его вооруженными силами на севере страны. Иран пытался лавировать между Германией и союзниками. Вместе с тем к концу лета 1941 г. международная обстановка

складывалась в пользу Германии, завоевавшей практически всю Европу и наносящей поражения СССР.

В конце августа иранцы согласились выслать часть немцев, но это не устроило союзников. Лондон и Москва продолжали вести переговоры о возможности проведения совместной военной акции в Иране. 21 августа заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский пригласил посла Великобритании и сообщил ему, что советская сторона поддерживает совместное выступление английских и советских войск в Иран и что уже даны соответствующие указания, а также изготовлены листовки и приняты другие необходимые меры [6, 246].

Утром 25 августа 1941 г. британские войска вошли на территорию Ирана с юга и запада, а советские Вооруженные силы пересекли его северную границу. В. М. Молотов от имени советского правительства вручил иранскому послу М. Саеду ноту, в которой после долгой преамбулы о дружбе и искренности советского правительства в отношении Ирана говорилось, что в связи с тем, что иранское правительство отказалось принять меры в отношении немецких интриг на территории Ирана, несмотря на то, что советское правительство неоднократно 26 июня, 19 июля и 16 августа обращало внимание иранцев на подрывную и шпионскую деятельность германских агентов, советское правительство вынуждено в соответствии со статьей 6 договора 1921 г. ввести в целях самообороны свои войска [Там же, 256–260].

В этот же день 25 августа британский посланник и советский посол были приняты шахом Ирана по его просьбе. Реза-шах просил объяснить ему «мотивы вторжения на персидскую территорию» и сказал, что хотел бы изгнать всех немцев в течение недели при условии, что военная англо-советская акция будет немедленно прекращена. «Но что, — спросил он, — станут делать союзные правительства, если немцы будут изгнаны?» Этот вопрос был оставлен без ответа.

27 августа 1941 г. прежний кабинет министров Ирана ушел в отставку и на следующий день было сформировано новое правительство во главе с Мухаммедом Али Форуги. Первым решением нового правительства стал приказ иранским войскам остановить боевые действия и прекратить вооруженное сопротивление. В ответ 30 августа союзники передали иранскому правительству новые ноты, в которых выдвигали ряд требований: отступление иранских войск, выдворение из Ирана всех немецких подданных, за исключением официальных членов персонала, не имеющих отношения к военным организациям. В нотах выдвигалось новое требование о предоставлении коммуникаций Ирана в распоряжение союзников для перевозки в СССР необходимых грузов.

8 сентября между Ираном, Великобританией и СССР было подписано соглашение об определении дислокации союзных войск: советских на севере, английских — на юге. Иранское правительство обязалось выслать германскую, итальянскую, румынскую и венгерскую миссии.

1 сентября 1941 г. состоялась беседа А. А. Смирнова с шахом Ирана, в которой посол СССР поставил Реза-шаха в известность, что, видимо, в скором времени стороны будут иметь возможность обсуждать союзный договор. Шах заявил, что с нетерпением ждет договора, который оформит союз, но что он не хотел бы, чтобы только СССР защищал Иран, что иранская армия сильна и

может защитить себя [6, 277–278]. Совершенно очевидно, что шах опасался судьбы прибалтийских стран и боялся заключать какие-либо союзы с СССР. Поэтому неудивительно, что 8 сентября иранский посол в Москве М. Саед поставил перед Деканозовым вопрос об установлении на время войны *тройственного союза* Ирана, СССР и Англии. Этот вопрос, по всей видимости, ставился иранцами и английской стороне, так как 9 сентября в беседе с В. М. Молотовым и послом США Л. Штейнгардтом С. Криппс поднял этот вопрос и спросил Молотова, можно ли ожидать одобрения этого предложения со стороны советского правительства. Нарком, в свою очередь, ответил, что предложение это было поставлено лишь 8 сентября и его необходимо изучить. Посол Великобритании заметил, что если бы обе стороны договорились с иранским правительством, на которое можно было бы положиться, и заключили с ним защитный и наступательный союз, то это ликвидировало бы затруднения Англии и СССР на Ближнем Востоке. На вопрос Молотова, относится ли английское правительство к предложению Саеда положительно, Криппс ответил, что лично он считает предложение иранского посла очень хорошим, однако не может давать какие-либо советы своему правительству, не будучи информирован о позиции советского правительства в этом вопросе. Молотов, в свою очередь, заверил дипломатов, что это предложение будет рассмотрено в ближайшее время [Там же, 288–289].

Уже на следующий день, 10 сентября, вызвав С. Криппса в наркомат иностранных дел, В. М. Молотов сообщил, что советское правительство рассмотрело предложение иранского посла и отнеслось к этому предложению положительно [Там же, 389–390]. Однако союзники полагали, что англо-советско-персидский альянс, заключенный при непопулярном в народе шахе, не будет столь значимым. Британская политическая разведка отмечала, что ответственность за устранение шаха должна быть возложена на Иран, а не на союзников [3, 15]. Это предопределило ввод англо-советских войск в Тегеран 16 сентября под предлогом того, что некоторым немецким подданным удалось скрыться и иранское правительство не может их найти. Следствием этих событий, как и предполагалось, стало отречение Реза-шаха в пользу своего сына. Соглашение между Ираном, Великобританией и СССР было подписано 29 января 1942 г.

Изучение дипломатических документов показывает, что иранский вопрос был важной частью советско-английских переговоров начального периода Великой Отечественной войны. Совместная советско-английская акция в Иране была первым шагом союзников в рамках складывающейся антигитлеровской коалиции, в результате которого был открыт доступ к еще одному пути для поставок в СССР. Этот путь обеспечил более 20 % всех поставок Советскому Союзу союзниками в период Великой Отечественной войны. Союзниками были выработаны общие внешнеполитические ориентиры в отношении Ирана и фактически разграничены сферы влияния, совместной акцией Великобритания и СССР признали интересы друг друга в этом районе. Для Великобритании было важно ввести войска в южные районы, прежде всего для охраны нефтяных заводов, для соединения своих вооруженных сил в Индии и Бирме с войсками в Ираке, Северной Африке. Для Советского Союза Иран был возможной сферой

расширения советского влияния по примеру Прибалтики. Отклонение советской стороной предложений У. Черчилля о переброске советских войск с территории Ирана на передовую во время Великой Отечественной войны, нежелание советского руководства после войны вывести войска (вплоть до 1946 г.), попытки получить разработку нефти Кевир-Хуриана на севере, а также переговоры Молотова в Берлине в ноябре 1940 г., по итогам которых Москва приняла предложения Гитлера о расширении советского влияния в сторону Персидского залива, — все эти действия свидетельствуют о том, что Иран рассматривался СССР в качестве объекта советского влияния на долгосрочную перспективу.

-
1. Documenti diplomatici italiani. Roma, 1959. Serie 9. Vol. 3.
  2. PRO. FO. Weekly Political Intelligence summaries. Vol. 2.
  3. PRO. FO. Weekly Political Intelligence summaries. Vol. 4.
  4. Внешняя политика СССР в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. М., 1946–1947. Т. 1.
  5. Документы внешней политики. М., 1998. Т. 23, кн. 2, ч. 2.
  6. Там же. М., 2000. Т. 24.
  7. Памятная записка посольства Великобритании [Электронный ресурс]. URL: http://katynbooks.narod.ru/foreign/Doc.vnesh.polit_ru.htm#15/
  8. Россия, XX век: Документы. 1941 год : в 2 кн. М., 1998. Кн. 2.

УДК 930:327.54 + 94(430)

А. Н. Усова

ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ИТОГАХ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Анализируется зарубежная литература по проблеме образования двух германских государств в Европе в свете непрекращающихся дискуссий о генезисе холодной войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историография, холодная война, ГДР, ФРГ.

Вторая мировая война стала определяющим событием в истории Европы XX в. Чтобы осознать это, изучить, необходим обмен информацией, мнениями. Каждый год выпускаются сборники, монографии, журналы, посвященные теме послевоенной истории СССР, Германии и Европы в целом. Некоторые издания выходят одновременно на русском, немецком и английском языках. В данной

УСОВА Анастасия Николаевна — методист Института развития регионального образования, соискатель кафедры регионоведения России и стран СНГ Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: usova_ana@mail.ru).

© Усова А. Н., 2011

статье анализируются работы немецких (восточных, западных) и англоязычных авторов по вопросу образования двух германских государств, что явилось важнейшим итогом Второй мировой войны в Европе. Нужно отметить, что относительно зарубежной историографии в советский период времени часто использовали понятие «буржуазная историография».

До 1990-х гг. российский читатель не имел возможности ознакомиться со всем объемом зарубежной литературы XX в., потому что большая часть трудов не переводилась, они оставались недоступными. В силу недоступности основного массива литературы читатели опирались на незначительные историографические обзоры отечественных авторов.

В западной историографии холодной войны присутствует анализ «европейского измерения», который до недавнего времени игнорировался в большинстве отечественных работ. Западные авторы справедливо рассматривают холодную войну как процесс обоюдный, в котором каждая из сторон несет свою долю ответственности. Эта тема рассматривается в книгах в тесной увязке с оценкой внутривосточного положения в США, СССР и западноевропейских странах. В работе А. М. Филитова прослеживаются многолетние дискуссии вокруг «модернистских» подходов к истории послевоенной международной конфронтации [6].

Феномен холодной войны является предметом давнего острого интереса зарубежных историков и публицистов. Российский исследователь С. И. Аппатов считает, что основными направлениями западной историографии холодной войны являются «реалистическое», «ревизионистское» (конец 1940-х — 1950-е гг.), «неоревизионистское» (1960–1970-е гг.) и «постревизионистское» (конец 1970-х — 1980-е гг.) [2, 180]. Позиции радикального неоревизионистского и прогрессистского направлений в американской историографии ослабли с конца 1960-х гг., но тем не менее они выступают как постоянный феномен общественной и научной жизни США.

Дж. Гимбель, американский историк-«ревизионист», автор ряда работ по вопросам послевоенной оккупационной политики США, опубликовал исследование «Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte» («Очерки современной истории») [10], в котором анализируется современное состояние американской историографии германской проблемы. Долгие годы, отмечает Гимбель, в историографии внешней политики США господствовали антисоветские и антикоммунистические стереотипы, «интерпретации, возникшие в период холодной войны». Широко распространялись стандартные тезисы о постоянной «агрессивности Москвы», о «принципиальной невозможности» мирного сосуществования, о том, что в возникновении холодной войны виновен Советский Союз. В 1970-е гг. позиции официально-консервативного направления были значительно подорваны, хотя и предпринимались попытки возрождения мифов, созданных в первые послевоенные годы (пример тому — публикация консервативного историка Дж. Беккера «Priming the German economy. American occupational policies. 1945–1948») [8].

Анализируя германскую историографию, следует обратить внимание на то, что непосредственно после окончания войны внимание немцев на события

прошедшей войны обращали оккупационные власти. Так, например, газеты всех оккупационных зон подробно освещали процесс, который велся против главных военных преступников на Международном военном трибунале в Нюрнберге с 14 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. и последующих нюрнбергских процессах, в том числе против ведущих военных чинов. В отчетах о ходе судебных заседаний преобладал мрачный образ войны и вермахта [см.: 7, 85].

Особенностью восточногерманской историографии проблемы было то, что историки особое внимание уделяли анализу внутривнутриполитических процессов, происходивших в стране. С. Дёрнберг предпринял первую попытку исследовать историю зарождения Германской Демократической Республики и уделил большое внимание сотрудничеству немецких властей и народа с органами СВАГ [4]. Известные историки ГДР Г. Кайдерлинг и П. Штульц в работе «Берлин 1945–1975» показали историю Берлина с 1945 по 1975 г. с марксистско-ленинских позиций [5].

В литературе Восточной Германии взгляд на войну оставался сравнительно однозначным на протяжении всех лет. Образ Второй мировой войны создавался в рамках марксизма-ленинизма. Приводимые исследователями факты и интерпретация ими политики оккупационных властей показывали неприукрашенную сущность войны. Считалось, что война в первую очередь была спровоцирована германским монопольным капиталом. С упразднением капитализма в советской оккупационной зоне опасность войны была раз и навсегда устранена, в то время как на Западе из-за преимущества капиталистического экономического и общественного строя, а также из-за влияния США она по-прежнему угрожала всем немцам.

Историографию ГДР следует рассматривать под углом зрения объединения двух немецких государств, социально-экономических, политических и духовных предпосылок немецкого единства.

А. А. Аникеев пишет, что в послевоенный период в Восточной Германии была осуществлена система мер, способствовавших формированию вначале антифашистской, а затем марксистской историографии. Были достигнуты известные результаты в изучении национальной истории, наследия и традиций немецкого народа. Однако со второй половины 1980-х гг. историческая наука в ГДР начала быстро утрачивать свои главные функции. Историки слабо разрабатывали методологические проблемы, не уделяли должного внимания объективному изучению теории современного капитализма и социализма. Восприняв концепцию «социализма в цветах ГДР», они не видели альтернативы командно-административной системе. В самой исторической науке усиливалась однобокость. Достижения западногерманской историографии игнорировались [1, 76].

Историки Восточной Германии располагали разветвленной исследовательской базой. Однако в условиях отсутствия демократического законодательства, регулирующего деятельность научных учреждений и учебных заведений, архивное, музейное и библиотечное дело, результативность и общественный престиж исторической науки падали. В течение многих лет принудительно навязывались идеологизмы, привносимые политической конъюнктурой и политическими авторитетами.

О кризисе исторической науки ГДР свидетельствовало, во-первых, ее слабое воздействие на общественные процессы, во-вторых, утрата чувства реальности при оценке общественного развития, в-третьих, хроническое запаздывание в анализе событий. Историки недооценили глубину и характер перемен, происшедших в общественном сознании, уходили от освещения острых вопросов, и как результат — значительная часть ученых очутилась как бы на обочине политической жизни. Историческая наука оказалась неподготовленной к общественно-политическому кризису 1989–1990 гг.

Несмотря на жесткий партийно-государственный контроль, в ГДР продолжали работать либерально-демократические и христианско-демократические историки. Эта сторона развития восточногерманской историографии требует более глубокого изучения. Возникает вопрос: что же произошло с восточногерманской историографией после объединения двух немецких государств? В прессе появились сообщения о расформировании многих институтов и специальных заведений на востоке Германии и изменении позиций ряда видных ученых.

Западногерманская историография с самого начала появления ФРГ носила ярко выраженный консервативный и реваншистский характер. Это направление присутствует на всех этапах развития исторической науки в Западной Германии. А. И. Борозняк обратил внимание на опубликованную в специальном номере журнала реваншистско-милитаристских кругов ФРГ «Nation Europa», адресованном западногерманской молодежи, статью Э. Визмара. В ней вопрос о происхождении двух германских государств трактовался с неонацистских позиций. Автор стремился доказать, что виновником раскола Германии является Советский Союз, подготовивший будто бы образование «сепаратного коммунистического государства в Средней Германии», в то время как западные державы «не предпринимали никаких шагов к расколу Германии». По мнению А. Борозняка, для доказательства этого тезиса автор в искаженном виде освещал историю периода, предшествовавшего образованию ФРГ и ГДР [3, 177].

Такие известные немецкие историки, как Э. Нольт и А. Хилльгрубер (историки консервативной ориентации), в своих работах пытались отыскать причинность связи между существованием коммунизма и возникновением национал-социализма; кроме того, они явно преувеличивали реальное международное значение событий в своей стране в тот период.

С конца 1970-х гг. в ФРГ усилилось внимание к историографии, источниковедению, библиографии. Окончание холодной войны и открытие многих ранее недоступных московских архивов способствовали более глубокому изучению событий на советско-германском фронте, мало знакомых западному читателю, особенно молодежи.

В настоящее время в ФРГ публикуется огромное количество газетных и журнальных статей и научных исследований о России. Авторитетными газетами, научной и научно-публицистической периодикой в Германии считаются «деловые» издания типа «Handelsblatt» («Все о торговле»), «Süddeutsche Zeitung» («Южно-немецкая газета»), «Der Spiegel» («Зеркало»), «Focus» («Фокус»). В последнее время все чаще на страницах этих изданий анализируется важная тема — будущее российской внешней политики. Немецко-российские отноше-

ния рассматриваются, как и раньше, в европейском контексте, исключаящем всяческую возможность возрождения особых отношений. Также на страницах этих солидных газет, еженедельников и журналов доминирует философско-мировоззренческая тема: «Россия и Европа».

С 1950 г. выходит ведущий западноевропейский журнал «Osteuropa» («Восточная Европа»). Журнал ежемесячно представляет новые идеи, аналитические материалы, дебаты на актуальные темы. «Osteuropa» внимательно следит за изменениями в новой Европе. Регулярно выходят тематические выпуски о наиболее значимых проблемах. Сегодня журнал «Osteuropa» играет все большую роль в немецкоязычной и европейской научной публицистике. Ландшафт немецких изданий о современной Восточной Европе изменился. В этой ситуации «Osteuropa», в силу своей исключительно длительной традиции и широкого распространения по библиотекам и научным институтам, оказывает особо сильное влияние, а ежемесячный ритм позволяет журналу оперативно отвечать на вызовы актуальной политики и постоянно обращать внимание общественности на затрагиваемые вопросы. Даже такие прекрасные англоязычные периодические издания о Восточной Европе, как «Slavic Review», «Post Soviet Affairs» или «Europe-Asia Studies», уступают «Osteuropa», поскольку выходят реже. В Германии подобного ритма придерживается всего несколько изданий, например авторитетный журнал «Der Merkur» («Меркурий») и журнал «Blätter für deutsche und internationale Politik» («Тетради о германской и международной политике»). Чтобы сохранить свой высокий статус, «Osteuropa» усиленно сотрудничает с иностранными авторами и журналами, распространяя идеи немецких авторов за пределы немецкоязычного мира.

В западной историографии встречается порой тезис, что холодная война берет начало с даты образования СЕПГ, однако в большинстве работ последнего времени он не находит отражения. Западногерманский историк Х. Клесман, автор капитального труда по послевоенной истории Германии, наиболее сбалансированного по своим оценкам, выражает мысль прямо противоположного свойства, нежели приверженцы идеи «немецкого первенства» в послевоенной международной конфронтации. В частности, он пишет: «В 1945–1946 гг. линии конфликтов не совпадали с линией, разделявшей восточную и западные зоны; кое-что говорит в пользу того тезиса, что германский вопрос скорее задержал развязывание холодной войны, будучи поначалу чем-то вроде скрепы для разваливавшегося союза» [12, 168].

Тезис о «скрепе» весьма спорен, хотя совместная борьба с фашизмом и совместный опыт по его искоренению рождали у западных оккупационных сил чувство солидарности с советскими людьми, которое препятствовало антисоветской пропаганде. Но и не придерживающийся этого тезиса английский историк М. Говард склонен датировать начало открытой конфронтации великих держав в германском вопросе 1947 г. [11, 137–149]. Консервативный западногерманский историк А. Хильгрубер вообще считает, что вступление Германии в холодную войну следует отнести к рубежу 1948 и 1949 гг. [9, 25].

Западногерманский исследователь Э. Нольте признавал, что создание СЕПГ, как бы его ни оценивали, — это, во-первых, событие германской истории, а не

истории международных отношений и, во-вторых, даже в аспекте внутригерманском — событие, вовсе не повлекшее за собой обострение политической обстановки, а тем более конфронтацию [13, 132].

Современная зарубежная историография, анализируя феномен холодной войны, стала больше внимания уделять силам, препятствующим перевооружению ФРГ. Эта проблема на протяжении длительного времени остается предметом весьма различных трактовок и оценок. Г.-А. Якобсен придерживается точки зрения, что «форсированная политика западной интеграции сталкивалась со значительным внутренним сопротивлением» в ФРГ. Г. Грамль считает это сопротивление гораздо менее значительным, В. Лот ограничился тем, что просто привел оба этих мнения, не высказав собственного. Весьма оптимистична оценка Лотом возможных (хотя и не сбывшихся) перспектив оппозиции населения ФРГ курсу Аденауэра: «То, что ведущие силы в западных внешнеполитических ведомствах не желали решения германского вопроса на основе нейтрализации, еще вовсе не доказывает невозможности принудить их силой общественного мнения начать такие переговоры». Никто из западных историков еще не высказался в такой форме о потенциале общественного мнения [6, 177].

В целом можно сказать, что историография, особенно новые труды, появившиеся в результате более широкого доступа к архивным первоисточникам, никак не подтверждают тезис о том, что «немецкий фактор» в «европейском измерении» действовал однозначно в сторону конфронтации, играл роль ее катализатора.

Из новейших публикаций несомненный интерес представляет работа Д. Шепардсона «Конфликт и дипломатия: от Первой мировой до холодной войны» [14], в которой успешно решены такие трудные задачи, как признание приоритета за объективными условиями взаимодействия мировых сил, вызывающими кризисы, конфликты, войны и определяющими изменения в положении держав на мировой арене, перемены в их статусе, смену внешнеполитических курсов, выбор союзников и определение военно-стратегических целей. При этом автор «ухитряется» уделить серьезное внимание внутренним факторам межгосударственных отношений. Он делает это компетентно, демонстрируя прекрасную осведомленность в тонкостях социально-политического процесса, свойственных ведущим странам Европы и США. В работе Шепардсона «герои» и «антигерои» часто меняются местами, но каждый из них остается объектом тщательного и непредвзятого авторского анализа. Книга дает читателю возможность объективно оценить происходящие события и познакомиться с точкой зрения автора. Исследование базируется на многочисленных источниках.

Таким образом, зарубежные работы помогают объективно оценивать события, произошедшие в послевоенный период. Весьма важной задачей историков остается изучение последствий и уроков войны, особенностей развития страны в условиях сохранения авторитарной системы. Решить эту задачу с каждым годом становится все проще в связи с изменением отношений между двумя странами и появлением все более взвешенных, многоконцептуальных подходов в изучении этой проблемы.

1. Аникиев А. А. Историография Восточной Германии: подъем и кризис. Ставрополь, 1993.
2. Анпатов С. И. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе // Вопр. истории. 1993. № 4.
3. Борозняк А. И. Кто виновен в расколе Германии? // Там же. 1969. № 8.
4. Дерриберг С. Рождение новой Германии. 1945–1949 гг. Антифашистско-демократические преобразования и возникновение ГДР. М., 1962.
5. Кайдерлинг Г., Штульц П. Берлин. 1945–1975. М., 1976.
6. Филитов А. М. Холодная война: историографические дискуссии на Западе. М., 1991.
7. Эхтернкамп Й. «Немецкая катастрофа?»: О публичной памяти о Второй мировой войне в Германии // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41).
8. Becker J. Priming the German economy. American occupational policies. 1945–1948. N. Y., 1977.
9. Hillgruber A. Europa in der Weltpolitik der Nachkriegszeit, 1945–1963. Munchen, 1993.
10. Himbel J. Vierteljahreshefte fur Zeitgeschichte. Stuttgart, 1972.
11. Howard M. Continuity and change in Germany's turbulent twentieth century // German politics and society. 2000. № 3.

УДК 327.51 + 327.56 + 94(100)“1939/45”

А. Г. Чевтаев

СТАЛИН, РУЗВЕЛЬТ, ЧЕРЧИЛЬ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ БОЛЬШОЙ ТРОЙКИ ОТ «БАРБАРОССЫ» ДО «ТЕРМИНАЛА»

Анализируются этапы развития отношений в рамках Большой тройки. Показаны особенности и различия политических стратегий великих держав, которым в результате успешного дипломатического маневрирования — от конфронтации к ялтинскому компромиссу удалось создать контуры послевоенной системы.

Ключевые слова: Большая тройка, Атлантическая хартия, польский вопрос, сепаратный мир с Германией, пояс безопасности.

Хорошо известно, что основным фактором победы антифашистских сил во Второй мировой войне стало единство трех великих держав — СССР, США и Великобритании. Наиболее ярко оно проявилось в создании и развитии обширной и сложной системы взаимоотношений их руководителей — И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. За 65 лет, прошедших после Второй мировой и Великой Отечественной войны, появилось немало работ, посвященных истории Большой тройки [4, 7, 8, 15, 20, 24, 30]. И все же многие стороны отношений и деятельности партнеров тройки остаются на периферии историографического опыта, как отечественного, так и зарубежного.

Одной из них является *политическая стратегия* Сталина, Рузвельта и Черчилля, начиная с 22 июня 1941 г. и до Потсдамской конференции и окончания

ЧЕВТАЕВ Анатолий Гаврилович — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Второй мировой войны. Речь идет о совокупности глубинных и далеко идущих геополитических замыслов Кремля, Белого дома и Уайтхолла на различных этапах войны, и не только против Германии, но и в отношении друг друга. И если замыслы против агрессора в значительной мере не скрывались (хотя и тут многое утаивалось), то политическая стратегия в отношении партнеров Большой тройки была немалой тайной и чаще всего прикрывалась благоприс- тойными декларациями.

Напомним, что в канун нападения нацистской Германии на СССР (опера- ция «Барбаросса») взаимоотношения трех лидеров находились в разных плос- костях. Стратегические курсы Лондона и Вашингтона как в отношении Герма- нии, так и относительно друг друга в основном совпадали: Третий рейх являет- ся главным и смертельным врагом обеих демократий. Черчилль и Рузвельт находились в стадии завершения создания военно-политического союза своих стран [17, 161–170; 20, 236–241; 22, 440–491; 25, 210–216; 28, 292–330].

Политические стратегии Черчилля и Рузвельта в отношении Кремля к се- редине июня 1941 г. также практически совпадали в главном: убедить Сталина в том, что Германия готовит мощный удар против СССР, и если Советский Союз будет сражаться с агрессором, то Запад окажет ему посильную помощь. Советского лидера, получавшего весьма противоречивую информацию о наме- рениях Германии и уверенного в своей способности переиграть и фюрера, и хозяев Белого дома и Уайтхолла, вероятно, больше всего заботила возмож- ность сговора Черчилля и Рузвельта с нацистами, особенно после прилета в Британию 10 мая 1941 г. Р. Гесса, близкого Гитлеру человека.

Осуществление операции «Барбаросса» решительно изменило картину ми- ровой борьбы. По сути, все ее события, начиная с гибели Польши как государ- ства в сентябре 1939 г. и кончая захватом Балкан вермахтом в апреле 1941 г., были чередой блицкригов агрессора. Умело играя на противоречиях своих ос- новных противников, Гитлер избежал в сентябре 1939 – июне 1941 гг. евро- пейской войны, и потому начало Великой Отечественной войны превратило разрозненные действия антифашистских сил в подлинно Вторую мировую войну. Важнейшим ее критерием становится формирование Большой тройки. 22 и 24 июня Черчилль и Рузвельт своими заявлениями подтвердили начальный элемент своей стратегии в отношении СССР: Запад не останется нейтральным в «новом блицкриге», на что надеялись крайние противники Кремля (в США — сенаторы У. Тафт и Г. Трумэн) и чего опасался Сталин [5, 10–11; 20, 243].

Становление и развитие политической стратегии лидеров трех великих дер- жав прошло ряд этапов, которые в целом соответствуют периодизации Второй мировой войны. Первый этап охватывает события с 22 июня до середины де- кабря 1941 г. Наибольшую активность в этом процессе проявил Сталин, при- чем с первых недель после начала операции «Барбаросса». Основными элемен- тами его стратегии стали: форсированное создание военно-политического со- юза Британия — СССР, перенесение центра тяжести боевых усилий Лондона, а косвенно — и Вашингтона, с Атлантики и Средиземноморья в Западную Европу (в июле и сентябре Сталин буквально требует открытия второго фронта в Северной Франции или на Балканах), обеспечение массивированных поставок

оружия, снаряжения, стратегического сырья и т. д. на основе закона о ленд-лизе. Но особенно впечатляющей была программа геополитического переустройства Европы, изложенная Сталиным 16–20 декабря 1941 г. в ходе переговоров с британским министром иностранных дел А. Иденом. Она предполагала признание Западом границ СССР 1941 г., общую реорганизацию европейских границ после войны, расчленение Германии, восстановление независимости Австрии, создание пояса безопасности СССР в Восточной Европе от Финляндии до Турции. В качестве компенсации эта программа допускала создание Британией военных баз в Западной Европе. Кроме того, она предполагала формирование дуумвирата Москва — Лондон в контексте нового европейского порядка, без участия США [5, 10–11, 64–65, 120–132, 332–348, 490–491; 14, I, 10–11, 18–32; 22, 440–491, 520–552].

Анализ данной стратегии приводит к выводу, что в целом она оказалась неадекватной реальному соотношению сил как внутри Большой тройки, так и в борьбе с коалицией агрессоров. Казалось, Сталин переоценил воздействие советского фактора на ход войны. Однако последующие события показали, что вождь смотрел далеко вперед.

Политическая стратегия Черчилля и Рузвельта в тот период была более прагматичной, она опиралась на те преимущества, которые Запад получил в результате судьбоносного, хотя и трагичного для СССР поворота. Ее важнейшим элементом являлось максимально длительное удержание СССР в схватке с вермахтом. Отсюда не только реальные действия в поддержку Москвы, особенно включение ее в систему поставок по ленд-лизу, но и некоторые обещания Черчилля, которые были невыполнимы. В то же время важными политическими целями Запада были непризнание советских границ 1941 г. и восстановление власти эмигрантских правительств в Восточной Европе, а также стремление преодолеть, хотя бы частично, жесткую закрытость советского общества и создать минимально необходимые каналы информации из СССР. Естественно, Сталин недвусмысленно реагировал на это. Он не ответил на весьма благоприятную телеграмму партнеров от 15 августа о совместном обсуждении «распределения общих ресурсов США и Британии» и отложил признание Атлантической хартии до конца сентября 1941 г., когда Рузвельт и Черчилль сделали реальные шаги в оказании СССР военно-технической помощи [11, кн. 4, 318 — 319; 14, I, 9–16, 20–30, II, 9–13; 17, 176–185; 22, I, 552–574, 602–623; 27, 87–108].

В следующий период отношений Сталина, Рузвельта и Черчилля (декабрь 1941 — октябрь 1942) их политико-стратегические концепции претерпели определенные перемены, связанные с появлением тихоокеанского театра военных действий и объявлением Германией войны США. Однако главной чертой взаимоотношений двух политико-стратегических курсов было углубление их противоречий, почти открытая конфронтация. Причиной этого стал реальный ход событий, точнее, толкование их Кремлем и западными партнерами. Сталин еще больше утвердился во мнении, что эпицентр мировой войны находится на востоке Европы и Запад должен вступить в серьезную борьбу, открыв второй фронт в 1942 г. в Северной Франции. По сути, вождь требовал от союзников воевать почти с тем же напряжением и жертвенностью, как это делал советский народ.

Вашингтон и Лондон, получив тяжелые удары в Тихом океане и Атлантике, еще больше укрепились в том, что судьба мировой схватки решается в борьбе Нового и Старого Света. И главная их задача в кампаниях весны — осени 1942 г. не переправа через Ла-Манш 30–40 дивизий (на этом настаивал Сталин и его эмиссар нарком В. Молотов в Лондоне и Вашингтоне в мае — июне 1942 г.), а удержание обороны на своих, периферийных, театрах войны.

Сталину удалось, используя опасения партнеров о прекращении сопротивления Красной армии и сепаратном мире на Востоке, навязать в коммюнике об итогах визита Молотова фразу «о неотложных задачах открытия второго фронта в Европе в 1942 г.». И хотя в Кремле понимали, что это отписка, Сталин использовал ее, чтобы обрушить свой гнев на «неверных союзников», которые к тому же сохранили в своей политической стратегии непризнание советских границ 1941 г. Кризис в отношениях Большой тройки разразился в октябре 1942 г., когда Кремль дал понять, что ему известны секретные размышления Черчилля об угрозе вторжения «большевистского варварства» в Европу и о намерении «сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга» за счет СССР. Помимо публичной «оплеухи» 15 октября («Вы укрываете Гесса — военного преступника»), Сталин еще ранее направил В. Деканозова в Стокгольм с целью вступить в контакт с немецкой агентурой, вероятно, пытаясь нейтрализовать, как ему казалось, существующий канал связи Лондон — Берлин [1, 296–297; 14, I, 50–55, II, 33–35; 16, 201–293, 340–380; 27, 160–163].

События октября — ноября 1942 г. (высадка войск США и Британии в Марокко и Алжире и особенно начало наступления Красной армии под Сталинградом) открыли новый этап отношений Большой тройки. Западные лидеры быстро уловили значение советских успехов. Рузвельт в начале декабря 1942 г. предложил провести личную встречу трех лидеров и принять единую политико-стратегическую концепцию вступления войск трех держав в Европу. Она предполагала, что высадка союзников в Западной Европе и наступление Красной армии на Запад должны исходить из «некоторой предварительной договоренности относительно действий... в случае краха Германии» [14, II, 40–42]. Это была попытка серьезно изменить сталинскую стратегию второго фронта и лишить Кремль свободы действий в отношении пограничных с Москвой стран Восточной Европы. Неудивительно, что вождь отказался от встречи, но в посланиях, начиная с ноября 1942 г., с нарастающими требованиями напоминал партнерам об их обещаниях всерьез схватиться с немцами в Западной Европе весной 1943 г. Примечательно, что Москва обошла молчанием новый элемент стратегии Вашингтона и Лондона — принцип безоговорочной капитуляции, принятый на конференции Рузвельта и Черчилля в Касабланке в январе 1943 г., хотя он мыслился как шаг навстречу Сталину.

Это означало, что военно-политические стратегии Запада и Кремля в целом не изменились, но уточнялись в связи с переменами на фронтах. Замедление темпов наступления союзников в Северной Африке и стратегическая пауза на советско-германском фронте (каждое из событий растянулось на 4 месяца) неизбежно вели к обострению глубоких геополитических разногласий между Сталиным и его партнерами.

Москва из попытки Вашингтона связать ей руки в отношении Восточной Европы сделала свой вывод. С начала 1943 г. она взяла курс на подготовку компартий стран региона к взятию власти в момент прихода туда советских войск. Польский вопрос стал самостоятельной частью политической стратегии Кремля. Сталин использовал обнаружение немцами в начале апреля 1943 г. захоронений убитых польских пленных офицеров под Катынью и попытку эмигрантского правительства В. Сикорского проверить подлинность немецкой экспертизы (согласно ей, пленные были убиты весной 1940 г.) для разрыва отношений с ним. Одновременно Кремль обрушил жесткие упреки на своих партнеров за их поддержку лондонских эмигрантов, которые якобы установили «контакт и стовор с Гитлером». Он полностью отверг попытку Рузвельта и Черчилля вразумить советское правительство и еще больше уверился в «двойной игре» союзников [6, VII, 343–357; 13, 178–182; 14, I, 119–124, II, 59–62; 23, 87–125].

Между тем Белый дом и Уайтхолл, уклонявшиеся в феврале — апреле 1943 г. от настойчивых вопросов вождя о ходе подготовки открытия второго фронта, были вынуждены признать, что их десант в Северную Францию переносится на весну 1944 г. В Большой тройке разразился сильнейший кризис. Сталин в своих посланиях, по сути, обвинил партнеров в сознательном обмане и предупредил, что это не останется без последствий. Он отозвал своих послов из Лондона и Вашингтона и сделал новый шаг в своей игре на немецкой карте. В середине июня 1943 г. в Стокгольме его агенты передали предложение в Берлин о прекращении войны между двумя странами. Сталин выдвинул следующие условия: подтверждение советской границы 1941 г., признание пограничной с СССР части Восточной Европы сферой его безопасности и возмещение части ущерба, нанесенного оккупацией [14, I, 131–138, II, 69–75; 29, 1375–1379]. Вероятно, вождь ожидал хотя бы минимальных сдвигов в политическом курсе Запада после провала операции «Цитадель», однако этого не произошло. В начале сентября 1943 г. Кремль повторил заброс пробного шара фюреру с более жесткими условиями. Одновременно Сталин намеревался использовать возможность военного заговора в Германии и подключения к нему созданного в Москве Союза немецких офицеров с его призывом «Перемирие на фронте — требование дня!». И хотя Берлин снова промолчал, а военный вариант прекращения боевых действий на Востоке тоже оказался иллюзией, усилия Кремля в конечном счете дали нужный результат. Правда, для этого понадобился своеобразный зондаж Рузвельтом в отношении глубинных намерений Сталина. Президент провел его через бывшего посла США в СССР Дж. Дэвиса, твердого поклонника Сталина, который был эмиссаром Рузвельта в Москве в мае 1943 г., а в сентябре выступил в роли эмиссара вождя в Белом доме. Конечный вывод Дэвиса в этой беседе с Рузвельтом гласил: «Сталин может подписать сепаратный мир с Германией, если Запад вынудит его к этому, как это случилось в 1939 г.» [4, 291–292; 9, 360–370; 22, II, 410–412; 26, 243–246; 29, 1382–1386].

Эта большая игра Кремля на обеих картах привела Вашингтон и Лондон к серьезному повороту в их политической стратегии в отношении своего союз-

ника, о чем свидетельствуют результаты Московской конференции министров иностранных дел трех держав 19–30 октября 1943 г. и первой встречи трех лидеров в Тегеране 28 ноября – 1 декабря 1943 г. Запад в принципе признал советские границы 1941 г., согласился с созданием геополитического пояса безопасности СССР в странах Восточной Европы, принял требование Москвы отказаться от создания в Центральной и Восточной Европе федераций и конфедераций. А главное – подчинил свои балканские замыслы неоспоримому приоритету открытия второго фронта весной 1944 г. Сталину тоже пришлось внести определенные коррективы в свой политический курс: принять концепцию безоговорочной капитуляции Германии, согласиться с созданием всемирной организации поддержания мира и безопасности и действовать в странах Восточной Европы на основе Атлантической хартии и в рамках согласования позиций Большой тройки [12, 312–348; 16, 384–409; 19, 89–134, 143–167; 27, 235–247].

Решения этих конференций означали принятие Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем единой политико-стратегической концепции разгрома Германии и Японии. Однако политические стратегии Запада и Кремля при всем их сближении остались самостоятельными и во многом противоречили друг другу.

Их сложное, порой на грани конфликта взаимодействие проявилось в событиях 1944 – весны 1945 гг. Ситуация в военной области поначалу была благоприятной. 6 июня 1944 г. был открыт второй фронт, на что Сталин откликнулся 11 июня весьма теплым поздравлением, противопоставив этот успех союзников «позорному провалу» замыслов Наполеона и «истеричной хвастливости» Гитлера. А 23 июня с наступления Красной армии на центральном направлении начала выполняться стратегия двух фронтов. Благоприятно развивалась ситуация и в поставках по ленд-лизу на всех трех направлениях.

Однако в политической сфере обнаружили серьезные расхождения. 22 июля Кремль, завершив подготовку к новому ходу в польском вопросе, известил мир о появлении Польского комитета национального освобождения (ПКНО), а затем о признании его в качестве единственной законной власти в Польше. Эмигрантское правительство С. Миколайчика, поддерживаемое Белым домом и Уайтхоллом, ответило восстанием Армии Крайовой (АК) в Варшаве, которое началось 1 августа. Это была попытка Вашингтона и Лондона опрокинуть политический замысел Кремля. Но расчет Запада использовать наступление Красной армии оказался иллюзией. Вождь приостановил наступление на этом направлении, а на все просьбы Миколайчика и западных партнеров об оказании помощи повстанцам отвечал решительным, порой грубым «нет». Гибель значительной части АК и гражданских структур польского Сопротивления и ликвидация их на освобожденной территории Польши по особому распоряжению Кремля стали драматическим, если не трагическим знаком политического противостояния Сталина и западных лидеров в одном из важных вопросов завершения войны в Европе [6, VIII, 153–161; 14, I, 244–258, II, 152–156; 15, 153–154; 27, 333–348; 18, I, 68–71].

Развитие военно-политической ситуации во второй половине 1944 г., особенно стремительное продвижение советских войск в Юго-Восточную Европу, поставило на повестку дня новую встречу трех лидеров. На Крымской конференции

(Ялта, 4–11 февраля 1945 г.) политические стратегии обеих сторон прошли своеобразное испытание на адекватность новой геополитической ситуации в Европе. В большинстве вопросов Сталину и западным лидерам удалось добиться взаимопонимания. В отношении Германии стороны подтвердили принцип безоговорочной капитуляции и оставили открытым вопрос о ее расчленении на ряд малых государств, определили зоны оккупации (Франция стала ее четвертой участницей). Сравнительно спокойно завершилось согласование проекта Устава ООН и без дискуссии была принята Декларация об освобожденной Европе. Даже в польском вопросе, хотя и после длительной полемики, удалось добиться компромиссной формулы — создания временного правительства национального единства [10, 53–87, 104–249; 20, 453–580; 21, 445–502; 22, II, 566–590].

Однако события февраля — марта 1945 г. показали, что ялтинский компромисс не избавил от глубинных противоречий. В ходе бернского инцидента Сталин обвинил союзников (они добивались капитуляции немецких войск в Северной Италии, т. е. на театре военных действий) в «сговоре» с нацистами и в нарушении принципа безоговорочной капитуляции. Одновременно вождь весьма вольно истолковал ялтинский компромисс в польском вопросе и в отношении политики в странах Юго-Восточной Европы. По существу, в Большой тройке в марте — начале апреля 1945 г. развернулся серьезный кризис, в котором отразились противоречия политических стратегий Кремля и его партнеров [3, 162–168; 14, I, 313–321, II, 192–212; 17, 743–771; 27, 426–440].

Основная причина конфликта заключалась в стремлении сторон использовать военные и политические возможности весны 1945 г. для максимального продвижения в Европу в ущерб друг другу. Дополнительным фактором стало использование Сталиным в своих интересах весьма гибких формулировок компромиссного соглашения в Ялте. Именно так восприняли Рузвельт и Черчилль бернский инцидент в марте — апреле 1945 г. В конечном счете президент, надеясь на благоразумие вождя в дальнейшем, назвал его «незначительным недоразумением» и, таким образом, примирился с поведением Кремля [14, II, 211–212; 15, 310–313; 17, 785–799; 27, 439–440; 30, 338]. Но глубокий конфликт («сшибка») между надеждами Белого дома на упрочение «семейного круга» и жестким поведением Сталина усугубила смерть Рузвельта 12 апреля 1945 г. Она стала своеобразным символом глубинной противоречивости, если не сказать — несовместимости, политических стратегий Запада и Москвы.

Однако обе стороны понимали, что вне реализации ялтинского компромисса невозможно добиться своих главных военно-политических целей в конце войны: полного разгрома Германии и Японии и утверждения геополитических позиций в Европе и на Дальнем Востоке. Поэтому новый президент США Г. Трумэн, хотя и сменил стиль поведения в отношении Кремля (вместо «дипломатии дружбы» — «дипломатия силы»), в целом остался верен курсу Рузвельта. Новая Большая тройка при всех скрытых и открытых препятствиях весны — лета 1945 г. сумела полностью повергнуть Германию и сравнительно спокойно определить линию геополитического разграничения сторон в Европе: зональные границы в Германии и Австрии и присутствие четырех держав-победителей в Берлине [14, I, 328–364, II, 213–239; 15, 333–342; 21, 553–573].

«Терминал» — конференция в Потсдаме с участием И. Сталина, Г. Трумэна, У. Черчилля, К. Эттли, состоявшаяся 17 июля — 2 августа 1945 г., стала проверкой прочности ялтинского компромисса. Стороны пытались не только закрепить свои крымские позиции, но и расширить их. Запад добился некоторых успехов: ужесточение условий получения Москвой репараций из Германии, отказ от создания международной схемы управления Руром, отклонение претензий Кремля на участие в контроле над скандинавскими и черноморскими проливами. Сталин тоже укрепил свои позиции. Принятие формулы «четыре Д» давало возможность влиять на ситуацию в западных зонах оккупации Германии. Вашингтон и Лондон признали просоветское правительство Польши и фактически примирились с переносом ее границы на Одер и Западную Нейсе. Кроме того, они признали решающее влияние Москвы на положение дел в Болгарии, Венгрии и Румынии [2, 109–130, 145–178, 216–295, 346–372, 438–461; 15, 348–350; 18, 212–213; 27, 492–494].

Таким образом, «Терминал» подтвердил основополагающие контуры глобального миропорядка, принятые в Ялте, но обеим сторонам стало ясно, что глубинные противоречия в новой геополитической ситуации, особенно после демонстрации Вашингтоном 6 и 9 августа эффекта атомного оружия, вскоре обнаружат себя в жесткой политико-дипломатической и геостратегической борьбе.

1. *Бережков В. М.* Рядом со Сталиным. М., 1999.
2. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США, Великобритании 17 июля — 2 августа 1945 г. : сб. док. М., 1980.
3. Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. : в 3 т. Новосибирск, 1997. Т. 1.
4. *Дани Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004.
5. Документы внешней политики. Министерство иностранных дел Российской Федерации. М., 2000. Т. 24.
6. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1968. Т. 7, 8.
7. *Жуков Ю. Н.* Сталин. Тайны власти. М., 2005.
8. *Иванов Р. Ф.* Сталин и союзники. Смоленск, 2000.
9. *Кимболл У.* Сталинград и дилемма американо-советских отношений // Сталинград: Событие. Воздействие. Символ. М., 1995.
10. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США, Великобритании 4–11 февраля 1945 г. : сб. док. М., 1979.
11. Мировые войны XX века : в 4 кн. М., 2004. Кн. 4.
12. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США, Великобритании 19–30 октября 1943 г. : сб. док. М., 1978.
13. Национальные и народные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 1940-х гг. М., 1985.
14. Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : в 2 т. М., 1957.
15. *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США 1940-х гг. : док. очерки. М., 2006.
16. *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: документы, комментарии 1941–1945 гг. М., 2004.

17. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период Второй мировой войны. М., 1995.
18. Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953 гг. : документы : в 3 т. М., 1999. Т. 1.
19. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США, Великобритании 28 ноября — 1 декабря 1943 г. : сб. док. М., 1978.
20. Уткин А. И. Рузвельт. М., 2000.
21. Фейс Г. Черчилль, Сталин, Рузвельт. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003.
22. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца : в 2 т. М., 1958.
23. Яжборовская И. С., Яблоков А. Ю., Парсаданова В. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М., 2001.
24. Carlton D. Churchill and the Soviet Union. L., 2000.
25. Edmonds R. The Big Three. Churchill, Roosevelt, Stalin in Peace and War. L., 1991.
26. Foreign Office and Kremlin: Documents on Anglo-Soviet Relations 1941–1945. Cambridge, 1984.
27. Harriman A., Abel E. Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. L., 1976.
28. Lash J. Roosevelt and Churchill 1939–1941. The Partnership That Save the West. L., 1975.
29. Mastny V. Stalin and the Prospect of a Separate Peace in World War II // The American Historical Review. 1972. Vol. 77, № 5.
30. Meachem J. Franklin and Winston. An Intimate portrait of an Epic Friendship. N. Y., 2003.

УДК 621.39(470.5) + 621.39(09)

Г. Н. Шапошников

ЭЛЕКТРОСВЯЗЬ И СВЯЗИСТЫ УРАЛА В 1941–1945 гг.

Дается обзор развития электросвязи накануне и в годы Великой Отечественной войны. Показаны достижения, особенности оборудования и строительства сетей, а также сложности, с которыми столкнулась электросвязь Урала в годы войны.

К л ю ч е в ы е с л о в а : электросвязь, телефония, телеграфия, МТС, ГТС, НКС, дидрофия.

Урал издавна служил связующим мостом между западными и восточными частями Российской империи. Его роль в информационном обмене страны заметно возросла с 1860 г., когда в стране началось быстрое развитие электросвязи как необходимого условия создания индустриального общества. В это время

---

¹ Источники: Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 1562, оп. 11, д. 311а, л. 129, 138, 161; д. 325, л. 37; Приведенные данные сопоставимы, так как работники Статистического управления СССР произвели соответствующий перерасчет средств связи на территории дореволюционных уральских губерний и соответствующих областей в границах 1937 г.

ШАПОШНИКОВ Геннадий Николаевич — доктор исторических наук, завкафедрой истории, экономики и правоведения Уральской государственной медицинской академии, Екатеринбург (e-mail: hnshaposhnikov@yandex.ru).

© Шапошников Г. Н., 2011

в действие вступила Сибирская телеграфная магистраль — первая линия скоростной связи между Петербургом и отдаленными губерниями Урала, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. К началу Первой мировой войны Урал располагал развернутой сетью магистральных и региональных линий электросвязи, которая в целом соответствовала социально-экономическим потребностям региона и удовлетворяла информационные запросы деловых кругов и городского населения.

Высоко оценивая роль государства и связистов в развитии электросвязи в уральском регионе, следует отметить, что сеть электросвязи не поспевала за потребностями населения и процессами модернизации. На Урале отчетливо проявилась общероссийская закономерность — низкие приросты услуг отрасли связи на одного проживающего. Основным источником передачи сообщений связи оставалась почта. Так, в 1913 г. почтовый обмен составлял 9/10 всего информационного обмена населения старейшего промышленного региона. В ходе Первой мировой и Гражданской войн информационная инфраструктура края пришла в полный упадок. В 1920-е гг. началось восстановление сетей электросвязи.

К 1940-м гг. Урал превратился в мощный опорный край державы. Если в 1914 г. на Урале проживали и работали 2,5 тыс. связистов, то в начале 1940-х гг. информационные потребности населения обслуживали 27 тыс. связистов разных специальностей, в 1913–1937 гг. только исходящий телеграфный обмен 4 уральских областей (Свердловской, Челябинской, Оренбургской, Башкирской АССР) вырос в 4,5 раза (с 1376,2 тыс. до 6717,8 тыс. телеграмм)¹.

В 1934–1935 гг. в Уфе, Челябинске, Свердловске, Перми были введены в строй первые в регионе автоматические телефонные станции (АТС машинной системы). Глубокую реконструкцию претерпели городские телефонные сети: перед войной в крае действовало более 300 городских ручных телефонных станций.

Быстро развивалась и радиосвязь. В начале 1920-х гг. на Урале работала только одна крупная радиостанция — РВ 5 под г. Свердловском и два десятка маломощных приемных станций. В конце 1930-х гг. — уже 4 крупных, 16 средних, приемопередающих и более полусотни небольших приемных². Уральские радисты поддерживали постоянную радиосвязь не только с Москвой, Ленинградом, но со всеми столицами союзных республик, а Свердловская радиостанция оставалась основным звеном в радиообмене Москвы и отдаленных точек и зимовий на побережье Северного Ледовитого океана и о. Диксон. Свердловчане получили особую благодарность советского правительства за организацию радиосвязи центра с экипажами самолетов первых трансарктических полетов. В 1937 г. при перелете экипажа М. М. Громова по маршруту Москва — Северный полюс — Сан-Джасинто (США) связь на коротких волнах поддерживали Москва, Свердловск, Архангельск. Свердловские радисты давали постоянные сигналы для корректировки курса³.

² РГАЭ. Ф. 3527, оп. 17, д. 1078, л. 118.

³ ГАСО. Ф. 2196, оп. 1, д. 338, л. 13.

Вместе с тем уже в начале 1940-х гг. стало очевидно, что связь не удовлетворяет потребности быстро растущей экономики и населения промышленного района. В ходе советской индустриализации в стране последовательно проводился принцип остаточного финансирования отрасли связи. В период предвоенных пятилеток она хронически не получала необходимых средств, разрыв в развитии базисных отраслей и информационной инфраструктуры постоянно увеличивался. На 1.01.1941 г. в 4 областях и 2 автономных республиках уральского региона сеть связи состояла из 1688 учреждений, в том числе 6 выделенных телеграфов. При этом на одно телеграфное отделение приходилось 10–13 тыс. жителей, а на один коммутатор междугородной телефонной станции — более 40 тыс. Все междугородные сообщения работали по строгому расписанию, и даже такие крупные промышленные центры, как Свердловск, Челябинск, Пермь, имели телефонную связь со столицей только 2 часа в сутки. Плотность городских телефонных сетей также оставляла желать лучшего: на 100 горожан приходилось от 0,7 до 2,2 телефонов, что было меньше общесоюзных показателей⁴. Как и по всей стране, наиболее слабым звеном всей системы электросвязи края оставались сельские телефонные сети (как тогда говорили — низовая связь). В это время селяне считали телефон экзотикой. В чрезвычайных условиях войны недостатки региональной отрасли связи проявились во всей полноте.

С началом войны край превратился в кузницу оружия. Этому способствовали уникальные природные богатства, высокий уровень индустриального развития, квалифицированные кадры, выгодное географическое положение. В 1941–1942 гг. на Урал были эвакуированы 730 заводов и более 1,6 млн человек. Летом 1942 г. был завершен перевод его экономики на военный лад. В целом за годы войны Урал дал стране 65 % общесоюзной выплавки чугуна, 56 % производства стали, 58 % проката, более 30 % выработки электроэнергии. Организация военного производства в таких крупных масштабах и размещения местного и эвакуированного населения была невозможна без экстренного расширения всех средств связи. За короткий срок (в течение месяцев) необходимо было увеличить пропускную способность региональных учреждений связи. Отметим, что с задачей такой сложности и масштабов уральские связисты столкнулись впервые.

В течение первых 7 суток войны связисты обеспечивали проведение военной мобилизации. Во всех учреждениях связи были усилены дежурные смены, задействованы резервные каналы оповещения. Для нужд УралВО в г. Свердловске выделялись дополнительные линии. Магистралы и объекты связи брались под охрану. Все междугородные станции и телеграфы переводились на непрерывную работу, связисты — на казарменное положение. На основном производстве длительность рабочего времени определялась производственной необходимостью. Самовольные уходы с работы, опоздания и другие нарушения трудовой дисциплины подпадали под уголовную ответственность военного времени. Выходные дни, отпуска отменялись. Прием частной корреспонденции был

⁴ ЦДОСО. Ф. 4, оп. 1. д. 520, л. 68.

заметно сокращен за счет расширения передач военной и иной деловой информации [7].

Патриотический настрой связистов, работа в чрезвычайном режиме первых военных дней дали эффект: в период мобилизации в крае не было зафиксировано ни одной крупной аварии. Система чрезвычайного оповещения работала без сбоев. Самоотверженную работу в ходе мобилизации мы рассматриваем как первый серьезный вклад уральских связистов в победу.

Одновременно решались и сложные задачи по изменению схемы электро-связи СССР. В тылу — в городах Горьком, Сталинграде, Куйбышеве — были развернуты резервные телефонно-телеграфные и радиоузлы, которые обеспечили транзит информационных потоков тыла и фронта. На Урале такой узел связи общесоюзного значения был организован в г. Уфе. Сюда переехали некоторые главные управления Наркомата связи (НКС) СССР, радиостанция им. Коминтерна, которая вела вещание на зарубежье [1, 96]. Через уфимский и куйбышевский узлы во время войны проходил практически весь транзит телефонно-телеграфного обмена восточных и среднеазиатских областей с центром. В 1941–1943 гг. на Урале проводились авральные работы по строительству новых линий и расширению существующих. В 1941 г. были сданы в эксплуатацию местные магистрали: Уфа — Чкалов (Оренбург), Уфа — Свердловск, Уфа — Пермь — Киров, Челябинск — Орск, Челябинск — Чкалов. Возводились и магистрали союзного значения: Уфа — Мензелинск — Казань, Уфа — Куйбышев — Москва. В 1943 г. введены 2 телефонные спецлинии: Москва — Свердловск — Каменск-Уральский и Москва — Пермь — Свердловск — Челябинск. В общей сложности за годы войны в крае было создано более сотни телефонно-телеграфных линий и открыто около тысячи дополнительных каналов передачи данных. Эти меры расширили пропускные возможности уральских магистралей, благоприятно сказались на телефонно-телеграфном обмене всего СССР. Данные о количественных приростах информационного обмена на Урале в это время приведены в таблице.

Прежде всего, отметим заметный прирост телефонно-телеграфного обмена, который пришелся на годы войны. Масштабы телеграфных передач выросли на 204 %, т. е. удвоились. Уфимский центральный телеграф в это время превратился в один из главных телеграфов СССР⁵. Междугородные телефонные сообщения (без данных по Башкирии) выросли на треть (на 129,8 %). Быстро развивались и городские телефонные сети. По 6 областям и 2 республикам, входившим в состав Уральского экономического района, в конце войны прирост абонентов ГТС составил более трети. Самой отсталой подотраслью региональной электросвязи традиционно считалась сельская (низовая) телефонная связь. Но и в сельской местности наблюдался определенный прирост телефонных абонентов (на 121 %). Таких быстрых темпов развития региональная электросвязь не знала за всю свою предшествующую историю. За этими показателями стоит беззаветный труд 30 тыс. уральских связистов, которые в тяжелей-

⁵ РГАЭ. Ф. 3527, оп. 17, д. 961, л. 6.

ших условиях военного времени смогли обеспечить информационные потребности оборонного развития старейшего промышленного региона.

Вместе с тем в годы войны выявились многие противоречия, которые были заложены в развитие отрасли в ходе индустриализации. Уральская электросвязь оказалась не готова к таким масштабам информационного обмена, который предъявила война. Наиболее ярко это проявилось в резком снижении качественных показателей работы отрасли. Сложилась парадоксальная ситуация, когда резкое снижение качества и рост брака при передаче данных нивелировали количественные приросты объемов услуг связи.

Важнейшим показателем брака в телеграфии прошлого столетия являлись медленная скорость передачи и доставки депеш, искажение их содержания. До войны на центральных телеграфах задержки телеграмм при передаче исчислялись десятками минут. Задержки, превышающие контрольные сроки более чем на 30 минут и рассматривались как должностное преступление, о них докладывалось в Наркомат связи. Если задерживались срочные или правительственные депеши, то руководство и дежурные телеграфисты подпадали под административную ответственность. С первых дней войны сроки задержек исчислялись месяцами. Эта тенденция была характерна и для уральских телеграфов. К концу 1941 г. задержки при передаче телеграмм на Урале стали измеряться неделями и месяцами. Как выражались связисты той поры, «телеграфы полностью зашились» [2]. Перевод на казарменное положение, увеличение длительности рабочих смен, постоянные призывы поднять производительность и дисциплинарные меры лишь отчасти решали вопрос. В 1941–1943 гг. процент брака по-прежнему возрастал. Так, на Молотовском центральном телеграфе (г. Пермь) в конце 1941 — начале 1942 г. задержки при передаче телеграмм были самыми большими на Урале (до 60 % от общего телеграфного обмена). На Свердловском, Чкаловском, Челябинском, Курганском областных телеграфах этот показатель составлял более 40–50 %⁶. Иными словами, наиболее важные транзитные магистрали края работали в полсилы. Чтобы разгрузить телеграфы от завалов депеш, их стали отправлять почтой. В 1942 г. удельный вес так называемых «почтотелеграмм» составлял более трети всего регионального телеграфного обмена. Этот вид сообщений впервые получил распространение на Урале в годы Гражданской войны. В отличие от революционной поры, «почтотелеграммы» в 1941–1944 гг. посылались авиапочтой. Подводя итоги 1942 г., нарком связи СССР вынужден был поставить задачу: обеспечить в 1943 г. передачу без задержек только правительственных, военных и особо важных оборонных депеш⁷.

Положение оставалось тяжелым и в 1943 г. Так, на всех областных телеграфах Урала в 1942–1943 гг. задержки срочных телеграмм с грифом «Шторм» составляли до 40 % от их общего числа. На Свердловском центральном телеграфе (ЦТ) в это время доставка даже правительственных телеграмм в пределах

⁶ ОГАЧО. Ф. 1297, оп. 1, д. 61, л. 3; ГАСО. ф. 2196, оп. 1, д. 181, л. 50.

⁷ РГАЭ. Ф. 3527, оп. 4, д. 1371, л. 1–16, 24

Развитие средств проводной электросвязи на Урале в 1941–1945 гг.

Область	1941				1945			
	Обмен		Емкость ГТС, тыс. номеров	Штат связистов, тыс. чел.	Обмен		Емкость ГТС, тыс. номеров	Штат связистов, тыс. чел.
	телеграфный, млн телеграмм	междугородные телефонные разговоры, тыс. разговоров			телеграфный, млн телеграмм	междугородные телефонные разговоры, тыс. разговоров		
Мологовская	13,3	963,4	9,2	4,1	18,8	1093,6	10,4	4,4
Свердловская	14,1	1489,1	15,3	6,5	26,2	2089,0	17,5	7,5
Челябинская	6,5	1006,0	10,5	6,3	7,9	1548,0	12,3	4,9
Чкаловская	0,8	284,6	5,1	3,4	14,9	376,7	5,3	3,9
Курганская					2,0	567,1	3,3	2,6
Тюменская					2,8	447,8	5,4	2,9
Башкирия	7,6	533,0	6,9	4,5	13,3	н/св	9,5	5,2
Удмуртия	0,49	387,0	4,1	1,9	1,2	501,0	4,4	2,1
По Уралу	42,7	4663,1	51,1	26,7	87,1	6056,1	68,1	33,5
1945 г., % к 1941 г.	100	100	100	100	204	129,8	133	125

Источники: РГАЭ. Ф. 3527, оп. 11, д. 1603, л. 10, д. 1028, л. 2; оп. 17, д. 961, лл. 6, 38; ГАТО. Ф. 971, оп. 1, д. 24, л. 19; ОГАЧО. Ф. 1297, оп. 1, д. 67, л. 41; ГАКО. Ф. 1638, оп. 4, д. 552, л. 49; ГАСО. Ф. 2196, оп. 1, д. 173, л. 6; ГОПАПО. Ф. 105, оп. 11, д. 56, л. 68.

города осуществлялась свыше 6 часов. Только в сентябре 1943 г. более 10 тыс. телеграмм Свердловского ЦТ было отправлено авиапочтой. Эти вопиющие факты стали предметом специального рассмотрения на коллегии Наркомата связи, которая внесла Свердловский ЦТ в пятерку худших телеграфов СССР⁸. В «разгромном» приказе НКС № 101 от 10.02.1944 г. в просчетах были обвинены руководители областных органов, подчеркивалось, что именно они не обеспечили нормальную эксплуатационную деятельность⁹. По уральским учреждениям связи прокатилась волна кадровых перемещений и чисток. Административный нажим дал небольшие результаты. Главные причины этих явлений крылись в изношенности оборудования и аварийном состоянии линий, низкой квалификации новых кадров, их усталости от чрезмерной работы в военных условиях. Положение на телеграфах стало более стабильным только в 1944–1945 гг., когда в связи с реэвакуацией предприятий и населения в освобожденные районы телеграфный обмен в регионе снизился.

В годы войны проходило развитие и другой отрасли региональной электросвязи — городской телефонии. Как показывают данные таблицы, за годы войны на Урале произошло увеличение емкостей городских телефонных сетей и заметный прирост их абонентов. Вместе с тем и для телефонных сетей было характерно заметное снижение эффективности работы.

Обычной практикой на протяжении всей индустриализации являлось несоответствие (превышение) количества телефонных аппаратов числу абонентов. Поскольку телефонные станции (ТС) были ручными, это означало подключение нескольких телефонов на один провод. Как правило, задействованная емкость телефонных станций была меньше, чем монтированная. Это было следствием отставания строительства линейных сооружений. Были и другие причины этого явления. В 1939 г. коэффициент использования ручных ТС по СССР составлял 70–75 %, а на Урале он был выше — 80 %. При этом около трети городских телефонных линий Урала имели по 4 и более телефонных аппаратов, подключенных на один провод¹⁰. Это создавало большие трудности в организации телефонной связи, которые многие партийные работники характеризовали как войну за право говорить по телефону.

В первый период войны произошло ухудшение общих показателей в работе всех уральских ГТС. Как отмечалось в годовом отчете НКС СССР за 1941 г., с начала войны снизились все коэффициенты использования монтированных емкостей ГТС из-за массового подключения дополнительных телефонов на один провод в тех городах, куда прибывали эвакуированные¹¹. Эта тенденция на Урале носила устойчивый характер до середины войны. В 1943 г. на Урале монтированные емкости ГТС использовались только на 70 %. Около трети телефонных номеров не работали из-за недостатка линий, плохого качества аппаратуры. Обычной практикой для уральских городов в это время стало

⁸ РГАЭ. Ф. 3527, оп. 4, д. 1244, л. 55.

⁹ Там же. Д. 1371, л. 1–16, 24. См. также: [5].

¹⁰ ГАСО. Ф. 2196, оп. 1, д. 173, л. 21.

¹¹ РГАЭ. Ф. 1562. оп. 11, д. 1237, л. 21.

подключение на один провод до 7 и более телефонов, чего на городских телефонных сетях региона не помнили с начала 1930-х гг. Иными словами, так же, как и в телеграфии, количественный прирост абонентов и телефонного обмена нивелировался плохим качеством работы телефонных сетей. В конце войны коэффициент использования сетей на Урале вырос и составлял 99 %. Перемещение десятков заводов и тысяч людей на освобожденные территории заметно снизило нагрузки на телефонные сети края. В результате в конце войны количество аппаратов и количество абонентов на уральских ГТС почти сравнялось и качественные показатели работы телефонии повысились. В целом по стране мы наблюдаем другую тенденцию: в 1945 г. количество абонентов на треть превышало номерные возможности станций¹². Можно сделать вывод, что городские телефонные сети действовали наиболее эффективно в сравнении с другими подвидами проводной электросвязи. Улучшение качественных показателей работы ГТС мы оцениваем как особый трудовой подвиг уральских телефонистов, которые в условиях ограниченных ресурсов смогли поддерживать линии городской телефонной связи в нормальном рабочем состоянии.

Более тяжелая ситуация наблюдалась в сельской местности. Сельская (по терминологии того времени — низовая, районная) телефонная связь оставалась самым слабым звеном советской (и уральской) телефонии. В довоенный период государство прилагало усилия для ее развития, но из-за недостатка средств результаты оставались невысокими. Несмотря на многочисленные отчеты об успехах телефонизации райцентров и сельсоветов, телефоны в сельской местности оставались экзотикой, и пользование ими даже для управления было затруднено. Перед войной вся телефонная сеть сельской местности Уральского экономического района (4 области и 2 республики) не превышала 11 тыс. номеров, т. е. была меньше, чем номерные емкости ГТС одной Свердловской или Челябинской областей (см. таблицу). В Челябинской области, где проживало 1,6 млн сельских жителей, на сельскую телефонную связь приходилось всего 2,4 тыс. абонентов. На 01.01.1941 г. из 1123 сельсоветов Челябинской области имели телефонную связь с райцентрами только 910, из 2896 колхозов только 440 могли дозвониться до сельсоветов¹³. Но даже и там, где телефонная связь была, работала она неудовлетворительно: из 2,4 тыс. абонентов более 700 имели подключение на один провод по 5 и более телефонов. Так, в Глядянском районе (в 1940 г. относился к Челябинской области) на проводе Глядянка — Курган работали 16 телефонов и 2 ручных коммутатора. Как отмечал секретарь Глядянского РК ВКП(б) т. Соколов, при такой связи ни один вопрос по телефону решить было невозможно¹⁴. Отметим, что в других промышленных областях Урала положение в сельской связи было еще хуже. В 1941 г. задействованные емкости в сельской местности края составляли всего 60,7 % от имевшихся по отчетам. Это говорит о плохом состоянии линейного хозяйства в уральской глубинке.

¹² РГАЭ. Ф. 1562. оп. 11, д. 2111, л. 96.

¹³ ОГАЧО. Ф. 1297, оп. 1, д. 52, л. 26.

¹⁴ Там же. Оп. 1, д. 52, л. 26.

Как отмечалось выше, за годы войны сельские телефонные сети увеличили количество абонентов. Это достигалось за счет расширения старых линий, нового устройства низовой телефонной связи почти не велось. К сожалению, даже реконструктивные работы проводились по принципу «временок», т. е. аврального устройства однопроводных телефонных линий до какого-либо объекта. Ремонты отличались плохим качеством. Из-за острейшего дефицита строительных и линейных материалов широко применялись некондиционная проволока (часто армейская колючая или печная), деревянные изоляторы, холодная скрутка проводов и др. Обычным явлением были «временки». При этом столбы ставили в землю всего на глубину 30–50 см, без антикоррозийной пропитки. Как отмечал техник Каменска-Уральского ЛТУ Н. Мещеряков, в 1942–1943 гг. из-за плохой работы полевых колонн столбы падали от малейшего толчка [4]. К проводам подключались старые телефонные аппараты (как говорили сами связисты, подключали музейные экспонаты).

На сетях подключали по 5–7 телефонных аппаратов на один провод. На одном из собраний связистов Свердловской области телефонистка Березина дала яркую характеристику работы низовой связи Урала и страны в целом: в сельском хозяйстве на один провод приходится по 10–12 человек. Можно представить, какая была связь, когда каждый доказывал, что он старший, а остальные должны замолчать. Ругались целыми сутками¹⁵. Коэффициент использования сельских линий оставался рекордно низким за всю историю уральской телефонии: в 1945 г. было задействовано только 51,9 % их монтированной емкости¹⁶. Наиболее тяжелым оставалось положение в Тюменской области, где количество абонентов составляло всего 45 % от монтированных мощностей ТС. Использование только половины номерных емкостей телефонных станций говорит о том, что к концу войны сельские телефонные сети находились в технологическом кризисе и деградировали. Не случайно все областные органы и НКС были буквально завалены жалобами сельсоветов на неудовлетворительную работу связи.

Помимо технических проблем, в ходе войны связисты столкнулись с серьезными бытовыми вопросами. Прежде всего, отметим тяжелые жилищные условия. Жилищный фонд областных управлений связи и до войны был небольшим. Более 70 % работников проживали в ведомственных общежитиях или снимали жилье. В начале войны, в связи с эвакуацией, жилищные условия еще более ухудшились. Большинство работников были переведены на казарменное положение, другие жили в бараках временного (каркасного) типа или в палатках. Скученное проживание в непригодных помещениях без канализации, водопровода, электричества способствовало простудным и иным заболеваниям.

Еще одной проблемой стал голод. С начала войны было введено нормированное карточное снабжение. К сожалению, снабжение работников учреждений связи было заметно хуже, чем на транспорте, крупных заводах. В 1941 г. рабочие промышленных предприятий были приписаны к 1-й категории и получали

¹⁵ ГАСО. Ф. 2196, оп. 2, д. 88, л. 79.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 1562, оп. 11, д. 2111, л. 39.

800 г хлеба в сутки. Связисты относились ко 2-й категории и получали только 600 г. В 1942 г. эта норма была урезана до 400 г. Практика показала, что при тех условиях работы телеграфистам и телефонисткам требовалось не менее 600 г хлеба, в противном случае быстро развивалась дистрофия. Как вспоминал заместитель директора Свердловского телеграфа Романов, работники должны были стоять час в столовой, чтобы получить хлеб по карточкам, и покупать еще 200 г по коммерческим ценам, чтобы выдержать 14-часовые смены. В голодные смены телефонистки Свердловской МТС придумали «хитрость» — обмениваться хлебными пайками: чужой паек не съешь. В конце рабочего дня они получали «свой» хлеб и несли его домой для семьи. Как вспоминала ветеран Свердловской МТС Г. М. Важенина, полуголодное существование стало нормой. В первый год войны голод еще не давал себя знать, у людей оставались припасы мирных дней. Второй год стал по-настоящему голодным. Работать было трудно, дополняет ее рассказ бодистка Свердловского телеграфа Л. А. Соколова, голодные смены, затемнение на окнах, молчание Москвы во время бомбежки. Ни разговоров, ни улыбок. Многие теряли сознание прямо на рабочем месте [3]. По косвенным данным, до 30 % уральских связистов даже в последний период войны болели различными формами дистрофии. Руководство областных органов прилагало максимальные усилия, чтобы как-то улучшить питание на производстве. При конторах связи спешно организовывались ведомственные столовые, подсобные хозяйства, заключались договоры о децентрализованных поставках продовольствия в обмен на дополнительные услуги связи и др. К сожалению, многие работники не выдерживали напряженной работы и бытовых тягот военного времени. В 1943–1945 гг. на предприятиях связи Урала были зафиксированы несколько десятков случаев летальных исходов от дистрофии и истощения¹⁷.

Следствием лишений стала большая текучесть. Особенно высокой она оставалась среди молодежи до 18 лет. Мобилизованные из деревни подростки не могли быстро адаптироваться к новым условиям — жесткому производственному ритму и военной дисциплине отрасли. При первой возможности они просто бежали или переходили на оборонные предприятия, где условия быта и питание были заметно лучше. В 1941–1944 гг. общая текучесть (призыв в армию, санкционированный переход на другую работу, дезертирство, отъезд в освобожденные районы и др.) в учреждениях связи края составляла до 70 % от штата работников по основной деятельности¹⁸.

В целом в годы войны средства связи Урала развивались противоречиво. С одной стороны, наблюдался их количественный рост, проводилась серьезная реконструкция телеграфного и телефонного парков ГТС, расширилось линейно-кабельное хозяйство. В конце войны повысились коэффициенты использования оборудования связи. Наконец, за годы войны выросли новые кадры связистов, которые заменили ушедших на фронт. Высокую оценку труда связистов дал нарком связи СССР И. Т. Пересыпкин. «Мысленно окидывая взглядом

¹⁷ ЦДООСО. Ф. 241, оп. 1, д. 35, л. 101; д. 37, л. 164.

¹⁸ РГАЭ. Ф. 4372, оп. 41, д. 800, л. 14; ЦДООСО. Ф. 4, оп. 39, д. 190, л. 8.

картину труда связистов в годы войны, — писал он, — скажу, что трудовые испытания они выдержали с честью. На всех участках системы связи царил дух высокого патриотизма... при эвакуации, при строительстве резервных узлов, жизненно важных магистралей, при организации сетей в восточных районах» [6, 217]. Эта высокая оценка целиком применима и к труду уральцев.

Вместе с тем, несмотря на количественный рост телефонно-телеграфного обмена, отрасль испытывала серьезные перегрузки. Обновление производственных фондов отрасли оказалось явно недостаточным для возросших требований войны. Использование аппаратуры на износ, психологические стрессы, низкая квалификация новых кадров способствовали снижению качественных показателей работы, порождали серьезные технологические проблемы. Даже в условиях ограниченных материальных и людских ресурсов информационная инфраструктура Урала развивалась экстенсивно, при этом лавинообразное снижение качественных показателей работы региональной телефонии и телеграфии заметно снизило эффект от введения новых линий, сетей и аппаратуры связи. Рост информационного обмена достигался за счет увеличения физических нагрузок работников и административных усилий. В результате более успешно работали только общесоюзные магистрали, на обслуживание которых и были направлены все силы связистов. Местные телеграфные линии находились в упадке, а сельская телефонная связь в конце войны деградировала.

Эти моменты отрицательно сказались на общем развитии экономики Урала в первые послевоенные годы. Электросвязь в тылу не претерпела тех ужасных разрушений, которые испытали оккупированные территории. В истории уральской связи IV пятилетку можно назвать временем восстановления. Во второй половине 1940-х гг. связисты края прилагали титанические усилия для ликвидации тех диспропорций в отрасли, которые принесла война.

---

1. Аюпов Р., Гайсин С. Электросвязь в Башкортостане: от телеграфа до Интернета. Уфа, 2001.

2. Багрецова Н. Я — ЧЛБ // Хроника. 1993. 3 сент. С. 8.

3. Ведомственный архив Екатеринбургского филиала ОАО «Уралсвязьинформ». Ф. 1, оп. 1, д. 10–11. Воспоминания Г. М. Важениной, Л. А. Соколовой, Романова и других связистов.

4. Вестник связи. 1943. № 1. С. 8.

5. Там же. 1944. № 2–3. С. 4.

6. Постников С. П. Развитие связи на Среднем Урале в годы Великой Отечественной войны // Урал индустриальный : сб. ст. регион. науч. конф. Екатеринбург, 1997. С. 42–43.

7. Пересыпкин И. Т. Связисты в годы Великой Отечественной войны. М., 1972.

УДК 159.937 + 82-94 + 94(470)“1941/1945”

И. Д. Шилоносова

**ВОЙНА ГЛАЗАМИ РЕБЕНКА В ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ
Н. СУХИНИНОЙ «МАРШ СЛАВЯНКИ»**

Рассматривается отражение в художественном произведении восприятия Великой Отечественной войны ребенком, пережившим ужасы оккупации.

Ключевые слова: война, образ, ребенок.

Не наигравшиеся, не начитавшиеся вдоволь сказок, не успевшие пресытиться докучливой родительской опекой — все это они, дети войны...

Главный герой повести Н. Сухининой «Марш славянки»¹ Виктор Гладышев — один из этих детей. Человек сложной, порой драматической судьбы. Еще до начала войны семья Вити Гладышева, где было шестеро детей, лишилась матери. Великая Отечественная война отняла последнюю опору детей — любимого отца, и 8-летний Витя вместе со своими братьями и сестрами оказывается ввергнутым в пучину войны. Они бегут от наступающих немцев в свою деревню Смолино, куда тоже скоро приходит армия противника.

Беззащитный маленький Витя проходит через все испытания военного лихолетья — оккупацию, плен, голод, холод, мучительные унижения малолетнего узника, переживает страшные минуты собственного расстрела. Война делает все, чтобы убить в нем человека, втоптать в грязь все самые чистые и светлые помыслы детской души. Но все муки, выпавшие на его долю, не сломили детскую душу, в которой жил Господь. Недаром отец, уходя на фронт, напутствовал детей: «Держитесь ближе к Богу».

Вообще, повесть Сухининой в некотором смысле как бы перекликается с мыслями Достоевского, опубликовавшего в середине 1877 г. в «Дневнике писателя» статью, в которой он рассуждает о войне от имени некоего «парадоксалиста». Иногда писатель использовал этот явно несуществующий персонаж для высказывания неожиданных и спорных суждений. Диалогу, присутствующему в статье, присущ публицистический стиль самого Достоевского².

Дикая мысль, что война есть бич для человечества, — начал парадоксалист, — напротив, самая полезная вещь. Один только вид войны ненавистен и пагубен: это война междоусобная, братоубийственная. Она мертвит и разлагает государство, продолжаясь всегда слишком долго, и озверяет народы на целые столетия. Но политическая, международная война приносит одну пользу во всех отношениях, а потому совершенно необходима... Нет выше идей, как пожертвовать собственной жизнью, отстаивая своих собратьев и свое отечество... Великодушные гибнет в периоды долгого мира, а

¹ Все цитаты в тексте даются по изд.: *Сухинина Н.* Прощание славянки. Яхрома : Алавастр, 2007.

² Цитаты из «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского выложены на сайте: www.zlev.ru

ШИЛОНОСОВА Ирина Дмитриевна — ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: irinad@isnet.ru).

© Шилоносова И. Д., 2011

вместо него являются цинизм, равнодушие... Долгий мир ожесточает людей. Тогда социальный перевес переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого — главное, к богатству и капиталу... Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат... Война развязывает братолюбие и соединяет народы... Война менее озлобляет, чем мир...

«Именно для народа война оставляет самые лучшие и высшие последствия... Война поднимает дух народа...» Вот и на пути Вити и его родных встречаются добрые и отзывчивые люди. Это Анна Антоновна и Иван Федорович Глотиковы, дальние родственники, которые не только дают приют им, шестерым детям, в своей и без того большой семье, но и под угрозой смертельной опасности спасают Витю от расстрела. Это и незнакомая девочка, отдающая Ване чугунок с картошкой, и немец, принесший лекарство больной сестренке. Это и сам отчаявшийся и полуголодный Витя, который вместе с братом Иваном сооружает тайник и прячет туда несколько картофелин и сухарей для отца — вдруг он вернется с фронта, а есть нечего. А потом все эти сбережения отдает нашим голодным солдатам, пробирающимся из окружения к фронту. И которому почему-то спустя годы стыдно за охапку соломы, оказавшейся вдруг в их с братом распоряжении там, на полу, в полуразрушенной боровской церкви, куда согнали оккупанты женщин и маленьких детей.

Книга Н. Сухининой возвращает к нам из далекого уже прошлого трагические дни оккупации, которую мы видим глазами ребенка. Автор писал эту документальную повесть сразу же после встречи с посевшим уже Виктором Георгиевичем Гладышевым, музыкантом, в совершенстве освоившем несколько музыкальных инструментов. Его рассказ то и дело прерывался долгими мучительными паузами: он словно бы заново переживал весь ужас тех дней:

По деревне, со стороны села Васильчиково, гнали узников. Это были женщины, совершенно измотанные, растрепанные — жалкие. Некоторые несли совсем маленьких детей, дети хныкали, таращили глазенки, те, кто постарше, цеплялись за материнские подолы. Фашисты зло покрикивали на них, толкали в спины.

Витя в ужасе смотрел на узников. Они ничем не отличались ни от тети Ани, ни от его сестрички Насти, ни от него самого. Гнали их, видно, давно. У людей не было сил, они спотыкались, скользили по мерзлой тропе, падали. Но старались быстро вставать, чтобы не затолкали те, кто сзади. Узники свернули с большака, их погнали вверх к церкви, по центральной деревенской улице. Злые, видать, голодные и тоже измотанные немцы не позволяли узникам сбавлять шаг. Торопили, грозили автоматами. Громко заплакала девочка. Испуганная мама что-то быстро и взволнованно ей заговорила. Но девочка, видно, долго державшая этот плач в себе, уже не могла успокоиться. Было ей годика четыре, не больше. В платке крест-накрест, в стареньком хлипком пальтишке, в черных ботиночках. Фашист выхватил глазами в толпе плачущего ребенка, что-то зло закричал матери. Та схватила девочку на руки, прижала к себе, продолжая что-то нервно ей говорить. Девочка заплакала опять и опять громко. Фашист еще раз зло прикрикнул и бледная, как полотно, от усталости, страха, отчаяния женщина закрыла девочке ротик рукой. Но силы покидали ее. Нести ребенка она уже не могла. Опустила дочку на снег, крепко вцепилась в ее руку, почти потащила бедняжку по дороге. Витя бежал поодаль от колонны узников. Они уже спустились к Березовке, к небольшому мостику через речку. Скованная морозом Березовка, по весне такая неугомонная, живая, сейчас совсем затихла. Снег лег на нее ровно, кое-где она поблескивала ледком, а прямо у мостика темнела пугающей чернотой широкая прорубь. Девочка зашлась громким

плачем. Фашист еще раз злобно и громко прикрикнул на женщину, замахнулся на нее прикладом. Она машинально загородилась рукой, а девочка истошно закричала. Фашист замахнулся и на нее. Перепуганный ребенок отскочил от немца, с дороги — в сугроб. Раздался крик: Мам-а-а!

Немец изо всех сил дернул девочку к себе, схватил за рукав и потащил к проруби. Мать не сразу поняла — зачем. Она смотрела на немца широко раскрытыми глазами и — молчала. А когда поняла... закричала. Это был страшный крик. Кричала и девочка, но уже слабенько, беспомощно...

Немец тащил ее по снегу, платок развязался, волосенки лезли в глаза, один ботиночек соскочил. Немец подтащил девочку к речке, перевернул ее вниз головой и изо всей силы воткнул в прорубь. Женщина продолжала страшно кричать. Но Витя уже не видел ее. Он видел только торчавшие из проруби детские ножки...

Не разбирая дороги, мальчик побежал в деревню. Он упал в сугроб, его рвало, голова от перенесенного ужаса кружилась».

У каждого о войне своя правда. Своя она и у маленького ребенка. Образы войны для него — это и беспомощно торчащие из проруби детские ножки, и застреленный немцами друг Гришка, и две вареные картошки из чугунок, и зашитые заботливой тетей Аней в детский подол зерна пшеницы, и убитая или околевавшая от мороза лошадь, темное мясо которой Витя скребет ногтями в зимнюю стужу, и длинная нескончаемая ночь в боровской церкви, на каменном полу которой он замерзал, и живой щит на передовой из малолетних узников, служащих прикрытием для немцев, и детский дом в Пушкино...

Кажется, что война все сделала для того, чтобы вытравить из маленького сироты ЧЕЛОВЕКА. Но словно бы подтверждая мысль Достоевского о том, что «война есть повод уважать себя», вложенную великим писателем в уста «парадоксалиста», Витя Гладышев, провожая отца на фронт, надолго сохраняет в своем сердце звуки удивительного марша «Прощание славянки». Именно эти звуки духового оркестра у райвоенкомата Наро-Фоминска помогают Вите не только пережить весь ужас войны, так безжалостно отобравшей у него детство, но и определяют его дальнейшую жизнь и профессию. В детдоме военные, взявшие над ним шефство, пристроили Витю учиться музыке, заметив его любовь к ней.

Утром, по апрельскому солнышку бежал он по плацу на репетицию. А оркестр заиграл! Будто миллионы брызг взлетели в небо. Сердце застучало так, что Витя остановился. Она! Та самая музыка, которую он, зареванный, слушал у райвоенкомата в Наро-Фоминске. Уходили на войну мужчины. Плакали, голосили женщины. А музыка, будто прекрасная милосердная незнакомка, вскинула свои наполненные болью глаза на многолюдную привокзальную площадь, будто простерла над ней руки свои. Уже прозвучала команда: «Становись!» — и уехали мужья, отцы, братья туда, где убивают, калечат, откуда долго идут, а бывает и вовсе не доходят письма. Именно тогда духовой оркестр и заиграл. Витя не знал еще, что это за марш. Но он почувствовал, что просто стоять и слушать эту музыку — невозможно. Она не для того, чтобы стоять и слушать, она для того, чтобы жить дальше. Гремел, гремел духовой оркестр. Мужчины прижимали к себе детей, хмурились. Молчали. Если бы не музыка... Если бы не музыка, Витя ухватился за подножку теплушки, в которую поднялся его отец. Но музыка мальчика устыдила. Она будто командовала — держись! Надо держаться, Витя. Смотри, как всем тяжело, но ведь держаться. И музыка, наполненная волей, надеждой и печалью, радостью и мужеством, смущением и решимостью, неслась на Витю, превращаясь мгновенно в трепетную и священную любовь.

Именно музыка, как бы сливаясь с образом ушедшего на фронт отца, становится для Вити Гладышева исцеляющим даром, позволяет выжить и не уронить человеческого достоинства.

И вот он, Витя, недавно стоящий под дулом немецкого автомата и прикрывающий собой на передовой немцев, включен в резерв сводного духового оркестра Московского гарнизона, который будет участвовать 24 июня 1945 г. в Параде Победы. И «в узкую щелочку между спинами двух стоящих впереди трубачей-резервистов он видит четкий строй солдат, несущих штандарты разгромленных фашистских полков и дивизий. Солдаты с презрением волочат знамена по мокрой брусчатке». А 9 мая 1946 г. Виктор Гладышев уже полноправный участник Парада Победы. «Из ворот Спасской башни показывается маршал Жуков. На белом коне. Какая красота! <...> Конь под маршалом будто точеная белая статуэтка. У Виктора перехватывает дыхание от красоты и величия момента. Красная площадь залита солнцем. Взмах дирижерской палочки... Виктор набирает побольше воздуха в легкие, привычно на секунду замирает... Звук его альта теряется в звуках тысячетрубного духового оркестра». Это и его, Виктора Гладышева, Победа!

В художественной ткани повествования пересекаются прошлое и настоящее, которые немислимы друг без друга. Военная боль Виктора Гладышева не утихла, не схоронилась под грузом послевоенных впечатлений. Все еще в деревне Смолино можно увидеть покосившийся, вросший в землю дом Глотиковых, приютивших сирот, зайти в тот самый боровский храм Св. Бориса и Глеба, куда фашисты сгоняли детей в лютый мороз... И кажется, что на самом деле в повести Сухининой два героя: маленький Витя и убеленный сединами Виктор Георгиевич Гладышев, которые неразрывно связаны друг с другом невыносимой военной болью. «Вся моя жизнь на этой боли завязана», — так определяет все еще зримое, физическое присутствие войны в своей жизни Виктор Гладышев.

Сейчас Виктор Георгиевич Гладышев уже давно на пенсии и, как ни странно, работает в немецкой компании «Мави», которой руководит баварский предприниматель Квирин Видра. Гладышева многие спрашивают: «Как же так? Ты пострадал от немцев и теперь работаешь в немецкой фирме?» Виктор Георгиевич всем одинаково отвечает: «Я пострадал от фашистов. Все, пережитое мною, забыть нельзя. Но озлобиться против немцев я себе никогда не позволю. Я — русский. А русские испокон веков били врагов, а друзей привечали». Квирин Видра руководит фирмой в России около пятнадцати лет. Его дед четыре года после Второй мировой войны находился в плену на Урале. «Никогда, ничего, — утверждает Квирин, — дед не говорил плохого о русских». «Самое ценное, что есть в России — это люди», — считает предприниматель. «С ним трудно не согласиться, — пишет Сухинина, — но остаться русским человеком не просто. Это под силу только тем, кто цепко, корнями держится за русскую почву, боясь забыть ее горьковато-сладковатый вкус. Виктор Георгиевич этот вкус помнит. Ведь корнями он там, в дорогом его сердцу Смолино, где заложены были в него с молоком его красивой матери и благочестивого отца основные понятия чести, совести, веры. Он до сих пор не может простить себе

маленького клочка соломы, который они с братом раструсили на полу боровской церкви. — Мы-то на соломе, а другие...».

В фабульной линии повести много неслучайных, словно бы predeterminedных свыше, совпадений. Так, Василий Иванович Агапкин, создавший прекрасный марш «Прощание славянки», как и Витя Гладышев, родился в простой крестьянской семье. Он рано стал сиротой и в голодном детстве вместе с братьями и сестрами побирался, ходил с протянутой рукой по домам. Потом была в жизни известного музыканта случайная встреча, определившая весь его жизненный путь. Он встретился с капельмейстером военного оркестра. Тот и хлопотал о зачислении Васи Агапкина учеником в духовой оркестр 308-го Царевского резервного батальона Астраханского пехотного полка. А затем Агапкин, уже будучи автором «Прощания славянки», из сирот, оставшихся без отцов после Балканской войны, создал духовой оркестр, и многие его ученики в дальнейшем стали известными музыкантами. Известный военный дирижер Агапкин как бы протягивает незримо руку помощи Вите Гладышеву, в жизни которого марш «Прощание славянки» занял такое особое, почти священное место. На Параде Победы 24 июня 1945 г. Агапкин дирижирует правым флангом сводного оркестра, который насчитывает 1400 музыкантов. И стоящий в резерве мальчик «напряженно щурится в сторону правого фланга. Где он там, дирижер Агапкин, автор знаменитого марша, к встрече с которым Виктор Гладышев шел очень трудными, совсем недетскими дорогами? Но видел он только мокрые от дождя трубы, аккуратные затылки музыкантов. Видел часть трибуны. Едва различимое пятно сталинского лица».

Неслучайным кажется и другое совпадение, касающееся уже повзрослевшего Виктора Гладышева. Вместе с голубоглазой красавицей Анной они вдруг выясняют, что оба были там, в боровской церкви, куда в лютый мороз, на верную смерть согнали немцы женщин, стариков и детей.

...Клочок принесенной Иваном соломы в углу церкви, почти под окном. Дрожащие от холода и ужаса сестры. А в глубине храма, правее, наискосок — плачет ребенок... Ну почему он запомнил этот плач? Ведь ему самому было очень страшно. Немцы то и дело уносили трупы замерзших детей на улицу. Он переживал нечеловеческие страдания, а этот плач — запомнил. И вот теперь та самая, плачущая тогда на маминых руках четырехмесячная Анечка, подруга встреченной им случайно в электричке девушки, скорее всего станет его женой.

Да и само имя Виктор оказывается глубоко символичным. Он, в котором с сатанинской ненавистью, война уничтожала человека, оказался Победителем, подтвердившим слова великого Достоевского: «Мы непобедимы ничем в мире... Нет такой силы на всей земле».

Наталья Сухинина, заканчивая свою документальную повесть, пишет: « Дети войны... Два коротких слова, глубоких, как колодец, горьких, как июньская полынь. Что мы можем сделать для них? Немного. Согреть словом, одарить вниманием, поддержать сочувственным вздохом. А еще — помолиться. И о живущих ныне, и об ушедших в небытие, так и оставшихся детьми навек».

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

УДК 82.09 + 82-43 + 82-95

С. М. Балувев

ЭССЕ К. Н. БАТЮШКОВА «ПРОГУЛКА В АКАДЕМИЮ ХУДОЖЕСТВ»: ОСОБЕННОСТИ КРИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Анализируется историко-культурное значение эссе К. Н. Батюшкова «Прогулка в Академию художеств» (1814).

Ключевые слова: русская художественная критика XIX в., К. Н. Батюшков, выставка в Академии художеств 1814 г., произведение искусства, направление в искусстве, эстетическая оценка.

Не угасает интерес историков искусства к написанной К. Н. Батюшковым во второй половине 1814 г. «Прогулке в Академию художеств», впервые опубликованной в журнале «Сын отечества» (1814. Ч. 18, № 49–51) с подзаголовком «Письмо старого московского жителя к приятелю, в деревню его N». Отзывы исследователей об этом произведении, непосредственным поводом для создания которого стала проходившая в 1814 г. в Академии художеств выставка, разноречивы.

Так, например, расходятся мнения ученых о проблематике «Прогулки в Академию художеств». Кауфман в известном исследовании истории русской художественной критики высказал мысль, что Батюшков «своей “Прогулкой” выступил против <...> архаического языка классицизма в живописи с позиций романтизма» [9, 29]. В своем анализе историк искусства приводит критические высказывания одного из персонажей «Прогулки», Старожилова, относительно «Истязания Спасителя» (1814. *Санкт-Петербург, Государственный Русский музей*) кисти видного представителя русского классицизма А. Е. Егорова. Принимая во

БАЛУЕВ Сергей Михайлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры искусствоведения и культурологии Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А. Л. Штиглица (e-mail: art_baluev@mail.ru).

© Балувев С. М., 2011

внимание это обстоятельство, Кауфман заключает, что в «Письме старого московского жителя» «классицизму Егорова противопоставлен романтизм Кипренского» [9, 30], работы которого вызвали восхищение посетителей выставки, изображаемых Батюшковым.

По-другому смотрит на проблематику «Прогулки» А. Г. Верещагина. Она полагает, что, соединяя в тексте подчас противоположные мнения персонажей о целом ряде работ экспонентов выставки, Батюшков-критик «создает цельную картину, раскрывает художественную ценность произведения, его достоинства и недостатки» [5, 330].

Верещагина делает еще два вывода. Во-первых, что посетители выставки, «хотя и по разным причинам, приемлют направление в искусстве, которое является господствующим — классицизм в том его содержании, какое отвечало началу XIX века». Во-вторых, исследователь выделяет значение образов рассказчика и «молодого художника». Она пишет, что эти персонажи, «подобно многим патриотически мыслящим людям того времени, видели в героических образах, составляющих содержание произведений классицистического искусства, прямую связь с современностью, особенно когда художники обращались к отечественной тематике» [Там же, 330].

С выводами Верещагиной трудно не согласиться, и в то же время ее полемику с Кауфманом нельзя считать завершенной. «Цельность картины», рисуемой критиком, отношение автора к классике «как к великому наследию в академической школе» [Там же, 325], присутствие в произведении патриотических идей — несомненно, отличительные черты «Прогулки в Академию художеств». Однако перечисленные качества были присущи и сочинениям предшественников Батюшкова в истории русской художественной критики. Достаточно вспомнить работы А. И. Тургенева и А. А. Писарева.

Остается неясным, в чем новаторство создателя «Прогулки», упоминать о котором давно стало привычным делом. Кроме того, Верещагина оставляет без внимания утверждение Кауфмана о «политическом консерватизме», нашедшем выражение в критике Батюшкова. Стремление найти ответы на вопросы, оставшиеся не освещенными в ходе полемики, определило цель настоящей статьи.

Прежде всего, следует заметить, что в суждениях персонажей «Прогулки» обращает на себя внимание отсутствие нормативности. Так, молодой художник, которого восхищает выполненная по проекту Ю. М. Фельтена ограда Летнего сада [17, № 49, 129] — один из признанных «шедевров русского классицизма» [13, 122], оказывается убежденным противником создававшегося вне связи с видом какой-то конкретной местности классицистического пейзажа.

Совершая вместе с рассказчиком прогулку, он произносит следующий монолог о Петербурге: «Единственный город! Сколько предметов для кисти художника! умей только выбирать. И как жаль, что мои товарищи мало пользуются собственным богатством; живописцы перспективы охотнее пишут виды из Италии и других земель, нежели сии очаровательные предметы. Я часто с горестью смотрел, как в трескучие морозы они трудятся над пламенным небом Неаполя, тиранят свое воображение — и часто взоры наши. Пейзаж

должен быть портрет. Если он не совершенно похож на природу, то что в нем?» [17, № 49, 128]

Смысл фраз N трудно согласовать, скажем, с включавшей в себя героический и сельский виды ландшафтов классицистической типологией пейзажа, представленной в вышедшей в свет за шесть лет до опубликования «Прогулки» книге Писарева «Начертание художеств» [16, 20–21]. Желание N «портретировать» природу скорее обнаруживает параллели с взглядами поднявшего «художническое понимание ландшафтной живописи на новую ступень» дрезденского романтика Каспара Давида Фридриха [21, 3].

Фридрих, выступая за самостоятельность национальной художественной школы в процессе ее развития и против скованности мастера каноном «идеального» пейзажа, писал: «Господам критикам уже мало нашего немецкого Солнца, нашей Луны, наших звезд, наших скал, лесов и трав, долин, рек и озер. Все должно быть итальянским, а тогда уж и притязать на величие и красоту» [18, 507]. Германский художник призывал собрата по искусству: «Воспроизводи в картине все именно так, как оно тебе представляется в действительности» [19, 410].

Цитированные сочинения при жизни Фридриха не публиковались, а первые контакты с ним представителей русской культуры (в частности, близкого к Батюшкову Жуковского) относятся к началу 1820-х гг. [12, 712]. Поэтому Батюшков не мог прямо заимствовать идеи немецкого романтика. Однако текст автора «Прогулки» — несомненно, свидетельство проникновения в пространства романтической мысли, но при всем том — не отражение борьбы за романтизм.

Отсутствие тенденции такого плана подтверждает анализ использования в «Прогулке» искусствоведческих терминов. Рассказчик, к примеру, употребляет термин «приятность». Описывая впечатления от экспонировавшихся на академической выставке работ О. А. Кипренского, рассказчик замечает: «Но с каким удовольствием смотрели мы на портреты г. Кипренского¹, любимого живописца нашей публики! Правильная и необыкновенная приятность в его рисунке, свежесть, согласие и живость красок — все доказывает его дарование, ум и вкус нежный» [17, № 51, 205].

Использование термина позволяет сделать заключение об ориентации на конкретную его трактовку. В «Начертании художеств» Писарев, акцентируя хвалимые им во всем «правильность» и «правила», отмечал: «Приятность в живописи и в ваянии состоит в легкости очертаний (contours), в нежности выражений, в совершенном строении членов, в полной соразмерности и в правильном их соединении» [16, 16]. Для сравнения: Роже де Пиль, считавший, что «природа и гений стоят выше правил и более всего способствуют сложности мастера» [15, 380], в хорошо известном в кругу Академии художеств благодаря переводу, сделанному скульптором А. М. Ивановым, трактате «Идея

¹ На выставке в Академии художеств в 1814 г. экспонировались выполненные О. А. Кипренским портреты великих князей Николая Павловича (1814) и Михаила Павловича (1814), оба — в Павловском дворце-музее.

совершенного живописца» (1699) дает иное определение термина «приятность». Французский критик пишет: «...приятность есть то, что без соучастия разума нравится и пленяет сердце. Приятность и красота суть два различные качества. Красота нравится только через правила, а приятность и без них» [8, 17].

Очевидно, что определение «правильная», присоединяемое в речи рассказчика наряду с эпитетом «необыкновенная» к термину «приятность», отсылает к толкованию Писарева, восходящему к предложенному Винкельманом определению грации (корреляту «приятности») как «осмысленно-пленительного» [6, 377; см. также: 1, 207–208]. И все же нельзя сказать, что данная в «Прогулке» в совокупности с описанием свойств колорита характеристика рисунка в живописных работах Кипренского относит его произведения к классицистической традиции.

Кстати, о колорите в критике Батюшкова тоже говорится скорее с опорой на сочинение автора «Начертания художеств». Но используемое Писаревым для определения целостности светотеневого строя картины словосочетание «согласие красок» [16, 19–20] в речи рассказчика дополнено указанием на их «свежесть» и «живость». За модификацией фразеологии представителей русского классицизма первой половины XIX в., у которых «живописное решение картины сводилось к локальному цвету» [14, 7] (а «рисунком, — как считал их идеолог, — и без красок можно изобразить все то, что природа нам представляет или воображение внушает» [7, 3]), стоит эстетическая оценка.

Частично изменяя словесные формулы, Батюшков-критик заостряет мысль о новизне манеры Кипренского — интенсивности звучания цвета и живописности моделировки в портретах «зачинателя романтизма в русской живописи» [3, 58], написанных в 1814 г. В то же время ориентация на классицистические трактовки понятий оберегает новое в искусстве от возможных нападков ретроградов.

Основываясь на изложенном, можно фиксировать отличительную черту критического метода Батюшкова: рассматривая создания художников, он не стремится искать и устанавливать различия между изобразительными системами, направлениями и стилями. Поэтому скульптурность поз в «Истязании Спасителя», сухость живописной манеры Егорова, с одной стороны, и интерес к колористическим возможностям живописи в портретах Кипренского 1814 г. — с другой, вопреки логике Кауфмана, не противопоставляются.

Не будет преувеличением сказать, что, создавая «Прогулку в Академию художеств», автор стремился смягчить различия во мнениях, высказываемых в ходе обсуждения конкретных произведений искусства. Характерный пример: Старожилов, «строгий судья» живописи А. Е. Егорова, по прошествии нескольких минут после завершения спора об «Истязании Спасителя» «шепнул молодому художнику»: «...согласитесь, что кроме картины Егорова мы ничего еще не видели совершенного или близкого к совершенству» [17, № 51, 204].

Позиция Батюшкова-критика, воплощаемая в диалогах, образном строе «Прогулки», становится более принципиальной только в тех случаях, когда дается оценка обусловленности изобразительного языка мастера, его стилистики и художественных форм задачами создания эстетической реальности. Пока-

зательно суждение о картине работавшего в начале XIX в. реставратором в Эрмитаже Никола де Куртейля [11, 167] «Спартанец при Фермопилах» (1814. *Местонахождение неизвестно*).

Прологом к беседе о ней становится описание картины, отнесенное к речи рассказчика, сообщающего своему корреспонденту: «Картина г. Куртеля “Спартанец при Фермопилах” привлекла наше внимание. Прекрасный юноша, сраженный за свободу Греции, умирает один, без помощи, без друга, в местах пустынных. Кровавый долг Спарте отдан, оружие избито, кровь пролита ручьями из ран глубоких и смертельных, и последние минуты убегающей жизни принадлежат ему: последние взоры, исполненные страдания и любви, устремлены на медальон, изображающий черты ему любезные» [17, № 51, 211].

Подытоживает описание рассказчик следующим образом: «Вот прекрасная мысль, — сказал я моим товарищам, — и выраженная мастерскою кистию» [Там же]. Позитивность отзыва вызывает возражения спутников рассказчика относительно того, «что в фигуре нет ни соразмерности, ни согласия» [Там же]. «Это туловище небольшого фавна, приставленное к ногам Боргезского борца²», — говорит молодой художник. «Конечно, — продолжает N, — много истины в выражении лица и мертвенности других членов, но признаюсь вам, я неохотно смотрю на подобные сему изображения! И можно ли смотреть спокойно на картины Давида и школы, им образованной, которая напоминает нам одни ужасы революции: терзания умирающих насильственной смертью, оцепенение глаз, трепещущие, побледневшие уста, глубокие раны, судороги — одним словом, ужасную победу смерти над жизнью. Согласен с вами, что это представлено с большою живостию, но эта самая истина отвратительна, как некоторые истины, из природы почерпнутые, которые не могут быть приняты в картине, в статуе, в поэме и на театре» [Там же, 211–212].

Нетрудно догадаться, что, проводя аналогию, молодой художник имеет в виду «Смерть Марата» (1793. *Брюссель, Королевский музей изящных искусств*) Жака Луи Давида, а также работы Жана Антуана Гро «Бонапарт, посещающий зачумленных в Яффе 11 марта 1799 года» (1804. *Париж, Лувр*) и «Наполеон на поле битвы при Эйлау 9 февраля 1807 года» (1808. *Париж, Лувр*). Картины такого рода, с точки зрения персонажа «Прогулки», не могут «быть приняты» как произведения искусства.

Можно увидеть в суждении N некую связь с искусствознанием XX в. Лионелло Вентури, к примеру, замечал о «Смерти Марата», что «картина передает не боль об утерянном друге, но смятение перед кровавым зрелищем», и задавался в этой связи вопросом: «действительно ли перед нами произведение искусства» [4, 128]?

Применительно к школе Давида об остановивших на себе внимание Вентури обстоятельствах говорится и в трудах отечественных искусствоведов. Е. Ф. Кожина писала, имея в виду «Зачумленных в Яффе»: «Смелость и решительность кисти, находившей живописность и красоту тона в самых обыденных

² Боргезский борец — традиционное название мраморной статуи II в. до н. э., происходящей из собрания рода Боргезе; ныне находится в Лувре, Париж.

антиэстетических деталях, должна была казаться еще поразительнее: это опрокидывало все привычные представления о прекрасном и вульгарном, величественном и пошлом» [10, 13–14].

Приведенные мнения, разумеется, нельзя рассматривать как повод для того, чтобы говорить о сохранении актуальности звучания цитированных в «Прогулке» отзывов об искусстве «Давида и школы, им образованной». Русский критик начала XIX в., вне всякого сомнения, поднимал вопрос об «антиэстетических деталях» с позиций, весьма далеких от тех, на которых стояли искусствоведы века XX.

Начать с того, что фразы художника N в произведении — финальные, итоговые. В силу этого обстоятельства автор, уходя от конкретизации — не называя работы французских мастеров, — придает обобщающий характер мысли о первостепенном значении в критике созданий художников эстетической оценки.

В ряду моментов, обнаруживающих движение критической мысли в этом направлении, — беседа в верхнем вестибюле здания Академии художеств. Здесь, когда спутники взойшли по парадной лестнице, молодой художник произносит целую филиппику об использовании в архитектурном декоре мотива кариатид. «Можно ли, — рассуждает N, — видеть без отвращения прекрасную женщину, страдающую под тягостным бременем и с необыкновенным усилием во всех членах и мускулах поддерживающую целое здание или огромную часть оно? Одно жестокое сердце может любить такого рода изображения, и затем-то, может быть, французские артисты, тайно угождая вкусу Наполеона, ставили кариатиды везде, где только можно было» [17, № 50, 167].

Как абсолютно неприемлемое представлено положение, когда в наполеоновской Франции неназванные ампирные архитекторы и декораторы трансформировали идеал красоты в интересах решения политических задач — «переодевания, — по выражению Д. Е. Аркина, — новой власти во всемирно-исторические одежды Римской империи» [2, 203].

Доказательная логика автора «Прогулки» противоречит тому, чтобы видеть в суждениях относительно западноевропейского искусства рубежа XVIII—XIX вв. направленность на ампир или революционный классицизм. Критик использует факты художественной жизни Франции только в качестве аргумента в обосновании тезиса о приоритетном значении эстетической оценки. Отсюда абстрагирующий подход к их трактовке.

По этой причине сказанное критиком о школе Давида не может служить достаточным основанием для того, чтобы обнаруживать в очерке выражение «политического консерватизма» [9, 30]. Создавая «Прогулку», Батюшков в первую очередь стремился умалить значение неэстетических соображений в оценке произведения искусства.

Типичен в этом отношении отзыв рассказчика о картине М. Н. Воробьева «Торжественное молебствие русских войск в Париже» (1814. *Местонахождение неизвестно*): «Вот празднование Пасхи в Париже Александром и его победоносными войсками. Какой предмет для патриота! С каким чистейшим удовольствием смотрел я на сию картину! Толпы народа и войска представлены ясно; но я заметил, что цвет неба и облаков холоден и тяжел» [17, № 51, 201–202].

Таким образом, можно сделать вывод, что Батюшков, рассматривая работы экспонентов академической выставки 1814 г., обосновывал и воплощал в своем произведении впервые отчетливо прозвучавшее в художественном процессе России положение, что «в основу мнения критика должен быть положен эстетический критерий оценки» [5, 6]. И здесь автор «Прогулки в Академию художеств», если воспользоваться выражением А. М. Эфроса, «был Колумбом русской художественной критики» [20, 94].

1. Алексеев М. П. Примечания к трактату У. Хогарта «Анализ красоты» // Хогарт У. Анализ красоты : пер. с англ. / вступ. ст. и примеч. М. П. Алексеева. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1987. С. 205–240.
2. Аркин Д. Е. Адмиралтейство // Аркин Д. Е. Образы архитектуры и образы скульптуры. М., 1990.
3. Валицкая А. П. О национальных истоках творческого метода Кипренского // Орест Кипренский: Новые материалы и исследования / Государственный Русский музей. СПб., 1993.
4. Вентури Л. Художники нового времени / пер. с ит. Л. М. Бродской. СПб., 2007.
5. Верещагина А. Г. Критики и искусство: Очерки истории русской художественной критики середины XVIII – первой трети XIX века. М., 2004.
6. Винкельман И. И. О грации в произведениях искусства // Винкельман Иоганн Иоахим. История искусства древности. Малые сочинения / изд. подгот. И. Е. Бабанов. СПб., 2000.
7. И. У. [Иван Урванов]. Краткое руководство к познанию рисования и живописи исторического рода, основанное на умозрении и опытах. СПб., 1793.
8. Иванов А. [М]. [Пиль Роже де]. Понятие о совершенном живописце, служащее основанием судить о творениях живописцев, и примечание о портретах : пер. с фр. и ит. СПб., 1789.
9. Кауфман Р. С. Очерки истории русской художественной критики: От Константина Батюшкова до Александра Бенуа. М., 1990.
10. Кожина Е. Ф. Романтическая битва: Очерки французской романтической живописи 1820-х годов. Л., 1969.
11. Левинсон-Лессинг В. Ф. История Картинной галереи Эрмитажа (1764–1917). Л., 1985.
12. Михайлов А. В. Краткие биографические справки // Эстетика немецких романтиков / сост., пер., вступ. ст. и коммент. А. В. Михайлова ; редкол.: М. Ф. Овсянников (пред.) и др. М., 1987. С. 709–713.
13. Петров А. Н., Борисова Е. А., Науменко А. П., Повелихина А. В. Памятники архитектуры Ленинграда / ред. Г. Н. Булдаков. 4-е изд., перераб. Л., 1975.
14. Петрова Е. Н. [Вступ. ст.] // Художники русского классицизма. А. Е. Егоров (1776–1851), А. И. Иванов (1775–1848), В. К. Шебуев (1777–1855). Рисунок : каталог выставки / Государственный Русский музей. Л., 1978.
15. Пиль Роже де. Беседы о понимании живописи и о том, как должно судить о картинах // Питер Пауль Рубенс. Письма, документы, суждения современников. Переводы / сост., вступит. ст. и примеч. К. С. Егоровой. М., 1977. С. 366–396.
16. Писарев А. А. Начертание художеств, или Правила в живописи, скульптуре, гравировании и архитектуре с присовокуплением разных отрывков, касательно до художеств, выбранных из лучших сочинителей. СПб., 1808.
17. Фалотов Иван [К. Н. Батюшков] Прогулка в Академию Художеств. Письмо старого Московского жителя к приятелю, в деревню N // Сын отечества. 1814. Ч. 18, № 49–51.
18. Фридрих Каспар Давид. Высказывания при осмотре собрания картин художников, по большей части ныне здравствующих или недавно скончавшихся // Эстетика немецких романтиков. С. 505–523.

19. Фридрих Каспар Давид. Из афоризмов // Мастера искусства об искусстве : в 7 т. М., 1967. Т. 4. С. 409–410.

20. *Эфрос А. М.* Рисунки поэта. 2-е изд. М., 1933.

21. *Emmrich I.* Caspar David Friedrich. Dresden, 1971.

Статья поступила в редакцию 20.11.2010 г.

УДК 327(73) + 327(8-6) + 327.54

Ю. С. Барышникова

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ПОЛИТИКА США В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСТВА ДЖ. Ф. КЕННЕДИ (1961–1963)

Статья посвящена анализу некоторых аспектов внешней политики США в Латинской Америке в 1961–1963 гг. На основе оригинальных архивных документов доказывается, что политика Кеннеди была целостной и единой направленной, подчиняясь совершенно определенным целям победы в холодной войне. В свою очередь, страны Латинской Америки, преследуя собственные политические и экономические интересы, зачастую преувеличивали угрозу усиления влияния коммунистов в обществе.

Ключевые слова: внешняя политика США, Латинская Америка, Кеннеди, «Союз ради прогресса».

Латиноамериканскую политику США в начале 1960-х гг. отличает внешняя целостность и внутреннее разнообразие целей и приоритетов. Именно это качество определило ее сложность и, как следствие, неоднозначность восприятия современниками и историками. Несмотря на общепринятое мнение о наличии «зигзагов» во внешней политике Кеннеди, автор полагает, что демократическая администрация шла совершенно определенным путем с ясным намерением победить в холодной войне, используя разные методы достижения стратегических задач.

Разница в методах обеспечения краткосрочных целей национальной безопасности по сравнению со стратегией достижения долгосрочных целей проявилась в политике США в отношении стран Латинской Америки. В результате возникла кажущаяся противоречивость политики США. С одной стороны, основными факторами, влияющими на формирование внешней политики Кеннеди, явились усилия по сглаживанию нарастающих противоречий в отношениях со странами Южной, Центральной Америки и Карибского бассейна. Правительство США пришло к пониманию необходимости откликнуться на неоднократные призывы латиноамериканских народов по финансированию их развития. С другой стороны, определяющими условиями продолжали оставаться

БАРЫШНИКОВА Юфимия Сергеевна — ассистент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: vavulenko@mail.ru).

© Барышникова Ю. С., 2011

интересы национальной безопасности, понимающиеся как недопущение распространения идей коммунизма и экспорта кубинской революции в другие страны Западного полушария. Немаловажную роль играли и коммерческие интересы, усилия по обеспечению положительного торгового баланса.

Переосмысление, по мнению части американского истеблишмента, ошибочной внешнеполитической стратегии США в отношении стран Латинской Америки началось еще при администрации Эйзенхауэра. Толчком к этому явился неудавшийся «тур доброй воли» вице-президента Никсона в 1958 г., когда вместо торжественного приема ему пришлось пробираться сквозь разъяренные толпы в Каракасе и Лиме, столицах двух стран, казалось бы, издавна дружественно относившихся к своему североамериканскому соседу.

Победа Фиделя Кастро на Кубе стала следующим поворотным моментом, заставившим правительство Соединенных Штатов обратить внимание на события в латиноамериканском регионе. Хотя поначалу эти события и не рассматривались как вызов или провал в существующей системе межамериканских отношений: антиамериканские митинги во время визита Никсона считались подготовленными коммунистами-подстрекателями, да и кубинская революция изначально не имела явной антиамериканской направленности, а была попыткой освободиться от жестокой диктатуры Батисты. Однако ситуация, когда определенные действия администрации Эйзенхауэра подталкивали Кубу ко все более тесному взаимодействию с Советским Союзом, вызывала у представителей Соединенных Штатов новое чувство взрывоопасности в регионе и необходимости принятия срочных мер по улучшению ситуации.

Эту волну восприняла команда Дж. Кеннеди, занимающаяся разработкой его предвыборной кампании. Дж. Кеннеди олицетворял собой новое поколение послевоенных лидеров. С одной стороны, он представлялся человеком новой формации, готовым продвигать идеи демократии и использовать внешнюю экономическую помощь как эффективное средство дипломатии. С другой стороны, традиционные методы прямого давления, в том числе военного, использование секретных операций, подготовленных агентами ЦРУ, никогда не исчезали из его арсенала. В этом плане можно сказать, что Кеннеди следовал достаточно консервативной политике, тем более что Хрущев очень давил на нового президента, пытаясь использовать его молодость и неопытность. Кеннеди же старался «не сдавать позиций», «не дать слабину» [1].

Это определило особый фактор, влияющий на политику США в Латинской Америке в тот период. Поскольку не существовало способа достоверно определить «действительные» намерения Москвы, многие политики чувствовали свою обязанность из-за слишком высокой цены ошибки предполагать худшее: намерение Советского Союза вырвать какую-либо страну из сферы влияния США [8, 326]. 24 января 1961 г. Адольф Берли, входивший в специальную комиссию по Латинской Америке, оценивал, что восемь правительств в Латинской Америке могли повторить путь Кубы в течение последующих шести месяцев, если

¹ JFKL — John F. Kennedy Library and Archive; OHP — Oral History Project.

ничего не будет сделано (JFKL, ОНР, А. А. Berle. 1967. 22)¹. Сами страны Латинской Америки иногда сознательно преувеличивали «коммунистическую угрозу» как средство давления на своего североамериканского соседа ради получения больших ссуд и квот. Даже президент Колумбии, которую официальные лица Вашингтона считали страной с «минимальной» вероятностью коммунистического переворота, в беседе с послом США утверждал, что коммунисты выбрали Колумбию в качестве своей ближайшей цели на будущее (JFKL, P. P. of A. M. Schlesinger, Box WH-29, Colombia, 8/6/62–4/4/63, Airgram from Amembassy Bogota to DOS. 1962. 15 March. 1)².

Основной внешнеполитической концепции правительства Кеннеди в 1961–1963 гг. стала политика «новых рубежей». Региональной составляющей этой политики для Латинской Америки был принят «Союз ради прогресса» — программа «совместных усилий всех народов Америки, способных мобилизовать свои ресурсы и энергию людей», направленная на «достижение общего прогресса» [5, 172].

Предполагалось создание межгосударственного объединения с целью ускорения темпов развития Западного полушария, решения тяжелейших экономических, социальных и политических проблем Латинской Америки и недопущения дальнейших побед коммунистических режимов в регионе. Идеологи «новых рубежей» верили, что когда страны Латинской Америки улучшат свое экономическое положение, они уже не будут настолько подвержены влиянию сил «мирового коммунизма». Теоретики модернизации, советники Кеннеди, полагали, что странам Латинской Америки, находящимся на определенном уровне развития общества, необходимы внешние инвестиции, которые бы дали толчок дальнейшему росту. Это вело бы к самоподдерживающемуся развитию, при котором предоставление внешней помощи уже не требовалось.

Цели, достаточно идеалистические, были положены на прагматическую основу. За высокими фразами о развитии и прогрессе стояли вполне понятные интересы национальной безопасности, улучшения имиджа США и ситуации с торговым балансом. Кеннеди выступал за изменения, но знал, что быстрого прогресса не последует. Цели «антикоммунизма» и развития представлялись разработчикам внешнеполитической стратегии администрации Кеннеди едиными направленными и взаимовыгодными: США обеспечили бы свои интересы национальной безопасности, а страны Латинской Америки получили бы дополнительные инвестиции, необходимые для национального развития. Однако представители стран Латинской Америки разделяли две направленности политики Кеннеди. «Союз ради прогресса» — «позитивная» концепция, в отличие от «негативной», антикоммунистической — писал министр экономики Аргентины (JFKL, NSF, Box 6, Argentina 1/61–7/61, Summary of Mr. Alvaro Alsogaray's memorandum on the Punta del Este Conference. Undated. 1)³. Они хотели воспользоваться возможностью получить необходимые средства для развития своих стран.

² P. P. — Public Papers; Amembassy — Embassy of the United States; DOS — Department of State.

³ NSF — National Security Files.

На деле привлекательная теоретическая модель часто давала сбой. Хотя, казалось, эта теория была апробирована планом Маршалла, программой европейского восстановления. В странах Западной Европы коммунистические лидеры были далеки от получения властных портфелей, кроме того, доход по плану Маршалла превысил размер первоначальных инвестиций в среднем в три-четыре раза. По этой причине именно он и был взят за одну из основ будущей программы развития Латинской Америки. «Союз ради прогресса» был объявлен новым планом Маршалла для Латинской Америки, хотя создатели новой программы и сознавали ограниченную возможность использования его методов и кардинальное отличие условий осуществления «Союза».

Латинская Америка представлялась вдохновителям курса «новых рубежей» в качестве основного поля битвы в холодной войне, на котором США имели реальные шансы на победу. Наступление на Латинскую Америку началось на всех фронтах. На экономическом — путем предоставления ссуд и грантов; на политическом — путем поддержки тех или иных правительств и режимов; на культурном и на идеологическом — путем пропаганды ценностей демократии, издательской программы и программ по обмену студентами.

Для подписания соглашения о создании «Союза ради прогресса» в августе 1961 г. была созвана конференция министров стран, входящих в Межамериканский экономический и социальный совет Организации американских государств (ОАГ), в Пунта-дель-Эсте, курортном местечке Уругвая.

Десять государств Латинской Америки подписали Декларацию и Хартию Пунта-дель-Эсте. В документах устанавливались двенадцать целей, которых следовало достичь с помощью программы мер «самопомощи», подкрепленной значительными зарубежными вливаниями. Страны должны были достигнуть роста дохода на душу населения в размере не менее 2,5 % в год, диверсификации производства, ускорения процесса индустриализации, ликвидации безграмотности взрослых к 1970 г., решения жилищной проблемы для малоимущих семей и др. США обязывались обеспечивать финансовую и техническую поддержку в размере 20 млрд долл. в течение 10 лет. Страны Латинской Америки согласились приложить свои собственные усилия и средства для скорейшего достижения целей «Союза ради прогресса». Декларация заканчивалась словами уверенности в том, что ныне американское общество вступает в эру совместных усилий для достижения лучшей жизни, свободы и демократии для настоящего и последующих поколений [2].

Программа «Союза ради прогресса» оказалась провальной, если напрямую сравнить заявленные цели с фактическими результатами экономического и политического развития Латинской Америки. Однако не совсем правомерно говорить о наличии прямой зависимости между предоставляемой помощью и экономическими изменениями. Более того, во многих странах, даже когда экономическая помощь была значительной, доходы и расходы государства зависели более от изменения цен на экспорт, чем от размера помощи [8, 9–10].

Существовало множество причин малой экономической эффективности программы, начиная с недоработок самого механизма «Союза», с изначально явно завышенными предполагаемыми показателями программы, объективными

трудностями, медлительностью и нерасторопностью североамериканских администраторов программы; и заканчивая естественным превалированием приоритета национальной безопасности над приоритетом развития стран Латинской Америки. Зачастую чрезмерная обеспокоенность правительства Кеннеди недопущением второй Кубы и малейшей предполагаемой вероятностью попадания некоторых стран Латинской Америки под влияние Советского Союза вела к игнорированию других важнейших вопросов, требующих немедленного решения.

Вина за неудачи «Союза» может быть в такой же степени отнесена и к латиноамериканской стороне процесса, так как трения между самими странами Латинской Америки не обеспечивали общего эффективного координирования усилий. Устремления США в проведении своей внешнеполитической линии, равно как и устремления стран Латинской Америки, не были ни альтруистическими, ни высокоморальными. Практически каждая страна Латинской Америки требовала приоритетного к себе отношения и выторговывала как можно больший «кусочек» помощи за «согласие» или «несогласие» с позицией США относительно исключения Кубы из ОАГ, если о таком преференциальном отношении договориться не удавалось. Например, как писал посол США в ООН Стивенсон, президент Аргентины А. Фрондизи придерживался позиции, что «сотрудничество Аргентины с Соединенными Штатами по кубинскому вопросу будет возможно только после того, как США начнет предоставлять экономическую помощь [Аргентине]» (JFKL, POF, Box 111, Argentina Security, 1961–1963, Memorandum of conversation between Ambassador Stevenson and President Frondizi. 1961. 24 Sept. 24. 1)⁴.

Разработчики внешнеполитической стратегии США четко сознавали, что мотивом для правительства любой страны служит его собственное понимание национальных интересов. Страны поддерживали США и входили в военные блоки с участием Соединенных Штатов не потому, что они были согласны с позицией этой страны по различным вопросам, и не потому, что они искренне верили в демократию, а по причине того, что они считали это более целесообразным, исходя из региональных обстоятельств.

Республики Южной, Центральной Америки и Карибского бассейна полагали, что Соединенные Штаты никогда не поймут их истинных потребностей и действительности Латинской Америки, поэтому были готовы пойти на утверждение любых планов, под которые бы выделялись деньги, а потом использовать их по своему усмотрению. США же верили в необходимость проведения реформ странами Латинской Америки для развития общества и достижения американских стандартов.

Одной из многих трудностей программы «Союза» было то, что зачастую успешное развитие стран Латинской Америки и их финансовое благополучие зависело от условий, являющихся конкурентными для производителей США, и, естественно, Соединенные Штаты не шли на такие шаги. Например, на

---

⁴ POF – President Office Files.

конференции в Пунта-дель-Эсте аргентинская делегация предложила учредить фонд в размере 200 млн долл. для финансирования экспорта в рамках Латиноамериканской зоны свободной торговли (ЛАФТА). В предложении говорилось о том, чтобы страны этой зоны внесли бы 100 млн долл., США — 50 млн и европейские страны — еще 50. Однако делегация США не согласилась с предложением, так как в результате были бы созданы благоприятные условия для многих экспортных товаров, которые бы составили конкуренцию товарам США (JFKL, NSF, Box 6, Argentina 1/61–7/61, Comments on Argentine memorandum. Undated. 3).

Практика показала, что цели развития и «антикоммунистические» цели зачастую требовали принятия взаимоисключающих стратегических решений. Это приводило к наличию «зигзагов» во внешней политике Кеннеди, как это называли отечественные историки, или к «эксцентричным внешнеполитическим решениям» [4], как об этом отзывались североамериканские ученые. «Зигзаги» свидетельствовали об использовании традиционных мер воздействия и отходе от провозглашенных принципов. Помощь зарубежным странам направлялась для того, чтобы иметь поддержку на международной арене и не допускать усиления влияния противоборствующей страны в каком-либо государстве, что называлось «сохранением независимости страны». Однако впоследствии стали видны ограничения эффективности внешней помощи, быстроты и значимости получаемых результатов, что противоречило первоначальным предположениям.

Интервенционистская составляющая, безусловно, присутствовала в латиноамериканской политике Кеннеди и воспринималась как данность, хотя страны Латинской Америки, желавшие получения финансовой помощи, старались ограничить степень вовлеченности США в свои внутренние дела. «Латиноамериканцы по историческим причинам необычайно чувствительны к “интервенции” и ассоциируют ее с политикой США, — написано в одном письме, хранящемся в архиве Артура Шлесинджера-младшего, — однако для каждого американца интервенция приемлема, если она отвечает его интересам и неприемлема, если она им противоречит. <...> Мораль такова, что США как великая держава в равной степени вторгается в дела других государств, особенно малых, как тем, что она что-то делает, так и тем, что она чего-то не делает. <...> Таким образом, “Союз ради прогресса” представляет собой наиболее массивный и глубокий тип интервенции, который пытается переделать латиноамериканские общества» (JFKL, P. P. of A. M. Schlesinger, Jr. Box W-1, Alliance for Progress, General Correspondence, A letter from P. M. Holt to R. H. Nolte. 1961. 29 Dec. 1).

Особенностью программы «Союза ради прогресса» было то, что это была не только программа экономической помощи, но и программа, имеющая политические цели — содействие некоммунистическим правительствам, желательно демократическим. Однако в условиях холодной войны эти идеи оказались очень далеки от осуществления. Первоначальной идеей Кеннеди было содействовать демократии и использовать средства, выделяемые на цели развития, как рычаг для поддержки демократических режимов. Но этот принцип не заработал, диктаторских режимов меньше не становилось, и постепенно Кеннеди пересмотрел

применение этого принципа. Кроме того, поскольку политическое направление политики Кеннеди в Латинской Америке было очень тесно связано с поддержанием региональной безопасности на континенте, то и поддержка демократических режимов казалась нецелесообразной, особенно если они лояльно относились к коммунистам.

Наиболее ценным в наследии Кеннеди стали «позитивные» аспекты его внешнеполитической доктрины, применение «мягкой силы», культурные и пропагандистские аспекты дипломатии. Именно они дали неожиданные результаты в области культуры и образования. Произошла смена восприятия североамериканцев латиноамериканцами, и наоборот. Смена отношений произошла и на бытовом уровне, и на уровне государственных чиновников. «Восприятие бесценного Корпуса мира, создающего наилучший образ Америки, продовольствия ради мира, восприятие обеспеченной страны, дающей свое богатство голодающим мира, стали символами, созданными Кеннеди и получившими развитие после его смерти» [4, 64].

«Союз ради прогресса» не достиг заявленных целей, и со временем средства на программу стали все более и более урезаться. В конце 1963 г. говорили, что у «Союза» появилась плохая репутация.

В период администрации Л. Джонсона «антикоммунистическое» направление политики США в Латинской Америке стало превалировать еще больше. «Слово “реформа” уже не появлялось столь часто в публичных заявлениях, касающихся “Союза ради прогресса”» [6, 47]. Формально «Союз ради прогресса» продолжал существовать до начала 1970-х гг., однако принципы выделения средств уже были иными. «США посвятили самую большую часть своей региональной помощи в течение 1960-х гг. развитию авторитарной Бразилии. Эти ассигнования могли быть совместимы с размером и важностью Бразилии, но несовместимы с критерием предоставления займов “Союза”, зафиксированных в хартии» [3, 15].

В целом политика США в Латинской Америке в начале 1960-х гг. оказалась неуспешной с точки зрения заявленных результатов, но адекватной в условиях того времени. Перефразируя слова посла СССР в США Добрынина, принцип содействия развитию демократии в Латинской Америке был хорош, но в «в мире с тогдашней реальной политикой он был трудно осуществим» [1, 100], этот принцип мог применяться только выборочно. Латиноамериканская политика Кеннеди оказалась продуктивной в краткосрочном плане — в деле защиты интересов национальной безопасности США, однако неэффективной для продвижении демократии и экономического развития региона.

---

1. Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно: Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1996.

2. Alliance for Progress: Official Documents Emanating from the Inter-American Economic and Social Council at the Ministerial level held in Punta del Este, Uruguay from August 5 to 17, 1961. Wash., 1961.

3. *Levinson J., De Onis J.* Alliance That Lost Its Way. A Critical Report on the Alliance for Progress. Chicago, 1970.
4. *Maga T. P.* John F. Kennedy and New Frontier Diplomacy, 1961–1963. Malabar (FL): Krieger Publishing Company, 1994.
5. Public Papers of the President of the United States: John F. Kennedy. 1961. Wash., 1962.
6. *Sanford W. R.* The Decision Making Process in the Alliance for Progress : dis. University of Southern California, 1972.
7. *Schoultz L.* National Security and United States Policy toward Latin America. Princeton (NJ), 1987.
8. *Taffet J. F.* Foreign Aid as Foreign Policy: Alliance for Progress in Latin America. L., 2007.

Статья поступила в редакцию 15.12.2010 г.

УДК 930(470.5)“19” + 908(470.5)

Е. В. Лазарева

ГЕНЕЗИС ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ НА УРАЛЕ В НАЧАЛЕ XX В.

В статье, посвященной анализу накопления исторических знаний об Урале в начале XX в., рассмотрена центральная и региональная литература по данной теме. Большое влияние на зарождение уральской исторической науки оказало краеведение, кроме того, актуальным являлось исследование социальной истории, истории горнозаводских округов, отдельных заводов, уральской металлургии и путей ее развития.

Ключевые слова: историческая наука Урала, краеведение, горнозаводской Урал.

Период социально-экономических преобразований, последовавший за реформами 1860-х гг. и продолжавшийся до 1917 г., в истории Урала характеризовался глубокими изменениями во всех важнейших сферах общественной жизни. Развитие происходило по многим направлениям и закономерно отразилось на состоянии исторических знаний в регионе.

Большое влияние на зарождение уральской исторической науки оказало становление краеведения в XIX в. По указанию правительства начиная с 1820-х гг. в Екатеринбурге, Златоусте, Воткинске, Богословске, Кушве и других городах были открыты горные общества. Основной их задачей являлась подготовка материалов для «Горного журнала», издаваемого в Петербурге, однако эта деятельность продолжалась недолго [1, 253]. Поэтому 1870 г. явился датой рождения своеобразного культурного феномена — Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), значимость которого намного переросла рамки любительского краеведческого движения. УОЛЕ успешно работало более полувека,

---

ЛАЗАРЕВА Елена Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории науки и техники Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (e-mail: lavurfu@mail.ru).

создало интересный музей и богатую научно-краеведческую библиотеку. Сорок томов «Записок» Общества содержат панораму жизни региона конца XIX — начала XX в. Несмотря на то что исторические исследования не входили в программу деятельности УОЛЕ, Общество активно содействовало этим работам. Его членами были профессиональные историки Н. К. Чупин, А. А. Дмитриев, Г. К. Кузнецов, В. Я. Толмачев и др. Важным вкладом в сбор и систематизацию материалов по истории горнозаводского Урала стало проведение в конце XIX столетия в Екатеринбурге Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки.

Начало XX в. для Общества ознаменовалось возросшим интересом к прошлому региона и активным накоплением исторического материала. Определенная заслуга в этом принадлежала О. Е. Клеру, который в 1901–1906 гг. являлся заведующим археологическим отделом музея. В те годы значительно пополнилась Шигирская коллекция УОЛЕ за счет поступлений отдельных предметов от частных лиц. К 1910 г. все археологическое собрание УОЛЕ насчитывало 7,5 тыс. предметов. С 1911 г. в музее УОЛЕ начал работать выпускник Санкт-Петербургского археологического института В. Я. Толмачев. В течение нескольких лет он занимался систематизацией археологической коллекции, составлял новый каталог. В 1913–1915 гг. в музей поступило значительное количество находок из раскопок на озерах Багаряк, Большой Аллак, Иткуль, реках Багаряк, Синара и др. Что касается этнографического направления, его деятельность расширилась в 1901 г., когда заведующим этнографическим отделом стал врач Н. А. Русских, а в 1906 г. эту должность занял метеоролог А. А. Бейер. В своих отчетах хранители музея признавали, что системное пополнение экспонатов этнографическим отделом не производится, большинство поступлений идет от дарителей [8, 191]. Кроме того, большое внимание уделялось комплектованию библиотеки УОЛЕ, где к 1915 г. насчитывалось более 57 тыс. томов, и ежегодно выписывалось более 30 наименований газет и журналов.

В 1902 г. коллекция исторических предметов музея была выделена в исторический отдел, тогда же образовали и промышленный отдел — из 20 моделей машин, печей и прочей техники. Историческая экспозиция УОЛЕ в 1900-е гг. быстро обогащалась и в 1912 г. из нее был создан самостоятельный отдел по истории Екатеринбурга. В 1910 г., при заведующем объединенным историко-этнографическим отделом музея УОЛЕ историке Г. К. Кузнецове, Общество стало уделять внимание сбору письменных исторических источников. В 1911 г., когда Уральское горное правление начало продавать архивные документы XVIII в., руководство УОЛЕ обратилось с письмом к главному начальнику Уральских заводов. В нем говорилось: «Полагая, что часть этих бумаг может представлять интерес для изучающих историю Уральских заводов... не найдете ли Вы возможным... разрешить доступ к ним членов Общества с тем, чтобы документы могли быть переданы в библиотеку Общества» [8, 103]. Разрешение было получено, многие исторические документы были сохранены и переданы УОЛЕ. На собраниях Общества в начале XX в. был сделан ряд сообщений, касавшихся некоторых страниц истории края. Внимание истории Уральских заводов и приисков уделяли в своих работах и горные инженеры, делая доклады

по геологическим описаниям этих мест. Интересный материал представлен в статье И. М. Гендрихова и В. Я. Бурдакова, опубликованной в «Записках УОЛЕ», — «Описание платинопромышленного дела, с кратким историческим очерком платиновой промышленности в России» [5, 1015].

Первые десятилетия XX в. можно назвать расцветом деятельности УОЛЕ. В это время шло успешное развитие всех направлений работы Общества — в области изучения края, формирования фондов музея и библиотеки, издательского дела. Отметим, что к 1917 г. музей УОЛЕ располагал обширной этнографической и археологической коллекцией, осуществлял не только собирательскую, просветительскую, но и научно-исследовательскую работу, став крупнейшим культурным центром края. В начале XX в. Общество превратилось в крупнейшую по численности краеведческую организацию на Урале и в стране. Важным результатом деятельности УОЛЕ является то, что им была заложена основа научного осмысления истории края, происходило расширение публикаторской деятельности, шло накопление материальных и письменных источников, а также некоторого теоретического материала по истории региона.

Вместе с тем основным фактором возникновения научно-исторических знаний на Урале в начале XX в. стало появление здесь научных кадров и формирование собственной исследовательской проблематики. Крупный сдвиг в изучении региона связан с началом разработки актуальных для края вопросов столичными учеными, к деятельности которых вскоре подключились и местные специалисты.

Анализируя процесс становления исторических исследований Урала, связанный с появлением новой тематики, необходимо отметить деятельность профессора Московского университета В. И. Семевского. Его новаторские труды были посвящены отечественной социальной истории, общественному движению и основывались на обширном документальном материале, как правило, впервые извлеченном из архивов. Тема монографии «Рабочие на сибирских золотых промыслах» была предопределена экономическим развитием России в пореформенный период. Изучение положения рабочих проводилось на материале Березовских золотых приисков, расположенных в окрестностях Екатеринбурга, и имело огромное значение, поскольку история рабочего класса России до В. И. Семевского почти не рассматривалась. В работе был обобщен богатый материал, ученый одним из первых осветил такие проблемы, как социальный состав рабочих золотодобывающей отрасли, условия их труда и быта, формы протеста, способы угнетения со стороны владельцев золотых промыслов, рабочее законодательство и некоторые другие. Автор сделал вывод о необходимости срочных правительственных мер для улучшения положения на приисках, которые бы предотвратили нарастание недовольства и выступления рабочих в дальнейшем [16, 719]. Подчеркнем, что именно введение в историческую науку обширного круга документальных источников позволило ученому исследовать целый ряд новых проблем и сделать важные в научном отношении наблюдения [9, 326]. Благодаря этому сформировались такие направления, как история крестьянства, рабочих, освободительного движения, общественной мысли и др., на основе привлечения обширного фактического материала.

Отмечая успехи исторических исследований горнозаводского Урала в начале XX в., необходимо заметить, что их главным направлением стало накопление исторических фактов, введение в научный оборот ранее неизвестных источников, а также интерпретация на их основе истории уральского края. Как уже отмечалось, в пореформенное время произошло обогащение источниковой базы исследований: наряду с законодательными памятниками, начали широко использоваться материалы официальной и земской статистики, архивные документы, периодика. В рассматриваемый период издавалось большое количество научных и общественно-политических журналов и сборников, в которых публиковались работы по истории уральской горнозаводской промышленности и рабочего класса. Среди них выделяются: «Горный журнал», «Уральское горное обозрение», «Пермский край», «Екатеринбургская неделя», «Русское богатство», сборники земств и др.

На рубеже XIX–XX вв. социально-экономическая тематика историографии уральского края выдвигалась самой действительностью. Существенно возрос интерес к состоянию уральской горнозаводской промышленности. Центральное место занимали такие проблемы, как возникновение и развитие горного законодательства, организация управления горнозаводской промышленностью Урала, деятельность горнозаводских администраторов, история отдельных заводов и горнозаводских округов. Актуальным являлось исследование национальной основы уральской металлургии и путей ее развития. Во многих работах содержалась критика остатков дореформенных порядков на Урале, предлагались меры и разрабатывались модели эффективного развития региона [2, 11, 12, 13].

Представляется закономерным то, что оценка исторических событий авторами обычно напрямую зависела от их идейно-политических взглядов. Пожалуй, наибольшее число исследователей этого периода являлись сторонниками демократического и либерально-демократического направлений. К ним можно отнести общественно-политических деятелей и публицистов, депутатов Государственной думы профессоров А. Н. Митинского, И. Х. Озерова и др.; видных ученых М. И. Боголепова, В. Г. Бутми, К. Головина, В. С. Зива, И. И. Левина, Д. И. Менделеева и др.; стоявших одно время на позициях легального марксизма экономистов М. И. Туган-Барановского, С. П. Формаковского и др., а также уральских исследователей — В. Д. Белова, Л. Е. Воеводина, И. С. Стрижова и др. Демократические, но зачастую не лишённые противоречивости взгляды выражали в своих работах уральский писатель Д. Н. Мамин-Сибиряк, публицисты и краеведы В. А. Весновский, Вас. И. Немирович-Данченко и др. Ярким представителем революционной социал-демократии являлся М. П. Орловский, смотревший на социально-экономические процессы через призму классовой борьбы.

Ведущее место в литературе конца XIX — начала XX в. об Урале занимала проблема реформирования промышленности региона. Представители различных направлений предлагали свое решение данного вопроса и связанной с ним истории рабочего класса, что вызвало острую дискуссию о «судьбах» горнозаводского производства, которая велась вплоть до 1917 г. Демократически настроенные деятели подчеркивали половинчатость и незаконченность реформы 1861 г., обусловившие сохранение остатков крепостничества, которые, в свою

очередь, тормозили развитие промышленности. Относясь сочувственно к положению пролетариата, они отмечали обострение социальных противоречий на Урале в пореформенный период и считали правомерными выступления рабочих в защиту своих прав. Д. И. Менделеев, И. С. Стрижов, С. П. Фармаковский, М. И. Туган-Барановский и другие описывали бедственное положение горнозаводского населения и предлагали провести ряд реформ. Заметим, что большинство исследователей делало вывод, что в основе конфликтов на уральских заводах лежал нерешенный земельный вопрос.

В связи с особой актуальностью в первые годы XX столетия региональной экономической проблематики авторы многих публикаций обращались именно к этим проблемам. Не случайно крупному специалисту в области горнозаводского производства России А. П. Митинскому было поручено изучить состояние горнозаводской промышленности Урала и выяснить перспективы ее развития. Свою точку зрения он изложил в работе «Горнозаводской Урал». В исследовании производственной базы края участвовал и другой видный представитель финансовой и экономической науки — И. Х. Озеров, который в 1909 г. вместе с А. Н. Митинским провел обследование предприятий и затем опубликовал работу «Горные заводы Урала» (1910). В ней он высказал свое видение истории горного дела на Урале. В этот же период наш край посетили Д. И. Менделеев, С. П. Фармаковский и др. Несмотря на заметные различия в понимании истории и современности уральского края, результатом изучения состояния дел стали многочисленные предложения по решению острых социально-экономических вопросов и по созданию условий для промышленного подъема.

Отметим, что в дореволюционных исследованиях, посвященных состоянию экономики, одно из центральных мест заняла проблема кризиса горнозаводского производства. В ответ на возникший в обществе резонанс по поводу переживаемых страной экономических кризисов столичными и региональными исследователями был предпринят анализ специфических местных условий, причин негативных явлений в промышленности и мер по их преодолению.

Важным фактором кризисных явлений либеральные исследователи называли общеэкономические закономерности развития. Так, М. И. Туган-Барановский выдвигал тезис о том, что в отечественной промышленности проявляется периодичность, свойственная капиталистическому производству всего мира. Он писал, что чередование эпох оживления и застоя в российском хозяйстве — такое же типичное явление, как и во всех капиталистических странах [17, 258]. Причину данных колебаний он видел в том, что «промышленный подъем в России конца 1890-х гг. совпал с мировым капиталистическим подъемом. Главная причина последовавшего за ним кризиса в России коренилась в характерном для периодических кризисов недостатке капиталов для поддержания волны роста производства» [18, 37]. По мнению экономиста, с конца 1898 г. в России «биржевое оживление ослабевало, а оживление промышленности резко росло, что вполне закономерно вызвало недостаток средств и тем обусловило наступление очередной фазы развития — промышленного кризиса» [17, 169]. Кроме того, М. И. Туган-Барановский считал, что промышленный подъем создает огромный спрос на капитал, превышающий предложение, что приводит к исчерпанию

свободного ссудного капитала. Недостаток этого капитала ведет к сокращению производства и кризису. Автор утверждал, что именно благодаря приливу свежего капитала в 1909 г. в России произошло оживление горнодобывающего и железоделательного производства [18, 49].

Во многих публикациях, посвященных данному вопросу, в числе причин были названы и ошибки государственной экономической политики. В частности, С. П. Формаковский писал, что «общепромышленный кризис, начавшийся в 1903 г., отразился на металлургическом деле особенно сильно, так как в это время обнаружилась вся нерациональность министерской политики, раздувавшей металлургическое дело без учета возможностей роста отечественного потребления. Обнаружившееся огромное перепроизводство продуктов железной промышленности вызвало столь резкое падение цен, что многие заводы должны были прекратить существование» [19, 15].

Заслугой досоветских исследователей стало и то, что после социально-политических потрясений начала XX в. в экономических работах появился тезис о негативном воздействии подобных событий на промышленное развитие страны. Подчеркивалось, что политическая ситуация в России «помешала ей принять участие в новом экономическом подъеме 1905–1907 гг. Но затем оживление отечественной промышленности совпало с промышленным подъемом на Западе» [19, 52]. Подобная точка зрения прослеживается во многих работах. И. П. Гливиц прямо указывал, что Русско-японская война и внутренняя смута удручающе подействовали на промышленную жизнь России; из-за этого страны не коснулся мировой подъем 1904–1907 гг. [6, 131].

Представляется закономерным, что идея цикличности экономического развития нашла отражение и в уральской публицистике. Так, Д. Н. Мамин-Сибиряк в статье, посвященной проблемам уральской горной промышленности, высказывал мнение о том, что одной из важных причин «железного» кризиса явилось «само время сложных и грандиозных комбинаций взаимодействующих сил. Органически связаны между собой оказались не только явления внутренней жизни одного государства, но жизнь всех государств подчиняется давлению известных экономических законов». Вместе с тем Д. Н. Мамин-Сибиряк писал о непонимании российскими предпринимателями этих законов. По убеждению писателя, основной причиной кризисного состояния производства было «неправильное, неумелое ведение дел уральскими заводчиками» [10, 235].

Важным аспектом в данной проблематике стали работы о специфике уральских условий, повлиявших на силу и характер кризисных явлений в регионе. Попытку разобраться в этом вопросе предприняли и столичные ученые и общественные деятели. Профессор А. Н. Митинский считал, что развитию производства на Урале мешает «отсутствие путей сообщения, устарелость законодательства, незаконченность земельного переустройства» [12, 132]. Его единомышленник И. Х. Озеров полагал, что «во-первых: дурное управление уральскими заводами — одна из причин упадка Урала, во-вторых: Урал рос в атмосфере монопольности, люди воспитывались в этой душной атмосфере, это создавало навыки барства, неумение и нежелание работать» [13, 29]. И. П. Гливиц

утверждал, что основной причиной кризиса является отсталое техническое состояние производственной базы и использование древесного, а не минерального, как на Юге, топлива [6, 40].

Что касается взглядов уральских авторов, то Д. Н. Мамин-Сибиряк одну из главных причин кризиса уральского железного дела видел в упорном нежелании заводчиков перейти с древесного топлива на минеральное. Указывал он и на неподобающее отношение к делу хозяев предприятий, «которые вместо того, чтобы развивать производство, хотят заставить переплачивать свое же население». Этот несправедливый налог, как думал автор, «пойдет не на развитие русского горного дела, а просто разойдется по карманам заводчиков и управляющих» [10, 235]. Подобная трактовка происходящего была распространена в литературе, однако против нее с достаточно консервативных позиций выступил Л. Е. Воеводин. Он не признавал факторами отставания промышленного развития края посессионное право и заводское натуральное хозяйство, отрицал техническую отсталость уральских заводов. Он отмечал, что присоединяется к мнению о невнимательности владельцев к ведению заводского хозяйства, которое перепоручено горным инженерам. Л. Е. Воеводин также обращал внимание на тяжесть земских сборов, лежащую на заводах [4, 129]. Представитель социал-демократической идеологии М. П. Орловский, анализируя факт замедленного развития уральской промышленности, подчеркивал наличие постоянной опеки со стороны правительства. Он видел вред и в работе предприятий на древесном угле, и в отсутствии конкуренции производств из-за высоких таможенных пошлин. По мнению М. П. Орловского, монопольный характер производства и пережитки крепостничества, которые проявлялись в принудительном характере горнозаводского труда, стали серьезным тормозом развития уральской промышленности [14, 76]. В. Д. Белов видел перспективу развития металлургического дела в его доступности как крупному, так и мелкому местному капиталу [2, 171]. Подчеркнем, что для большинства региональных публицистов типичным являлось мнение, что забота об оздоровлении уральской промышленности должна начаться с отказа от натурального хозяйства, т. е. с уничтожения заводских округов [Там же, 26].

Обращаясь к проблеме поиска путей вывода уральской экономики из кризиса, исследователи внесли целый комплекс предложений по развитию производства. Так, Д. И. Менделеев предлагал следующие меры: проводить политику протекционизма, активизировать строительство железных дорог, развивать предпринимательство, убыточные заводы передать в частные руки, открывать заводы явочным порядком [11, 136]. Данная идея получила развитие в работе В. С. Зива, который считал необходимым реформировать структуру производства. Зив доказывал, что «финансовая часть управления должна быть строго отделена от промышленной и технической. Непосредственные руководители предприятий не могут находиться в роли банковских служащих и быть в зависимости от капризов банков» [7, 46].

Отметим, что в ходе обсуждения темы кризиса уральской промышленности авторами часто поднималась и проблема роли иностранного капитала, но однозначного ответа не было найдено. Объясняется это, по-видимому, тем, что

положение на разных предприятиях было различным. Как следует из документов, в одном из крупнейших на Урале Белорецком округе, где заметное участие принимал германский капитал, с началом кризиса положение резко ухудшилось и 1901 г. был закончен с убытком в 237,5 тыс. руб. Однако постепенно положение выправлялось, и 1904 г. не дал ни убытка, ни прибыли [3, 1460]. Иной была ситуация в контролируемом французским капиталом Камском акционерном обществе, наиболее благополучно перенесшем кризис и депрессию, поскольку заводы продолжали увеличивать выплавку чугуна и стали [15, 287, 317]. Правомерно предположить, что деятельность западных инвесторов в условиях кризиса определялась, прежде всего, собственной выгодой и способностью вести дела в неблагоприятной экономической обстановке.

Подводя итог начального периода формирования исторических знаний об Урале, необходимо отметить особую значимость данного этапа. В конце XIX — начале XX в. были собраны факты, отражающие различные тематические аспекты истории края, и положено начало формированию источниковой базы. Досюветские исследователи встали перед необходимостью осмысления социально-экономической проблематики и обозначили основные подходы к ее изучению. При этом различие методик исследований горнозаводского Урала, неравноценность привлекаемых источников не исключали общей для трудов описательности и констатации фактов без учета всей их совокупности. Оценки авторами событий были обусловлены их социально-политическими взглядами, историческими построениями, методикой обработки источников и их интерпретацией.

Характерной особенностью развития исторических знаний об Урале в начале XX в. было отсутствие здесь крупных научных исторических центров. Поэтому основная масса произведений по истории уральского края была написана не профессиональными историками, а местными чиновниками, специалистами в области горного дела, земскими деятелями, журналистами, краеведами. Это предопределило сравнительно невысокий научный уровень работ, описательность материала, отсутствие глубоких теоретических выводов, сосредоточение внимания главным образом на отдельных узколокальных вопросах истории региона. Наиболее же ценные исследования по истории горнозаводского Урала были созданы видными историками и экономистами России, работавшими в Петербурге и Москве.

-
1. *Анучин Д. Н.* О людях русской науки и культуры. М., 1962.
  2. *Белов В. Д.* Кризис уральских горных заводов. СПб., 1910.
  3. Вестник финансов, промышленности и торговли. Приложение. 1902.
  4. *Воеводин Л. Е.* Урал и его горнозаводская промышленность в пределах Пермской губернии. Пермь, 1910.
  5. ГАСО. Ф. 101, оп. 1, д. 145, л. 1015.
  6. *Гливиц И. П.* Железная промышленность России. СПб., 1911.
  7. *Зив В. С.* Иностранцы капиталы в русской горнозаводской промышленности. Пг., 1917.
  8. *Зорина Л. И.* Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Екатеринбург, 1996.

9. Историография истории СССР / под ред. В. Е. Иллерицкого. М., 1961.
10. Мамин-Сибиряк Д. Н. Кризис уральской горной промышленности // Собр. соч. Свердловск, 1951. Т. 12.
11. Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность в 1899 г. СПб., 1900. Ч. 3.
12. Митинский А. Н. Горнозаводской Урал. СПб., 1909.
13. Озеров И. X. Горные заводы Урала. М., 1910.
14. Орловский М. П. За двести лет: Очерки горнозаводского Урала. Екатеринбург, 1907. Ч. 1.
15. Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1910 г.
16. Семевский В. И. Рабочие на Сибирских золотых промыслах : историческое исследование. СПб., 1888. Т. 1.
17. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1922.
18. Туган-Барановский М. Состояние нашей промышленности за последнее десятилетие и виды на будущее // Современный мир. 1910. № 2, ч. 2.
19. Формяковский С. П. Горнозаводские дела Урала : докл., читанный в Императ. Рус. техн. о-ве 9 марта 1909 г. СПб., 1909.

Статья поступила в редакцию 15.12.2010 г.

УДК 316.325 + 321.7 + 323.14 + 323.2

В. И. Михайленко

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА

Рассматриваются современные научные интерпретации тоталитарного феномена. Автор расширяет диапазон тоталитарных режимов до «тоталитарной демократии». Сила тоталитарного режима, по утверждению автора, состоит в его опоре на массы, в использовании коллективистских архетипов массового сознания и нового политического стиля вовлечения масс в политику, в достижении консенсуса между режимом и массами. Автор расширяет диапазон тоталитарных режимов до «тоталитарной демократии». Сопоставляя «идеальные типы» либеральной и тоталитарной демократии, автор полагает, что жизнестойкость первой из них придает спонтанный, эвристический поиск компромисса между свободой и необходимостью. Анализируются современные дискуссии о природе тоталитарных обществ и режимов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тоталитаризм, массовое общество, фашизм, национал-социализм, представительная демократия, «прямая» демократия.

Когда мы говорим о тоталитаризме, то имеем в виду три разных понятия: *реальный исторический факт* в виде тоталитарных государств, типологизированную *концепцию* тоталитарного государства, разработанную классическим политическим мышлением, и *теорию* тоталитаризма в виде умозрительной

МИХАЙЛЕНКО Валерий Иванович — доктор исторических наук, профессор, завкафедрой теории и истории международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: Valeri.mikhailenko@usu.ru).

© Михайленко В. И., 2011

модели, созданной на сравнительном анализе различных тоталитарных режимов, т. е. нечто вроде «истории идей» [17, IX].

Я исхожу из того, что любое историческое обобщение возникает в результате избирательной работы интеллекта, который обобщает некоторые типологические черты, присущие феномену, находящемуся под пристальным вниманием исследователя. Отсюда следует, что под влиянием фактора исторического времени (можно сказать словами Ю. Бохеньского — духовной ситуации времени), изменения методологического инструментария измерения явления с течением времени представления о нем могут изменяться.

В связи с вышесказанным мне представляется логичным сформулировать следующие вопросы:

- Является ли по-прежнему актуальным выделение и обоснование такого исторического феномена, как *тоталитаризм*?
- Возможна ли вообще *всеобщая теория тоталитаризма*? Если да, то какие в ней произошли типологические изменения типологических признаков?
- Изменилась ли с течением времени политическая оценка *исторических* форм тоталитаризма?
- Как научное знание оценивает современные формы тоталитаризма?

Отвечая на первый вопрос, можно утверждать, что с течением времени типологизация такого явления, как тоталитаризм, не утратила своего значения.

Однако многие исследователи, которые в XXI в. обращаются к теме тоталитаризма, в меньшей мере, чем это было в прошлом веке, уверены в возможности *точного* научного измерения этого феномена, к которому возможно применение определения *блуждающего* феномена.

Еще сложнее сегодня применять типологию, разработанную классической наукой на примере классических политических систем и режимов. Что имеется в виду? Сегодня практически ни в одной стране не существует четкого политического и идеологического деления на левых и правых, оформленного в устойчивые массовые политические партии, социальная дифференциация и поведение масс связаны ныне не столько с их положением на социальной лестнице, сколько с тем, как они сами себя субъективно оценивают. Мы вполне обоснованно можем говорить о постмодернистском социальном, идеологическом, политическом *миксте*.

Это означает, что сегодня тоталитаризм и тоталитарные характеристики практически невозможно соединить в одном объекте.

По аналогии в оценке современного тоталитаризма возможны те характеристики, которые использовал Р. Дарендорф применительно к представительной демократии. Как отмечает Р. Дарендорф, наличия формальных демократических институтов, обобщенных понятием «правовое государство», уже недостаточно для констатации демократического состояния или процесса. Индикаторами демократии могут стать, казалось бы, второстепенные признаки, например, готовность властной политической элиты на демократическую смену власти [7, 8].

Тот же Дарендорф, оценивая стремительное наступление глобализации на институты государства, высказывает суждения относительно вступления

человечества в новый переходный «последемократический период», который, как он надеется, завершится конструкцией «новой демократии» [8, 7–8].

В декабре 1996 г. мне довелось принять участие в международной конференции в Милане «Современность и кризис идеологий в европейском контексте», посвященной 100-летию со дня рождения философа и идеолога итальянского корпоративизма Уго Спирито. В конференции участвовали Франсуа Фюре, Эрнст Нольте, Эмануэле Северино и другие известные исследователи политических идей и идеологий.

В ходе конференции возник спор между мной и Фюре о судьбе коммунистической идеи в России. Напомню, что самая известная книга этого историка «Прошлое одной иллюзии» вышла в 1995 г. и быстро стала бестселлером. Она переведена на многие языки, в том числе на русский [6]. И Франсуа Фюре, и автор этих строк в равной мере испытали искушение коммунистической иллюзией: оба были членами коммунистических партий. Франсуа Фюре состоял в ФКП, затем разочаровался в коммунистических идеалах и стал последовательным критиком тоталитарных идеологий и политики. Суть спора с Фюре кратко можно свести к оценке перспектив коммунистических идеологий в XXI в. Французский историк говорит об «абсолютном поражении» коммунистической идеологии. «Как бы там ни было, присутствие или возвращение к власти старых членов коммунистической партии ничего не меняет в том факте, что коммунизм скончался вместе с режимом, который высоко держал его знамя...», — утверждал Ф. Фюрэ [10, 59]. Возражая ему, автор этих строк указывал на то, что распад советского блока и внутренний крах СССР не решили проблему привлекательности коллективистских и солидаристских идей, одной из разновидностей которых является коммунистическая идея. На постсоветском пространстве, где светская демократическая реформация никак не затронула сознание миллионов людей, всегда будет существовать питательная база для коммунистических, солидаристских идей [12, 233–271].

Я могу совершенно определенно сказать, что в научном дискурсе о тоталитаризме исследователи перестали выводить на первый план понятия *террор*, *насилие* в определении тоталитаризма.

Приведу слова Дж. Моссе, американского ученого, еврея, вынужденного эмигрировать из Германии после прихода Гитлера к власти: «...массовый террор, который обычно рассматривается как неотъемлемая часть тоталитаризма, в самом начале не использовался фашистскими режимами. Чтобы быть точнее, отметим иные формы подавления индивидуальности, которые не следует относить к массовому террору. В первые годы фашизма у власти от большей части населения требовались лишь разнообразные формы конформистского поведения» [15, 8].

Мне хотелось бы напомнить высказывание еще одного корифея мысли — философа М. Мамардашвили: «...никакого сталинизма не существовало... На самом деле Сталин — это продукт миллионов “самовластий”, вернее, их сфокусированное отражение. Об этом, кстати, он и сам говорил, признаваясь, что партия создала его по своему образу и подобию... Адекватным их сознанию оказался Сталин. Поэтому он и стал тем, кем стал» [4, 170].

Отсюда переходим к самому важному типологическому признаку тоталитаризма — *массовизму*. Если попытаться выстраивать иерархию признаков тоталитаризма, то первым и наиболее важным среди них я бы поставил *массовизм*.

Это понятие созвучно с «восстанием масс», о которых в 30-х гг. говорил Х. Ортега-и-Гассет, и с «национализацией масс», о которой писал Дж. Моссе.

Тоталитаризмы 20–30-х гг. рождены модерностью, массовым обществом, урбанизацией и окопным опытом Первой мировой войны.

Таким образом, тоталитаризм прежде всего является феноменом масс, связанным с поведенческими стереотипами масс. Все тоталитарные попытки в XX в. изменить естественный ход истории были вызваны самим историческим процессом, имели глубокие корни в массовом сознании и массовую поддержку.

Начиная с Французской революции, когда массы впервые проявили себя как протагонисты истории, последующие два века прошли под знаком массовых движений. Дж. Моссе охарактеризовал этот процесс как «национализацию, масс» [13].

Нам представляется более точным определение российского историка Б. Р. Лопухова, который писал об этом феномене как о «массовизме» еще в советский период, поскольку выход масс на политическую сцену далеко не всегда сопровождался «национализацией».

В России обучение масс политике произошло так, как писал об этом Ф. Фюрэ, т. е. в ходе Первой мировой войны. И именно в «патологической форме демократизации». «Народные массы вступили в политику через войну и вышли из этого ужасного испытания, заплатив за него таким огромным количеством жертв, которое было запрошено войной...» [9, 16]. Здесь важно подчеркнуть, что по ряду причин *массовизм* в России приобрел социальную, а не национальную направленность.

Тоталитаризм всегда связан с «мобилизацией масс», он является антитезой правовому государству. Все тоталитарные режимы противопоставляли *прямую* демократию *представительной* демократии, в центре которой находились идеи «народного суверенитета», «прямого управления народа», «всеобщей воли» (в духе Ж. Ж. Руссо). Лидер — вождь, дуче, фюрер, каудильо и др. — выражал «всеобщую волю народа». Однако свободное выражение воли было несовместимо с тоталитарной практикой.

Народные ритуалы, культы, имевшие давние исторические традиции, чаще всего христианские и/или языческие, были одним из средств вовлечения масс в политическую жизнь и выполняли не менее важную роль, чем насилие [14, 7–8]. Дж. Моссе обращает внимание на важную посредническую функцию *нового политического стиля* в массовом обществе [15]. В соответствии с новым политическим стилем «диктатор и народ более не противопоставлялись друг другу». «Напротив, новый политический стиль выполнял посредническую миссию между ними, подменяя ту роль, которую парламент выполняет в либеральном государстве. Через ритуалы и праздники, мифы и символы народ привлекался к активному участию. Для миллионов людей это была истинная демократия...» [15, 7]. Используя новый политический стиль как выражение демократии, итальянский фашизм и германский национал-социализм были

в состоянии поддерживать консенсус и тем самым скрывать их провалы в социальной и экономической областях.

Во всех тоталитарных режимах первостепенную роль играла проблема воспитания «нового человека» и создание гомогенного массового общества, в котором индивидуальное «я» подчинялось коллективу. В основе декларируемой морали чаще всего находились идеи жертвенности, национальной мистики. Молодежь воспитывалась в духе известного в Италии и Германии лозунга «*Credere, Obbedire, Combattere*» («Верить, повиноваться, сражаться»). Через действия в духе этого лозунга должна была реализовываться личность [14, 68].

Фактором внутренней мобилизации масс, как правило, служит внешний или внутренний враг — на базе расизма или социальной ненависти. Проще всего ее организовать на основе экзальтирования примитивных животных инстинктов.

По поводу насилия в тоталитарных режимах Дж. Моссе писал, что террор не должен рассматриваться в качестве статичного явления, он всегда имеет меняющуюся интенсивность [Там же, 9]. Напомню, что вышедшей в 90-х гг. «Черной книге преступлений коммунизма» тут же была противопоставлена книга о преступлениях либерализма.

Что касается исторической традиции, то тоталитаризм являлся новым феноменом только с точки зрения правящей формы. Например, Р. Де Феличе выводит итальянский фашизм из французского и итальянского якобинства. А Дж. Моссе напрямую связывает тоталитарные концепции с экзальтированным представлением Руссо о народе и его «всеобщей воли».

Вспоминаю острейшую дискуссию в Италии в конце 70-х гг. в связи с выходом очередного тома Р. Де Феличе, обращенного к биографии Муссолини. Он назывался «Годы консенсуса». Вся левая историография обрушилась на Феличе с гневными обвинениями в ревизионизме. Сегодня мало кто подвергает сомнению тезис о «консенсусе», который становится одним из типичных признаков тоталитаризма. В связи с темой принуждения, например, Дж. Моссе пишет, что итальянский фашизм и германский национал-социализм для достижения «консенсуса» обошлись без инструмента гражданской войны.

Тоталитарные режимы XX в. в полной мере использовали научно-технические достижения в области массмедиа, прикладной культуры для воздействия на массы. Институты массовой культуры особенно интенсивно развивались в тоталитарных государствах. И в этом отношении они были современными.

Тоталитарные режимы и задачи модернизации. Во всех тоталитарных государствах произошла смена властных политических элит, что в большинстве случаев было востребовано управленческими вызовами и задачами экономической революции. Правда, в разных тоталитарных странах по-разному выстраивались отношения между новой и предшествующей властной элитой.

Например, в фашистской Италии не без оснований утверждалось, что на смену сословной иерархии пришла иерархия функций. Безусловно, итальянский фашизм обновил политическую элиту на всех уровнях власти, внес новые правила карьерного роста, динамизировал смену элит. В нацистской Германии была принята система карьерного лифта [1]. Муссолини в 39 лет стал главой

правительства, Гитлер в 44 года — канцлером, Сталин примерно в том же возрасте стал Генсеком. Примерно такая же «молодежная революция» наблюдается в других тоталитарных странах.

Как правило, эти изменения носили *революционный* характер, поскольку в силу национальной специфики, чаще всего экономической и социальной отсталости, *эволюционный* потенциал изменений в этих странах был слабым.

Таким образом, отрицать модернизационный потенциал тоталитарных режимов было бы неразумно. Другой вопрос, насколько он являлся эффективным с точки зрения краткосрочной и долгосрочной перспективы? Этот вопрос является важным для России, в которой тоталитарный режим был наиболее длительным и пережил много различных содержательных этапов. В послевоенной Италии (то, что называется *secondo dopoguerra*), на мой взгляд, модернизационный задел муссолиниевской эпохи стал одним из факторов итальянского экономического чуда.

Современная наука о тоталитаризме. Известно немало попыток определения тоталитаризма. По нашему мнению, понятие «тоталитаризм» как концепция тоталитарного государства связано с оценкой институциональных форм организации отношений между индивидуальным «я» и коллективным «мы». Между крайними точками существует множество мутаций и переходных форм.

Как исследователь, вслед за Я. Талмоном не признаю антиномию «тоталитарная демократия — представительная демократия» и утверждаю, что может быть научно обоснована тоталитарная демократия как форма прямой демократии [16]. К примеру, сама форма проведения президентских выборов в США является примером сочетания прямой и представительной демократии.

Традиционалисты, чье влияние в российской интеллектуальной и политической среде является намного большим, чем на Западе (сошлюсь только на А. Дугина), противопоставляют либеральным моделям демократии свой первофундамент — «органическую демократию», основанную на принципе «братства».

«Смысл “органической демократии” в том, что она в качестве основы социального устройства общества берет *народ* как особую единую качественную и органическую общность, укорененную в истории, имеющую свою собственную духовную, культурную, национальную и политическую традицию, которая ложится в основание политического самопроявления народа, служит критерием принятия судьбоносных решений и принципом коллективного волеизъявления. Органическая демократия рассматривает народ не как безжалостный механизм, но как *живой организм*, не могущий быть расчлененным на атомарные единицы (детали) без того, чтобы не наступила смерть» [2, 289].

Но для реализации этого типа демократии необходимо создание «однородного, гомогенного общества». Нарушение однородности немедленно вносит раскол в народную волю, создает помехи для ее проявления. По мнению А. Дугина, между демократией, понятой органически (в случае однородного, мононационального общества), монархией и империей не существует никакого противоречия. Конечно, если во всех этих формах соблюдается самое главное условие — «соучастие» народа или народов в своей политической судьбе. Антиномию «органическому народу» составляет «разнородная *масса*».

Процесс раскалывания единого и органического народа, продолжает А. Дугин, вызван политическими действиями либералов. В противном случае сохранение и развитие «органического общества» может продолжаться бесконечно долго. Механизм поддержания или создания органического общества достаточно прост и действует, по словам Дугина, через «вытеснение» на периферию тех, кто имел к органическому единству народа случайное или далекое отношение.

«Если либеральная демократия настаивает на “правах человека”, то органическая демократия должна настаивать на “правах гражданина”, и именно эти права должны быть положены в основу юридического законодательства, регулирующего жизнь в обществе органической демократии». При этом понятие «гражданин» трактуется традиционалистами как «член “братства” сознательных и ответственных за историческую судьбу данного конкретного общества людей, которые с необходимостью должны быть укоренены в истории этого общества, связаны с ним прочными религиозными, этническими, кровными или культурными узами. Поэтому в демократиях неорганического типа ему просто нет места» [2, 294–295].

Измерением культурного, политического, идеологического, религиозного «органической демократии» является «коллективное бессознательное», выступающее как некая «общественная душа народа, в которой отпечатывается сакральная, историческая память и которая хранит в себе с древности психические архетипы Традиции в виде загадочных символов, смутных образов и характерных грез» [Там же, 301]. Наконец, по мнению Дугина, если для реализации «органической демократии» на Востоке существуют все предпосылки, то на Западе, склонном к либеральной, индивидуалистической модели демократии, их еще необходимо создать [Там же].

Оба направления демократической мысли — тоталитарное и либеральное — утверждают высшую ценность свободы. Либеральные мыслители видят сущность свободы в спонтанности и отсутствии принуждения. Конечные цели либеральной демократии не носят конкретного характера. Либералисты полагают, что в отсутствие принуждения люди и общество через пробы и ошибки в конечном итоге могут достичь социальной гармонии. Использование силы для достижения цели считается злом. В то время как тоталитаристы уверены, что свобода может быть реализована лишь в процессе стремления к абсолютной коллективной цели и в ее достижении прямыми действиями.

Проблема, с которой сталкивается тоталитарная демократия, может быть названа парадоксом свободы. Совместима ли свобода человека с исключительностью его существования как социального феномена, даже если эта исключительность нацелена на достижение максимума социальной справедливости и безопасности? Тоталитарная демократия отвечает положительно на этот вопрос. Провозглашаемая цель рассматривается как имманентная для разума и воли человека, являющаяся гарантией его свободы. Именно по этой причине крайние формы народного суверенитета стали наиболее важным сопутствующим элементом этой абсолютной идеи. Все конкретные проблемы и парадоксы тоталитарной демократии объясняются трудностью примирения свободы с идеей абсолютной цели. Эту трудность можно преодолеть лишь при условии, если

мы будем мыслить исходя не из того, каков есть человек, а из того, каким он должен и может быть при создании соответствующих условий. При таких условиях должен исчезнуть конфликт между спонтанностью и долгом, а вместе с ним и необходимость в принуждении. На практике, подчеркивает Дж. Талмон, проблема состоит в том, исчезнет ли принуждение в силу того, что все научатся жить и действовать в гармонии, или же в силу того, что все инакомыслящие будут ликвидированы [5].

Как исследователю прежде всего итальянского фашизма, мне хотелось бы больше говорить о современном состоянии дел в изучении итальянского исторического феномена.

Спустя почти девять столетий с момента официального появления фашизма он продолжает оставаться явлением загадочным и ускользающим от рационального научного определения, несмотря на сотни научных исследований, дебаты как в самой Италии, так и за ее пределами.

То же самое можно сказать о научных интерпретациях фашистского феномена. Разброс суждений является настолько широким, что иногда кажется невозможным достичь точек соприкосновения.

И сегодня исследователи продолжают дискутировать следующие вопросы. Было ли фашистское движение автономным или являлось инструментом иных политических и экономических сил? Имел ли фашизм собственную идеологию и культуру, или выполнял роль наемников, осуществлявших насилие, или был «режимом слов»? Был ли он феноменом модерна или антимодерна, революционным или реакционным? Авторитарным или тоталитарным?

Не существует также согласия в вопросе о месте фашизма во времени и в пространстве. До сих пор обсуждается вопрос о том, где и когда появился фашизм, является ли он исключительно итальянским феноменом или универсальным, вобравшим в себя черты мирового феномена? Можно ли говорить о «фашизмах» как разновидностях явления, имеющего ту же самую матрицу? Были ли определенные временные границы у «фашистской эпохи» или это явление, не имеющее временных ограничений и поэтому представляющее собой постоянную и реальную опасность человеческому существованию?

Некоторые исследователи вообще ставят под сомнение сам факт существования универсального фашистского феномена, указывая на его отдельные элементы, такие как, например, «антипролетарская реакция буржуазии», «моральная болезнь европейского сознания», «патологический упадок массового общества», «выброс накапливавшихся веками дефектов народа, еще не освоившего ценности либеральной демократии» [11, 4]. Исходя из этого фашизм рассматривается ими как «тотальное отрицание истории», как «лишенный исторической индивидуальности». Некоторые исследователи предлагают исключить из научного обращения само понятие «фашизм», как не соответствующее исторической реальности, и заменить его более широким понятием «тоталитаризм».

Сведение фашизма к тоталитаризму имеет определенное научное объяснение. Как известно, понятие «тоталитаризм» возникло в связи с фашизмом и было впервые использовано применительно к фашизму буквально на следующий день после «похода на Рим». Понятие было использовано антифашистами, чтобы

таким образом дать определение фашистской политике как агрессивной, террористической и тотальной, направленной на утверждение абсолютного фашистского господства. Позже это определение было использовано в оценке фашистского режима. Некоторые исследователи, изучавшие тоталитарные модели на примерах нацизма и сталинизма, пришли к выводу, что фашистский тоталитаризм не существовал в природе. Имеются также исследователи, утверждающие, что вообще не существует никакого тоталитаризма. Если следовать этой логике, то, возможно, в будущем мы услышим от какого-нибудь исследователя ревизионистского или постмодернистского направления, что не существовало никакого фашизма.

Применительно к итальянскому фашизму в последние годы набирает силу концепция «ретроактивной дефашистизации», т. е. фашизм лишается его исторической индивидуальности. «Дефашистизация» фашизма проявляется в различных формах: отрицаются сами факты существования фашистской идеологии, фашистской культуры, правящего фашистского класса, согласия масс с фашизмом («массовый консенсус»), фашистского тоталитаризма и даже фашистского режима [11, 6].

Некоторые исследователи утверждают, что режим Муссолини не был истинно фашистским, но «полуфашистским». Можно сказать, что фашизму предоставляется индульгенция или, по крайней мере, возникает благожелательное отношение к фашистскому эксперименту, скорее как к комическому, чем трагическому событию, своего рода разновидности коллективного комедианства, разыгрывавшегося в течение двадцати лет итальянцами под властью личной диктатуры, обусловленной лестью перед диктатором, что в конечном итоге не потребовало больших жертв от Италии. Это отличало Италию от нацистской Германии, где привился расизм и антисемитизм, что привело ее на путь гибели [Там же].

Самая распространенная форма «дефашистизации» фашизма — низведение фашизма к «муссолинизму», т. е. к политическому поведению дуче. В этой позиции проявляется стремление оставить фашизм без фашистов, утверждая, что большинство тех, кто был членами фашистской партии, объявляли себя на публике фашистами, но в действительности входили в политические, культурные, экономические институты режима ради власти и престижа и в реальности не были истинными фашистами, как и не были фашистами те массы, которые выходили на площади, приветствуя дуче.

Согласно этой тенденции, не были истинными фашистами Джузеппе Боттаи, Дино Гранди, Луиджи Федерцони, Альберто Де Стефани, т. е. персоны, которые были наверху фашистской власти от начала и до конца и которые всегда публично демонстрировали свою веру в фашизм и в своего дуче. В одной шеренге с техническими работниками, интеллектуалами, молодыми университетскими профессорами и студентами, которые демонстрировали свою веру в фашизм и дуче и которые принимали активное участие в жизни и в политике режима, эти протагонисты фашистского режима теперь представляются как «диссиденты», «непокорные», «критики», «либералы», а иногда и как тайные противники фашизма.

Современный исследователь Э. Джентиле пишет, что он не разделяет мнение тех, кто отрицает в фашистском феномене собственную историческую индивидуальность, и полагает, что тенденция к «дефашистизации» фашизма во всех ее различных проявлениях является фальсификацией исторической реальности. Не соглашаясь с подобным способом интерпретации и представления истории фашизма, Э. Джентиле стремится показать историческую индивидуальность фашизма без его демонизации и без предоставления ему каких-либо индульгенций, представить его таким, каким он был в исторической реальности в качестве нового политического феномена, возникшего после Первой мировой войны, в радикальной оппозиции к коммунизму и в то же время в его стремлении разрушить демократическую и либеральную цивилизацию, предложив себя в качестве радикальной альтернативы принципам свободы и равенства, которые начали утверждаться в Европе в качестве прав человека и гражданина, начиная с эпохи Просвещения и демократических революций конца XVIII в. В этом смысле фашизм был явлением *политического модернизма*, который претендовал на противоборство с рационалистической, либеральной и демократической модерностью, выдвинув альтернативную модерность, националистическую и тоталитарную, основанную на милитаризации и на сакрализации политики и на тотальном подчинении индивидуума государству [11, 7–8].

Фашистский феномен начал свое историческое движение в 1922 г. с приходом фашистской партии к власти и дал жизнь однопартийному режиму во главе с лидером, который был одержим осуществлением тоталитарного эксперимента согласно принципам, ценностям, мифам и достижением целей в рамках собственной политической культуры.

Э. Джентиле рассматривает фашизм как итальянский путь к тоталитаризму, где «тоталитаризм» является не только новой формой политического режима, появившегося после Первой мировой войны, но и новым опытом политического господства, выраженного комплексом идеологического, культурного, организационного и институционального процесса, который в итальянском фашизме имел одно из своих первых проявлений. Не большевистская революция открыла Западной Европе путь к тоталитаризму, а фашизм и национал-социализм.

Согласно интерпретации, предложенной Э. Джентиле, фашизм не ассоциируется с муссолинизмом, поскольку он был массовым движением, возникшим на основе опыта Великой войны и антисоциалистической реакции буржуазии и средних слоев, которые не только стремились защитить социальный и экономический порядок, основанный на частной собственности, но и пытались осуществить политическую и культурную революцию путем создания нового государства, основывающегося на ранее неизвестной форме тоталитарной организации гражданского общества и политической системы. Эту систему Э. Джентиле определяет как «тоталитарный цезаризм», как «харизматическую диктатуру цезаристского типа, интегрированную в организационную структуру соответственно тоталитарному мифу, сознательно адаптированному и конкретно действующему как свод поведения и отправная точка для действия и организации государства и масс» [11, 9].

Со всеми этими характеристиками итальянский фашизм стал моделью для других антидемократических революционных националистических движений, начиная от национал-социализма, которые следовали по его пути и использовали его опыт в области партийного строительства и политического режима, строя собственное государство согласно национальным традициям.

За рамками различий, даже если они имели глубокий характер, прежде всего идеологического порядка, эти движения характеризовались такими общими чертами, как политический мистицизм, революционный динамизм, идеологическая целостность, основанная на мифе нации как высшей коллективной сущности, которая должна быть возрожденной и воплощенной в государстве постоянной мобилизации, нацеленном на утверждение его величия, силы и престижа в мире.

Эти движения поддерживают и имитируют концепции, институты, мотивы поведения собственно фашизма, т. е. отвергают рационализм, равенство, прогрессистские концепции демократических и социалистических идеологий, ненавидят марксизм и коммунизм, но также презирают индивидуализм либерального буржуазного общества и умеренность парламентской демократии. Они прославляют культ «вождя» как живого воплощения нации и превозносят роль активного меньшинства и его способности мобилизовать и воспитать массы для реализации концепции антропологической революции путем создания «нового человека», предлагают корпоративистский «третий путь» между капитализмом и коммунизмом с перспективой реализации нового порядка и новой цивилизации, основанных на милитаризации и сакрализации политики, на организации и мобилизации интегрированных масс через организацию тоталитарного государства [Там же, 10].

Э. Джентиле обосновал следующее определение фашистского тоталитарного феномена: «Фашизм есть современный политический феномен, националистический и революционный, антилиберальный и антимарксистский, организованный в “военизированную партию”, имеющий тоталитарную политическую и государственную концепцию, опирающийся на мифологическую, с культом мужественности и антигедонизма, сакрализованную светскую религию, которая утверждает абсолютный примат нации и рассматривает ее в качестве органичной, гомогенной, этнически однородной общности, иерархически организованной в корпоративное государство, с воинствующим пристрастием к политике величия, силы и экспансии, нацеленной на создание нового порядка и новой цивилизации» [Там же, VI].

Выводы

Сила тоталитарного режима состоит в его опоре на массы, в использовании коллективистских архетипов массового сознания и нового политического стиля вовлечения масс в политику, в достижении консенсуса с массами.

Таким образом, диапазон тоталитарных режимов расширяется до «тоталитарной демократии». Сопоставляя «идеальные типы» либеральной и тоталитарной демократии, можно полагать, что жизнестойкость первой из них придает

спонтанный, эвристический поиск компромисса между свободой и необходимостью.

Здесь просто нет возможности для развития анализа тоталитарного феномена, исходя из теории И. Пригожина, поэтому, пропуская доказательство теории, сошлюсь только на ее выводы. *Необходимость* накладывает фундаментальные ограничения на свободу. Именно здесь и происходит отбор на выживание, на воспроизводство жизни. Именно здесь свобода «соединяется» с необходимостью. *То, что выживает, получает санкцию на существование во времени* [3, 110].

Мировой опыт не дал ни одного жизнеспособного примера тоталитарной модели, выстроенной самоуверенным человеческим умом. Но это не основание для того, чтобы не находились новые самоуверенные лидеры, отстаивающие модель тоталитарной демократии, и *априори* ученые не могут утверждать, что третий путь абсолютно невозможен. Мы можем только предостерегать и указывать на исторический опыт и исторические ошибки.

-
1. Буханов В. А. Европейская стратегия германского фашизма. 1933–1939. Свердловск, 1991.
  2. Дугин А. Консервативная революция. М., 1994.
  3. Егоров И. Свобода, детерминизм и индетерминизм в свете идей И. Пригожина // Мировая экономика и международные отношения. М., 1999. С. 110.
  4. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.
  5. Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов : сб. ст., обзор, реф., пер. М., 1993. Ч. 1.
  6. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.
  7. Dahrendorf R. Quadrare il cerchio. Laterza, 1995.
  8. Dahrendorf R. Dopo la Democrazia. Laterza, 2001.
  9. Furet F., Procacci G. Controverso Novecento. Reser, 1995.
  10. Furet F. Da Lenin a Gorbaciov: L'oppio dei popoli // Liberal. 1996. № 13. P. 17.
  11. Gentile E. Il fascismo in tre capitoli. Roma-Bari : Laterza, 2006.
  12. Mikhailenko V. Ugo Spirito e il destino dell'idea comunista nel XX secolo // Democrazia, nazione e crisi delle ideologie. Roma, 1999.
  13. Mosse G. La nazionalizzazione delle masse. Simbolismo politico e movimenti di massa in Germania (1812–1933). Il Mulino, 1975.
  14. Mosse G. Il fascismo. Verso una teoria generale. Roma-Bari, 1996.
  15. Mosse G. L. Democrazia totalitaria e nuovo stile politico // Nuova storia contemporanea. 1998. № 4. P. 9.
  16. Talmon J. L. The Rise of Totalitarian Democracy. Boston, 1952.
  17. Traverso E. Il totalitarismo. Mondadori ed., 2002.

Статья поступила в редакцию 15.12.2010 г.

УДК 327.82(470) + 316.722 + 371.3

Р. С. Мухаметов

КУЛЬТУРА КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Рассматриваются место и роль культуры в защите внешнеполитических интересов, уточняется формулировка термина «культурная дипломатия». Автор подтверждает мнение, что экспорт русского языка, достижений российской науки является инструментом «мягкого» влияния России на международной арене.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культурная дипломатия, внешняя культурная политика, экспорт образования.

Государство осуществляет свою внешнюю политику и защищает национальные интересы с помощью различных инструментов. К военным средствам внешней политики принято относить насилие и угрозу применения военной силы. Экономическими инструментами являются санкции, эмбарго или своего рода «поощрения повиновения», «вознаграждения» (в виде предоставления кредитов, поставок энергоресурсов по льготным ценам). Публичная дипломатия включает в себя программы, финансируемые правительством и направленные на информирование и оказание воздействия на общественное мнение в других странах с целью формирования у зарубежной аудитории положительных взглядов на проводимую государством внешнюю и внутреннюю политику. В то же время наблюдается явный дефицит работ, посвященных месту и роли культуры в деле обеспечения национальных интересов и осуществления внешней политики.

Международная репутация любого государства определяется не только политическим весом и экономической мощью, но и культурным потенциалом. Пропаганда в зарубежных странах своего культурного достояния входит в число внешнеполитических приоритетов крупных и малых государств [12, 62–63]. Иными словами, все государства рассматривают пропаганду своей национальной культуры как инструмент распространения политического влияния в мире.

В реализации внешнеполитической стратегии особая роль принадлежит культурной дипломатии. На сегодняшний день ни в зарубежной, ни в отечественной литературе не существует единства мнений по поводу определения данной дефиниции. Сам термин ввел в научный оборот американский исследователь Ф. Баргхорн, который понимал под этим «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях» [2, 5].

Российский исследователь А. В. Голубев дает следующее определение культурной дипломатии: «это использование государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей» [3, 224].

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории политической науки Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: muhametov.ru@mail.ru).

© Мухаметов Р. С., 2011

Под данным термином мы подразумеваем систему мер, которая связана с использованием культуры в качестве объекта и средства достижения внешне-политических приоритетов государства путем ее распространения и популяризации за рубежом.

Культурной дипломатией занимаются все страны, в том числе и Россия. Поддержка соотечественников за рубежом, всемерная защита их прав и законных интересов являются одним из приоритетных направлений внешней политики государства. Россия строго придерживается принципа, согласно которому обеспечение прав человека, включая права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, не является исключительно внутренним делом любого государства. В настоящее время российская диаспора составляет около 27 млн человек, в том числе свыше 17 млн в ближнем зарубежье. Поэтому вопросы сохранения культурной и гуманитарной среды соотечественников — использования русского языка, получения образования на родном языке, доступ к русскоязычным СМИ, установление связей с исторической родиной не теряют своей актуальности.

Посредством использования специфического инструментария, форм и методов культурная дипломатия способна внести существенный вклад в обеспечение национальных интересов и повышение эффективности российской внешней политики.

Вещание русскоязычных СМИ за рубежом представляет собой инструмент влияния на общественное мнение и политику зарубежных стран. Российское телевидение, радиовещание и печатные издания являются для соотечественников не только поставщиками новостей из России, но и постоянным каналом связи с исторической родиной. Во многом благодаря русскоязычным СМИ соотечественники, живущие за пределами России, не чувствуют себя оторванными от родины.

В настоящее время существует несколько телеканалов, которые осуществляют спутниковое вещание, а именно: «Первый канал-Всемирная сеть», «РТР-Планета», «НТВ-Мир», а также международная версия телеканала «ТВ Центр» — «TVCI». Так, в 1999 г. была создана первая международная версия «Первого канала», предназначенная для вещания для стран Европы — «1TVRUS-Eurore». В сентябре 2002 г. была создана международная версия «Первого канала», предназначенная для стран Балтии — «Первый Балтийский канал». В 2004 г. началось вещание для США и Канады — «1TVRUS-USA&Canada».

Особое значение в деле реализации геополитических и экономических интересов страны имеют связи в области науки и образования, которые становятся все более важным и эффективным средством внешней политики России.

Экспорт образования реализуется путем коммерческого присутствия в странах-партнерах филиалов и представительств вузов, совместных университетов либо обучения иностранных студентов в российских высших образовательных учреждениях.

Важную роль в обеспечении прав наших соотечественников, в том числе и права на получения образования на родном русском языке, играет зарубежная сеть филиалов российских вузов. В настоящее время практически во всех госу-

дарствах — участниках СНГ и стран Балтии существуют филиалы российских высших учебных заведений, созданные в том числе такими ведущими вузами страны, как Московский государственный университет им. Ломоносова, Российский государственный университет нефти и газа им. Губкина, Московский институт стали и сплавов, Московский государственный университет экономики, статистики и информатики, Российская экономическая академия им. Плеханова. Сегодня на основании российских лицензий действуют 42 филиала, в которых обучаются 25 тыс. человек [9].

Зарубежные филиалы российских высших учебных заведений решают следующие задачи:

- расширяют изучение русского языка и культуры России в зарубежных странах;
- содействуют сохранению русской культуры и русского языка в странах ближнего зарубежья;
- поддерживают функционирование русского языка в государствах — участниках СНГ и странах Балтии;
- обеспечивают права соотечественников, в том числе и права на получение образования на родном русском языке;
- наконец, восстанавливают единое культурно-информационное поле на всем постсоветском пространстве.

Особая роль в изучении и распространении русского языка как инструмента межнационального общения и литературы России, как неотъемлемой части мировой культуры, в получении образования на русском языке принадлежит системе российско-национальных (славянских) университетов. Они открыты в Армении (Ереван), Белоруссии (Могилев), Киргизии (Бишкек) и Таджикистане (Душанбе). Данные высшие учебные заведения, в которых в настоящее время обучается 16 тыс. человек, в целом успешно реализуют образовательные программы на русском языке по российским образовательным стандартам. За период своего существования они превратились в ведущие образовательные, культурные и научно-исследовательские центры в странах пребывания [8].

Основной формой подготовки иностранных специалистов является обучение в российских образовательных учреждениях на территории страны. Сегодня на территории России в 790 образовательных учреждений проходят обучение 165 500 человек из 150 государств мира (из государств — участников СНГ — 80 тыс.), в том числе в вузах: студентов — 158 050 человек, аспирантов — 4340, докторантов — 111. В образовательных учреждениях среднего профессионального образования обучается 7450 человек [8]. По данным ОЭСР, Россия принимает только 2 % от общего количества иностранных студентов, составившего в 2007 г. 3 млн. Для сравнения: США принимает 20 %, Великобритания обучает 12 %, Германия и Франция — 9 % и 8 % соответственно. Значительное количество студентов обучается в Австралии (7 %), Канаде (4 %), Японии (4 %). Россия по числу иностранных студентов находится сегодня на 9-м месте. Самые крупные по численности группы иностранных студентов, обучающихся сегодня на дневных отделениях в российских вузах, — из Казахстана, Китая, Киргизии и Белоруссии. Далее следуют Индия, Вьетнам, Узбекистан, Таджикистан, Армения, Украина [6].

Повышенного внимания требует увеличение объемов подготовки иностранных специалистов на российской образовательной базе путем предоставления государственных стипендий. Так, число иностранных граждан, принимаемых для обучения в российские образовательные учреждения за счет федерального бюджета, в 2009/10 уч. г. составило 10 тыс. человек.

Основной целью государственной политики России в сфере подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях является реализация геополитических и социально-экономических интересов России через подготовку элиты зарубежных государств [5].

Помимо очевидных политических дивидендов обучение зарубежных студентов является и весьма прибыльной индустрией. Объем мирового рынка образовательных услуг составляет примерно 90 млрд долл. За счет иностранных студентов американская экономика получает ежегодно от 12 до 14 млрд долл. [4]. По оценкам экспертов, доход России от экспорта образовательных услуг составляет около 350 млн долл. в год [1].

Таким образом, экспорт образования представляет собой инструмент «мягкого» влияния России на международной арене через распространение русского языка, достижений российской науки, культуры и ценностей.

В проведении культурной дипломатии России особое место занимает работа по укреплению позиций русского языка. В области распространения и популяризации русского языка за рубежом, поддержания программ изучения русского языка в иностранных государствах наиболее активную деятельность ведут Российский центр международного научного и культурного сотрудничества (Росзарубежцентр) при МИД России, а также фонд «Русский мир».

Богатый опыт в работе по поддержке русского языка накоплен Росзарубежцентром, который обладает постоянно действующей сетью курсов русского языка. Такие курсы действуют в 38 странах при 43 представительствах Росзарубежцентра — российских центрах науки и культуры (РЦНК), на этих курсах ежегодно обучаются от 15 до 20 тыс. человек [7].

Деятельность РЦНК не ограничивается только организацией работы по распространению и изучению русского языка в иностранных государствах. Проводимый ими широкий спектр мероприятий (выступления художественных коллективов и отдельных исполнителей, видео- и кинопросмотры, выставки, включая выставки художественных произведений, изделий народного творчества и фотовыставки, пропагандирующих русскую культуру) способствует формированию положительного внешнеполитического имиджа России.

Другим форпостом в работе по поддержке русского языка за рубежом является фонд «Русский мир». В настоящее время в 17 странах ближнего и дальнего зарубежья насчитывается 26 русских центров. Основным направлением деятельности данных центров является проведение тематических недель, посвященных российской культуре, литературе, кинематографу, спорту; организация фестивалей, праздников и вечеров, посвященных русскому языку и культуре [11].

По данным российского внешнеполитического ведомства, в настоящее время разными формами изучения русского языка за рубежом охвачено около

14 млн человек (в странах СНГ и Балтии — 12 млн, в дальнем зарубежье — почти 2 млн) [10].

Наиболее известные организации культурной дипломатии: Британский совет, Французский институт («Альянс Франсез»), Институт Конфуция (КНР), Институт Сервантеса (Испания), Институт имени Гете (ФРГ).

Практика организации культурного присутствия за рубежом, популяризация отечественного культурного достояния за границей входят в число внешнеполитических приоритетов большинства государств. Это можно объяснить несколькими причинами. Культурное сотрудничество России с зарубежными странами должно способствовать созданию благоприятного климата для успешного осуществления внешнеполитических акций, утверждению за страной достойного, сообразного ее геополитическому положению, совокупной мощи и ресурсам, места на мировой арене. Культурные связи призваны работать на создание благоприятного и объективного образа России в мире, должны порождать и поощрять чувства симпатии к нашей стране, множить число ее друзей, демонстрировать открытость российского общества и служить свидетельством возрождения России в качестве свободного и демократического государства.

Как показал анализ, в деле реализации внешнеполитических приоритетов России на международной арене в целом и на постсоветском пространстве в частности наряду с военной силой и экономической мощью особая роль принадлежит культуре. Использование культуры в качестве инструмента внешней политики России отнюдь не преследует цели полностью заменить прежние, испытанные средства силового давления и принуждения. Новые средства осуществления внешней политики лишь дополняют прежние, причем только там, где и когда применение старых, традиционных инструментов невозможно или неэффективно.

---

1. Андрей Фурсенко поручил разработать стратегию развития экспорта образовательных услуг России [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.edu.ru/news/2328/> (дата обращения: 17.09.2010).

2. Голубев А. В. «...Взгляд на землю обетованную»: Из истории советской культурной дипломатии 1920–1930-х годов. М., 2004.

3. Голубев А. В. «Звездный час» советской культурной дипломатии: 1929–1939 годы // Россия и современный мир. 1999. № 2.

4. Дмитриев Н. М. Развитие экспорта образовательных услуг российских вузов [Электронный ресурс]. URL: <http://russia.edu.ru/information/analit/official/4069/> (дата обращения: 17.09.2010).

5. Концепция государственной политики Российской Федерации в области подготовки национальных кадров для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях от 18 октября 2002 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/conception/> (дата обращения: 17.09.2010).

6. Концепция экспорта образовательных услуг Российской Федерации на период 2011–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://russia.edu.ru/information/analit/official/3783/> (дата обращения: 17.09.2010).

7. К вопросу о роли русского языка в мире (справочная информация МИД РФ, 2004) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etnosfera.ru> (дата обращения: 17.09.2010).

8. О мерах по развитию и совершенствованию экспорта российских образовательных услуг : выступление дир. Департамента междунар. сотрудничества в образовании и науке Минобрнауки России В. В. Ничкова на заседании коллегии Мин-ва [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mon.gov.ru/ruk/dir/nichkov/dok/5035/> (дата обращения: 17.09.2010).

9. О подготовке иностранных специалистов для зарубежных стран в российских образовательных учреждениях [Электронный ресурс]. URL: http://img.russia.edu.ru/novosti/o_podgotovke_inostr_spec-v.pdf (дата обращения: 17.09.2010).

10. Роль русского языка в мире: новые вызовы и решения (справочная информация МИД РФ, 2005) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения: 17.09.2010).

11. Что такое Русский центр? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russkiymir.ru> (дата обращения: 17.09.2010).

12. *Шмагин Е. А.* Культура и дипломатия // *Международная жизнь*. 2002. № 3.

Статья поступила в редакцию 21.09.2010 г.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА 1945 ГОДА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА»

Международная научно-практическая конференция

29–30 апреля 2010 г. в Екатеринбурге состоялась международная научно-практическая конференция «Великая Победа 1945 года: взгляд из XXI века». Конференция была посвящена 65-й годовщине победы во Второй мировой войне. Организатором конференции выступил факультет международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького при поддержке Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области.

Среди участников конференции были ветераны Великой Отечественной войны, политические и религиозные деятели, представители органов власти, представители генеральных консульств в Екатеринбурге, российские и зарубежные студенты и магистранты, преподаватели вузов, научные работники.

На первом пленарном заседании, которое состоялось 29 апреля в резиденции губернатора Свердловской области, с приветственным словом к участникам конференции обратились помощник губернатора Свердловской области А. А. Александров, ректор Уральского федерального университета им. первого Президента Б. Н. Ельцина — В. А. Кокшаров, представители дипломатического корпуса, а также православной, католической, мусульманской и иудейской религиозных конфессий Екатеринбурга. С большим интересом участники конференции заслушали выступления о значении победы 1945 года дипломатов и политических деятелей из таких государств, как США, Германия, Франция, Великобритания, Чехия, Социалистическая Республика Вьетнам, Украина, Республики Таджикистан.

На пленарном заседании с докладом «О попытках пересмотра хода и итогов Второй мировой войны» выступил заместитель директора Российского института стратегических исследований П. С. Гребенников (Москва).

На втором пленарном заседании, которое состоялось в тот же день в Уральском государственном университете им. А. М. Горького, были заслушаны

научные доклады уральских ученых. Среди выступивших были преподаватели УрГУ: профессор А. Г. Чевтаев с докладом на тему «Сталин, Рузвельт, Черчилль: Большая тройка от “Барбароссы” до “Терминала”», профессор В. Д. Камынин — «Историческая память о войне как фактор формирования общественного сознания», доценты Л. Я. Баранова и С. И. Быкова — «Война и память как этические и исторические категории (на основе исследования знаний студентов)», доцент А. В. Подчиненов и профессор Т. А. Снигирева — «Отечественная литература о войне и национальное самосознание», профессор В. И. Михайленко — «Международная обстановка в 1945 г. в оценке итальянских дипломатов».

30 апреля в УрГУ проходила работа по секциям. На конференцию поступило свыше 25 докладов от преподавателей из учебных заведений г. Екатеринбурга. Их доклады заслушивались на секциях «Историческая память о войне», «Факторы достижения победы», «Язык войны (лингвистический и литературоведческий аспекты)». На заседаниях секций присутствовал помощник генерального консульства Республики Таджикистан в Екатеринбурге.

В конференции активное участие приняли студенты различных факультетов УрГУ. Всего подали доклады 77 студентов экономического, математического, физического факультетов, факультетов международных отношений, журналистики, связей с общественностью, института управления и права. Были организованы секции «Гордость и память, передаваемые из поколения в поколение», «Человек в условиях глобального военного конфликта», «Важнейшие моменты военной истории (1939–1945 гг.)», «Народное хозяйство страны в военные годы», «Когда музы не молчали». Руководили работой секций преподаватели и сотрудники различных факультетов УрГУ.

Основное внимание участников конференции было сосредоточено на рассмотрении нескольких главных вопросов. Выступающие выделили роль военно-политических и моральных факторов, роль тыла, антигитлеровской коалиции, движения Сопротивления в обеспечении победы над нацистской Германией и ее союзниками. Рассматривались также вопросы, связанные со значением победы для послевоенного устройства мира, с итогами и уроками Второй мировой войны.

Наиболее дискуссионными оказались вопросы о тенденциях в современной литературе по пересмотру итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн, а также проблемы исторической памяти.

Руководители молодежных секций отметили интерес студентов к изучению военных, политических, экономических и культурных аспектов истории войны. В то же время многие студенты большое место отводили вопросам сохранения личной и семейной памяти о войне, отражению истории войны в учебной литературе и средствах массовой информации, а также роли личного фактора в войне. Большинство выступлений были сделаны на высоком научном уровне и отличались эмоциональностью.

Участники конференции приняли по ее итогам рекомендации. Было обращено внимание на то, что изучение истории Великой Отечественной войны, факторов, обеспечивших победу над нацистской Германией и ее союзниками,

остаётся актуальным в настоящее время, несмотря на отдаление военных событий. Актуальность изучения этих вопросов объясняется продолжающимися дискуссиями в обществе и научной среде по таким важным проблемам истории, как соотношение внутренних и внешних факторов, оказавших влияние на исход Великой Отечественной и Второй мировой войн, цена победы, ее влияние на судьбы советского народа и народов, населявших Центральную и Восточную Европу, послевоенное устройство мира и др. Участники конференции высказались против искажения событий истории Великой Отечественной войны, пересмотра ее итогов, пропаганды радикальных течений. Правдивое освещение событий Второй мировой и Великой Отечественной войн является особенно важным в деле патриотического воспитания подрастающего поколения. В связи с этим было обращено внимание на недостаточное количество времени, которое выделяется в учебных курсах на преподавание истории Второй мировой и Великой Отечественной войн.

В. И. Михайленко, В. Д. Камынин

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО РЕКТОРА УрФУ В. А. КОКШАРОВА НА ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ

Невозможно опровергнуть очевидный факт, что главную роль в победе над германским национал-социализмом сыграл советский солдат, но эту победу вместе с ним добывали и американские, и английские, и французские, и китайские и другие солдаты, свою посильную лепту в разгром фашистских агрессоров внесли участники движения Сопротивления из Балканских стран, Польши, Германии. Нельзя забывать, что в годы войны в состав СССР входили 15 союзных республик. В Красной армии сражались представители всех народов, которые внесли достойный вклад в общую победу. Необходимо беречь эту уникальную память, всячески способствовать тому, чтобы участие в Великой Отечественной войне воспринималось в бывших советских республиках, ныне независимых государствах, как лучшие страницы их национальной истории, как эталон высоких духовных отношений наших народов.

Очередной всплеск фальсификаций истории Второй мировой войны и роли советского государства в ней происходит на наших глазах. В большинстве случаев причины понятны: идет процесс становления национальной идентичности государств, освободившихся от советского влияния. Антисоветизм, перешедший в русофобию, становится ядром государственной идеологии.

К сожалению, так случилось с нашими самыми близкими западными и южными соседями: Украиной, Грузией, Литвой, Латвией, Эстонией и Польшей, где фальсификация достигла уровня государственной политики.

Общеизвестны попытки мифологизации личности Бандеры и деятельности Украинской повстанческой армии, освободительный поход Красной армии на Западную Украину и Западную Белоруссию рассматривается как равнозначная

немецкой оккупация территорий. В странах Балтии на правительственном уровне формируются финансовые претензии к России.

Не самой удачной следует признать принятую в июле 2009 г. Парламентской ассамблеей ОБСЕ резолюцию о «воссоединении разделенной Европы», в которой «два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский» поставлены на одну доску.

С научной точки зрения подход не является корректным. Один из самых глубоких знатоков германского национал-социализма американский исследователь Дж. Моссе считает подведение сталинского и гитлеровского режимов под объединяющее понятие «тоталитаризм» политически ангажированным.

Мне хотелось бы напомнить пример из исторического прошлого, который хорошо знают историки. Он связан с войной документов между Западом и Востоком в начальные годы холодной войны. В ответ на публикацию в США сборника документов «Нацистско-советские отношения» Москва издала историческую справку «Фальсификаторы истории». Оба издания страдали гипертрофированным политическим подходом. Следствием политического столкновения стала активизация отечественных исследований кануна и периода Второй мировой войны, среди которых заметное место занимает уральская школа профессора И. Н. Чемпалова.

Уровень исследований отечественных историков оказался настолько высоким, что практически исключил тенденциозные интерпретации советской внешней политики кануна Второй мировой войны. Сошлюсь на недавно вышедшую книгу «Международный кризис 1939 г. в трактовках российских и польских историков», изданную МГИМО(У), в которой российские и польские исследователи смогли сблизить свои подходы в оценке причин Второй мировой войны.

Несмотря на остроту современных политических дискуссий по вопросам истории, отечественные исследователи не должны руководствоваться только «политической целесообразностью». Чаще всего уязвимые места для ревизии и фальсификаций возникают там, где остаются умолчания, закрытые для исследователей темы, недоговоренности. Это касается таких тем, как пресловутый «голодомор» на Украине, история Украинской повстанческой армии, интернациональный подвиг народов, повседневная жизнь в тылу и на фронте, преступления нацистов на советской территории, особенности советского освободительного похода в Восточную Европу и Германию и многих других.

Значительный вклад в исследование белых пятен истории уже внесли и продолжают вносить уральские ученые.

В заключение своего выступления я хотел бы выразить солидарность с мнением Сергея Нарышкина, председателя Комиссии при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, который утверждает, что «история не должна являться предметом манипулирования, а историческую правду, какой бы она ни была, следует искать на основе первоисточников».

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Г. Е. Корнилов
М. А. Фельдман

О МОНОГРАФИИ А. А. АНТУФЬЕВА «УРАЛЬСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ»

Связующим звеном советской и постсоветской исторической литературы, посвященной Великой Отечественной войне, стала монография А. А. Антуфьева, опубликованная в 1992 г. Этот год соединял два периода исторических исследований: период перестройки, характеризующийся широким присутствием публицистических приемов в исторических трудах, и новый, постперестроечный, с заметной фетишизацией факта. А. А. Антуфьев, пришедший в науку в зрелом возрасте, защитивший кандидатскую диссертацию в 41 год, обладал собственным исследовательским почерком, пожалуй, меньше всех других историков был подвержен волнам идеологических кампаний. Научная устойчивость на переломе эпох нередко воспринимается как консерватизм, а повышенное чувство справедливости — как конфликтность. Смерть в возрасте «чуть за 60» — во многом от непонимания.

Первая глава монографии А. А. Антуфьева посвящена состоянию уральской индустрии накануне войны. Архивные фонды только открывались, и автор, нередко на основе сопоставления годовых заводских отчетов, по сути, первым воссоздал по крупинкам подлинную картину регионального, отраслевого и внутриотраслевого развития промышленности Урала. До Антуфьева в период тре-

---

КОРНИЛОВ Геннадий Егорович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН (e-mail: gen@korn.unets.ru).

ФЕЛЬДМАН Михаил Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральской академии государственной службы (e-mail: feldman-mih@k66.ru).

© Корнилов Г. Е., Фельдман М. А., 2011

твей пятилетки (1938 — июнь 1941 гг.) изучалась только металлургия. Исследователь «препарировал» и машиностроение — ведущую отрасль индустрии Урала, отметив ее стремительную военизацию. Глубиной и содержательностью отличается очерк о состоянии легкой и пищевой промышленности в довоенный период. В целом глава по предвоенному периоду представляет собой самостоятельное и непревзойденное до сих пор исследование.

Отсутствие данных обобщающей отраслевой и региональной статистики военного времени заставляло автора нередко анализировать сводные таблицы по отдельным заводам. Изучая пути достижения высокого качества производимой на Урале продукции, А. А. Антуфьев параллельно выявлял проблемы производственной жизни уральцев. В книге «Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны» немалое место отведено состоянию рабочих кадров промышленности Урала в 1938–1945 гг. В монографии обстоятельное и зачастую *впервые правдивое* освещение получили проблемы текучести кадров, половозрастного состава, квалификации, производительности труда, технической учебы рабочих, средней продолжительности рабочего дня. Антуфьев раскрыл направления обеспечения технического прогресса в промышленности Урала и обосновал вывод о снижении себестоимости военной продукции за годы войны. Правдивость была главным кредо автора, он не скрывал всех трудностей и неудач в производстве качественной военной техники, в частности танков, в 1941–1942 гг. [1, 164–165].

В меньшей мере автору удалось отразить бытовую сторону жизни промышленных рабочих. Это заметно даже в сравнении с аналогичными сюжетами довоенного периода. Вызывают интерес введенные в научный оборот Антуфьевым данные о цене социалистической индустриализации на Урале [Там же, 89–90]. Но утверждение автора о том, что уже накануне войны рабочий класс питался по нормам военного времени [Там же, 90], на наш взгляд, весьма спорно. Из приведенных самим же Антуфьевым статистических данных вытекает, что душевое потребление рабочими молока, картофеля, рыбы в 1940 г. существенно (на 20–90 %) превосходило аналогичные показатели военного времени. Вызывает сомнение и то, насколько полно автором учитывались поступления от личного хозяйства рабочих.

Изучение истории уральской промышленности было традиционным для региональной историографии. Но только в монографии А. А. Антуфьева представлен комплексный анализ не только топливно-энергетической отрасли, черной металлургии и машиностроения, но и цветной металлургии, химической, лесной, деревообрабатывающей, легкой, пищевой промышленности Урала, имевших общесоюзное значение. При этом автор исследовал и количественные, и качественные показатели уральской промышленности, характеризовавшие динамику производительности труда и себестоимости продукции: рентабельность, ритмичность, технический прогресс и другие экономические параметры, выполнение плановых заданий, комплексность использования природных ресурсов, соотношение экстенсивных и интенсивных факторов, уровень организации и условия труда.

Сложившуюся в 1930-е гг. структуру уральской индустрии автор рассматривает как антигуманную, «в которой удовлетворение потребностей человека

стояло на последнем месте» [1, 91]. Ресурсы, предназначенные для мирных отраслей, перераспределялись в пользу военно-промышленного комплекса. Интересно мнение Антуфьева о том, что в годы третьей пятилетки командно-административная система переживала кризис. Выход из него осуществлялся за счет усиления административно-правовых мер принуждения, расширения громоздкого и неэффективного управленческого аппарата. Впрочем, этот тезис требует более тщательного обоснования. В третью пятилетку продолжалась индустриализация Урала, превратившая регион в громадный военно-промышленный комплекс с преобладанием базовых отраслей: машиностроения и металлообработки, черной и цветной металлургии, электроэнергетики и химии. Но, как верно отмечает автор, на предприятиях Урала уживались передовая техника, технология и низкая производительность, обусловленная безразличием работников, их недостаточной материальной заинтересованностью, отчуждением от средств производства.

А. А. Антуфьев отказался от изложения материала согласно сложившейся в советской историографии периодизации истории тыла в годы Великой Отечественной войны. Он не выделяет периоды перестройки экономики на военный лад и создания слаженного военного хозяйства. Так называемая перестройка не затрагивала основ административно-командной системы, не ломала устоявшихся форм и методов руководства, а являлась продолжением довоенного процесса перевода народного хозяйства на военные рельсы, только в более сжатые сроки в связи с экстремальными условиями войны [Там же, 9].

Сильной натяжкой Антуфьев считает распространенный вывод о том, что в стране было создано слаженное военное хозяйство. Дефицитная разбалансированная экономика с диспропорциями между отраслями не могла стать слаженной. Монопольная государственная собственность на средства производства позволяла Государственному комитету обороны (ГКО), ЦК ВКП(б), Совету народных комиссаров, Госплану силовыми методами мобилизовать все имеющиеся ресурсы в пользу военной индустрии, концентрировать их на важнейших участках промышленного строительства, а также произвольно снижать и повышать закупочные цены, устанавливая любые плановые задания, применять внеэкономические способы управления экономикой [Там же, 320]. Благодаря этому уральцам удалось за четыре года войны увеличить промышленное производство втрое. За годы войны на Урале было произведено 70 % всех средних, тяжелых танков и САУ, выпущенных Наркоматом танковой промышленности [Там же, 172]. До 40 % всего военного производства приходилось на долю Урала в годы войны. Не было таких видов военной продукции, которые бы здесь не изготавливались [Там же, 223].

А. А. Антуфьев утверждает, что во время войны уральская индустрия развивалась главным образом за счет экстенсивных факторов. Трехкратное увеличение валовой продукции и более чем двукратное повышение выработки на одного рабочего в рублях в немалой степени имели фиктивный характер, так как были достигнуты благодаря сравнительно высоким закупочным ценам на военную технику, боеприпасы, снаряжение и другую продукцию, идущую на оборонные цели [1, 224].

Невысокой была в военные годы и эффективность промышленного производства. Из-за простоев оборудования в результате его поломок, нехватки электроэнергии, топлива, сырья, материалов, запчастей, увеличения численности обслуживающего персонала и т. д. почти во всех отраслях индустрии региона ухудшились технико-экономические показатели. Высокие же темпы роста промышленного потенциала Урала в военных условиях, как считает автор, были связаны с интенсивным развитием машиностроения [Там же, 161–190]. Интенсификация производства в военно-промышленном комплексе осуществлялась за счет внедрения научно-технических достижений, чему способствовала эвакуация на Урал десятков научно-исследовательских, академических, учебных, проектно-конструкторских институтов, вместе с которыми прибыли видные ученые и тысячи научных сотрудников.

Техническому прогрессу в индустрии края содействовал и переход на выпуск вооружения. Централизация и специализация производства, крупносерийное и массовое изготовление продукции позволили заводам применить самые передовые, а иногда и неизвестные мировой практике технологические методы, механизировать многие трудоемкие операции. Значительные масштабы обрели модернизация станков, агрегатов, механизация и частичная автоматизация трудовых процессов. В машиностроении технический прогресс был ускорен организацией на заводах поточных линий и конвейеров. Уральцы первыми в мире поставили на поток изготовление танков.

Антуфьев попытался найти новые, неординарные подходы к оценке процессов, происходивших в кадровом составе уральской промышленности, выявлению роли командно-административной системы. Он исследовал уголовно-правовые меры принуждения, широко применявшиеся в сфере трудовых отношений, особенно при наборе рабочих на производство и укреплении трудовой дисциплины. Ученый приходит к выводу, что в экстремальных условиях войны «верхи» несколько ослабили хомут командных методов руководства, мелочную опеку предприятий, которым предоставлялись большая, чем до войны, возможность самим решать возникавшие проблемы. Умные, инициативные, компетентные, а потому и независимые руководители разных рангов смогли проявить себя в реальном деле.

Автора монографии можно упрекнуть в несколько иллюстративном характере изложения материала в ряде разделов, особенно там, где используются сведения по отдельным предприятиям. Однако книга посвящена региональной экономике и, на наш взгляд, частные примеры дают более яркое и точное представление о тех или иных процессах, чем обобщенные, среднестатистические данные.

Статистический разнотип, которым отличается литература по истории экономики региона, требует от историков критической проверки значительного круга сведений, выявления и отбора наиболее достоверных и доступных для проверки показателей, отражающих основные явления и процессы в промышленности (в том числе и уральской) в исследуемый период. Однако в книге отсутствует развернутый анализ источников, не всегда разъясняются методы обработки источникового материала, что ограничивает возможности их проверки.

Спорным представляется вывод А. А. Антуфьева о том, что хотя СССР и превратился в величайшую военную державу, но по степени социально-правового развития, уровню жизни народа, образования, научно-технического прогресса страна оставалась на задворках мировой цивилизации.

В целом по ряду причин обстоятельная монография А. А. Антуфьева, опередившая аналогичные исследования по другим регионам, не получила должной оценки в историографии. Книга наводит и на размышления о задачах историков Урала.

Чувства, настроения, социальное поведение различных групп рабочего социума в годы Великой Отечественной войны, на наш взгляд, находятся пока вне поля деятельности уральских историков. Сказывается и незначительный масштаб введенных в научный оборот источников (в частности, дневников и писем), которые раскрывают духовный мир тружеников тыла в годы великой войны. Опыт уральских исследователей Первой мировой войны [2], московских исследователей Великой Отечественной войны [3] подсказывает пути и методы исправления ситуации. До сих пор неизвестно, какая часть всех промышленных рабочих, и в частности квалифицированных, оказалась «бронирована» в тылу. Отдавая должное стойкости и героизму подростков и женщин, выскажем предположение, что тот костяк квалифицированных рабочих, который был оставлен в тылу, и стал решающей силой промышленного сопротивления с фашистскими государствами.

---

1. *Антуфьев А. А.* Уральская промышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны. Екатеринбург, 1992.

2. *Поршнева О. С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004.

3. *Семявская Е. С.* Психология войны XX в.: исторический опыт России. М., 1999.

SUMMARY

THE GREAT VICTORY IN 1945: VIEW FROM XXI CENTURY

Grebennikov P. V. About the attempts to revise the course and outcome of the WWII. 7

This article analyzes of controversy regarding the outcome of the WWII, presented in Russian and foreign mass media, the scientific literature. It is necessary to conduct propaganda against frequent cases of falsification of the nature and results of the Great Patriotic War.

Key words: falsification, character, outcomes and results of WWII.

Arslanova (Mikhailenko) E. B. The Great Victory in 1945 as a fundamental ritual of Russia in the context of national identity 13

Celebrating Victory Day May 9 is one of the most important sacred holidays, as in the Soviet period of Russian history, and at the present stage. The war and the pride of the victory, as well as pain and sorrow are important elements of mythology, culture and history of the nation. Characteristics of the ritual of the great victory of 1945 mainly based on the constructivist's theory. The key term in the study is Bourdieu's «symbolic capital». The paper analyzes the evolution of value systems in formation of symbolic capital in the post-Soviet Russia during the reign of B. Yeltsin, V. Putin, D. Medvedev.

Key words: Victory Day, Great Patriotic War, value systems in the post-Soviet Russia, symbolic capital.

Bykova S. I., Baranova L. Ya. War and memory as ethical and historical categories (On the basis of studying student's knowledge) 26

In article level of knowledge of modern students of USU about history, the origins and consequences of Second World War was analyzed. This research shows insufficient knowledge of the historical past, especially about the debatable questions connected with war. They know about the war reasons, and, especially, about a role of the USSR in a starting of the global conflict and the price of a great victory a little. The reason of it in the rupture between generations and imperfection of modern school and high school textbooks.

Key words: the price of a victory, Katyn, concentration camp, knowledge of the past, family history.

Vershinina T. S. Art and speech means in formation of installations on heroic behaviors 31

In article ways of influence on mass and individual consciousness in days of the Great Patriotic War for the purpose of formation of heroic behaviors of citizens at the front, in back and on occupied territories are analyzed by means of an art cinema, song art, the political poster, etc.

Key words: the person, heroic behavior, mass consciousness, an image of the hero.

- Zhurikhina E. V.* The British vision of the United States of Europe (1942–1943) as the post-war Europe transformation 38
 The article deals with the concept analysis of the United Socialist States of Europe proposed by the Left British Radicals F. Readly and B. Edwards, the leaders of the British Labour Party (Independent). It is pointed out that the ideas of the European integration during the WWII period were interpreted by the European political movements in different ways, and the British left-wing parties considered them independently and within the framework of marxism paradigm.
 Key words: the European integration; World War II: the United States of Europe; left radicals of Great Britain; the British Labour Party (Independent).
- Zapary V. V.* Innovation processes in the metallurgy of the Urals during the war years (1941–1945) 46
 This article examines the role of regional leadership in managing the evacuation and installation of equipment, relocated to the Urals during war years, also explores the changing of specialization in the metallurgical industry of the region during the period 1941–45.
 Key words: metallurgy of the Urals, evacuation, innovation, restructuring of enterprises.
- Zapary Vas. V.* Evacuation of the tank plants to the Urals during the Great Patriotic War 53
 This article is devoted to analyses of one of the unexplored episodes in the history of the Great Patriotic War – evacuation of Soviet tank plants to the Urals.
 Key words: restructuring of the economy of the Urals, evacuation, tank plants.
- Kamynin V. D.* The historical memory of the Great Patriotic War as a factor in shaping of the public consciousness 59
 The evolution of the historical memory of the Great Patriotic War in the minds of Russians in the Soviet and modern period of history of Russia was studied in this issue. Author had analyzed the factors affecting the formation of historical memory of the war.
 Key words: historical memory, social awareness, rethinking and mythologizing of history.
- Kulagin A. S.* The role of the USSR in the process of international recognition of the new Yugoslavia in the context of inter-allied relations during the final stage of the WWII 65
 The article analyzes the role of the USSR in the process of international recognition of the new Yugoslavia in the context of relationships between representatives of the «Big Three» during the final stages of WWII. Characteristics and differences in approaches allied to this problem were demonstrated in this issue.
 Key words: USSR, the allies, recognition of the new Yugoslavia.
- Larin D. A.* Soviet cryptographic service during the Great Patriotic War 69
 An overview of the history of the Soviet cipher technology in 1920–40-years is in this issue. Special attention is paid to the Soviet cryptographic and technical engineering during the period of the Great Patriotic War.
 Key words: the Great Patriotic War, cryptography, ciphers, cryptographic equipment.
- Lichman B. V.* The methodology of falsification of the history of the Great Patriotic War 81
 The article analyzes the characteristics of modern assessments of various events of the Great Patriotic War and reveals their methodological framework.
 Key words: falsification of history, methodology, the Great Patriotic War, victory.
- Lyamzin A. V.* The Great Patriotic War in CIS leaders talks 84
 Historical sources – memoirs, interview and speeches connected with Great Patriotic war are investigated in the article. Some factors are impacts on person position. Personal experience in the

war, their country participation in modern regional conflicts and foreign strategy of the state are influences mainly.

Key words: post soviet elites, rethinking of the past, personal sources, Day of Memory and Honor, Shehids, Celebration of Victory and Peace.

- Mikhailenko A. V.* «Parallel strategy» Mussolini in the records of the historical journal of the High Command (June 11 – August 31, 1940)..... 90

This article examines the main stages of the development of «parallel strategy» Italy and Germany in the early period of World War II (Summer 1940).

Key words: Italo-German relations, summer 1940; parallel strategy: partition of influence in North Africa and the Balkans.

- Motrevich V. P.* Agricultural contribution of the Soviet republics and regions to victory in the Great Patriotic War 98

The article discusses the contribution of regions of the former Soviet Union to the victory over Nazi Germany. The author analyzes the problem of comparability of statistical indicators of agricultural development in the various republics of the USSR.

Key words: agriculture, product range, statistical sources.

- Pankin I. D.* The Ural industrial management on the eve of and during the Great Patriotic War: review of contemporary historiography 103

The paper analyzes the characteristics of historiographical approaches to studying of the structure and mechanisms of industrial control of Bolshevik party organs in the Urals in 1939–1945.

Key words: historiography, management, Ural industry.

- Pobedash D. I.* «The Children of Light and the Children of Darkness»: moral justification of Reinhold Niebuhr for the cooperation of the USA and the USSR against Nazism..... 112

Reinhold Niebuhr – one of the most influential political philosophers of the 20th century and a founding father of political realism – during the World War II emphasized kinship of liberalism and Marxism. He called both liberals and Marxists «children of light», while Nazis were for him cynical «children of darkness».

Key words: Reinhold Niebuhr, liberalism, Marxism,

- Tabarintseva-Romanova K. M.* Parade in Moscow in Italian press 119

The present article analyzes the Italian media articles, devoted to the Victory Day in Moscow. The paper highlighted a number of general and specific assessments of this event in Italian press

Key words: parade in Moscow, the media in Italy, cooperation italian-russian.

- Turdubekova T.* Soviet-English negotiations about conducting of joint action in Iran 122

It is dedicated to the analysis of the many-sided and ambiguous relations of Iran with the leading world powers, Great Britain and USSR, in the period World War II, to the storing of the anti-Hitler coalition.

Key words: Iran, the USSR, Great Britain, World War II, international relations, diplomacy.

- Usova A. N.* The outcome of WWII: review of foreign historiography 129

This article presents an analysis of foreign historiography on the division of Germany (1949) in the context of incessant discussions about the genesis of the Cold War.

Key words: historiography, the cold war, East Germany (DDR), West Germany (FRG, Bundesrepublik Deutschland).

- Chevtayev A. G.* Stalin, Roosevelt, Churchill: political strategy of the Big three from «Barbarossa» to «Terminal» 135
 The Big three relations are analyzed in the article. Features and distinctions of political strategy of great powers are shown. Stalin in the war beginning has overestimated the factor of USSR participation in the global conflict. Churchill and Roosevelt took weighed position. The parties managed to create contours of post-war system during successful diplomatic maneuvering, moving from confrontation to the Yalta compromise.
 Key words: the Big Three, the Atlantic Charter, the Polish question, the separate peace with Germany, a security belt.
- Shaposhnikov G. N.* Telecommunication and postals of the Urals in 1941–1945 143
 A review of development in telecommunication before and in days of the Great Patriotic War is given in the article. Achievements are shown, in equipment and building of networks. It is told about complexities which telecommunication of Urals in days of war has faced. The attention to difficult living conditions of activity of employees at the Narcomat of communication in Urals is paid.
 Key words: Telecommunication, telephony, telegraphy, Automatic telephone exchanges, dystrophy.
- Shilonosova I. D.* War through the eyes of a child in the documentary story «March of Slayanka» by N. Sukhinina 154
 The features of child perception of the Great Patriotic War and the horror of the occupation was analyzed here on the basis of documentary prose.
 Key words: war, image, child.

AT THE SCHOLAR'S LABORATORY

- Baluyev S. M. K. N.* Batiushkov's essay «The walk to the Academy of Arts»: the peculiarities of the critical thought 159
 The article shows the historical and cultural significance of the essay «The walk to the Academy of Arts» (1814) by K. N. Batiushkov, and also cases leading to its creation at the beginning of the XIXth century.
 Key words: russian art criticism of the 19th century, K. N. Batiushkov, the exhibition in the Academy of Arts of 1814, a work of art, trends in Art, aesthetic estimation.
- Baryshnikova Yu. S.* US Foreign Policy Toward Latin America During the Presidency of J. F. Kennedy (1961–1963) 166
 The present article evaluates several aspects of the US foreign policy toward Latin America in 1961–1963. Analyzing archival data the author argues that Kennedy foreign policy was rather cohesive aimed at winning the Cold war. In turn, pursuing their own political and economic interests, Latin American countries often exaggerated the communist threat in their societies.
 Key words: US foreign policy, Latin America, Kennedy, Alliance for Progress.
- Lazareva Y. V.* Genesis of historical knowledge in the early XX-th century in the Urals 173
 This article presents an analysis of generation of scientific knowledge in the Urals, the author shows the role of local history and interest of local scientists to active study of social history, history of mining and metallurgical districts, factories and Ural metallurgy.
 Key words: the origin of the historical science of the Urals, local history, socio-economic problems of mining industrial Urals.
- Mikhaylenko V. I.* The Contemporary research of the totalitarian phenomena 181
 The article deals with modern scientific interpretation of the totalitarian phenomenon. The strength

of the totalitarian regime, the author argues, lies in its reliance on mass-to-use collectivist archetypes of mass consciousness and a new political style of drawing the masses into politics to build a consensus between the regime and the masses. The author expands the range of totalitarian regimes to the «totalitarian democracy». Comparing the «ideal types» of liberal and totalitarian democracy, the author believes that the viability of the first of them gives a spontaneous, heuristic search for a compromise between freedom and necessity. Necessity (as a limiter of freedom on the line of survival of the subject) acts as a social framework that holds it and the public from making disastrous decisions. On the contrary, international experience has not given any viable example of the totalitarian model, built-confident human mind. The author analyzes contemporary debates about the nature of totalitarian societies and regimes.

Key words: totalitarianism, mass society, fascism, national socialism, participatory democracy, «direct» democracy.

Muhametov R. S. Culture is an instrument of foreign policy of Russia 193

The text deals with the role of culture to uphold one's interests. The author made his remarks on culture diplomacy. In his work the author shared the idea that export the language, scientific achievements are soft power.

Key words: culture diplomacy, foreign cultural policy, export of education.

ACADEMIC CURRICULUM

The Great Victory in 1945: view from XXI century (*V. D. Kamynin, V. I. Mikhaylenko*) 199

Welcome speech at the opening of the conference by V. A. Koksharov 201

REVIEWS

Kornilov G. Y., Feldman M. A. About the book «The Ural industry before and during the Great Patriotic War» by Antufiev A. A. Yekaterinburg, 1992) 203

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры
2011
№ 1 (86)

Редактор и корректор *Н. В. Чапаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-23103.
Учредитель — Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный университет им. А. М. Горького».
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 28.03.2011. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,2. Усл.-печ. л. 17,4. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в типографии ИПЦ «Издательство УрГУ»
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

О порядке предоставления рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@usu.ru) **текст статьи** (см. ниже требования к оригиналу), **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://proceedings.usu.ru>) и отсканированную **внешнюю рецензию** (внешнюю рецензию дает специалист соответствующей отрасли знаний, не работающий в одном вузе или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи). Официально заверенный оригинал внешней рецензии автор предоставляет в редакцию по почте или лично. Статьи без анкеты и внешней рецензии не рассматриваются.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

4. При одобрении рукописи рецензентами и редколлегией издательство сообщает автору, не состоящему в штате УрГУ, реквизиты УрГУ для частичного возмещения расходов на рецензирование, научное, литературное, техническое редактирование и тиражирование материала, пересылку авторского экземпляра по почте и т. д.

Примечание. Статьи аспирантов печатаются бесплатно.

5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — филологических, педагогических, психологических, искусствovedения — они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТу 7.9.–95);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;

з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список пронумеровывается по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.
2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru>
3. *Герцен А. И.* С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.
- ...
9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.
10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина: в 4 т. Санкт-Петербург ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.
11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru>
- ...

21. *Шацлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом:

- [1] – общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;
[1, 23] – первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) – на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом – по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расшифровывают:

[ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773, оп. 1, д. 27, л. 14–14 об.].

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. Редакция журнала «Известия УрГУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору Макушину Леониду Михайловичу.

Рукописи принимаются в ИПЦ «Издательство УрГУ»: ул. Тургенева, 4, приемная или отдел допечатной подготовки (для Ларисы Александровны Хухаревой).

Тел. для справок: (343) 350–59-68 в рабочие дни.

Электронный адрес журнала: izvestia_1@usu.ru

АНКЕТА СТАТЬИ

ФИО автора 1 (полностью)	
Ученая степень, звание	
Должность	
Организация	
Страна	
Город	
E-mail:	
Почтовый адрес и телефон	
Код научной специальности	
Автор 2 (аналогичные сведения о соавторе (соавторах))	
Наименование статьи	
Код УДК	
Аннотация	
Ключевые слова	
Список библиографических ссылок	
На английском языке:	
Author 1 (полностью)	
Organization	
Country	
City	
Author 2	
Title of article	
Abstract	
Key words	